

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

Н.И. КАШИНА

**ОСВОЕНИЕ ДЕТЬМИ И МОЛОДЕЖЬЮ
ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ И
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

Екатеринбург – 2014

УДК 355.231+398.8 (021)
ББК Ц439.8(2Рос)
К 31

Научный редактор:

доктор педагогических наук, профессор **Н.Г. Тагильцева**
(Уральский государственный педагогический университет)

Рецензенты:

доктор педагогических наук, профессор **Л.В. Матвеева**
(Уральский государственный педагогический университет)

доктор педагогических наук, профессор **Г.С. Голошумова**
(Уральский государственный экономический университет)

Кашина Н.И.

К 31 Освоение детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей: монография / Н.И. Кашина ; ФГБОУ «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2014. – 183 с.

В монографии представлена концепция освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей и отражающая ее теоретические и методологические основания модель освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей (на примере системы казачьего образования как части российского образования в целом, клубов и молодежных организаций казачьей направленности).

Издание предназначено преподавателям вузов и колледжей музыкально-педагогического профиля, специалистам в области педагогики музыкального образования, аспирантам, студентам, учителям основного и дополнительного музыкального и художественного образования, учителям, работающим в учебных учреждениях с казачьим кадетским компонентом.

ISBN

Рекомендовано Ученым советом ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» в качестве научного издания (решение № 338 от 30.12.2014).

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2014
© Н.И. Кашина, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. Проблема освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей: теоретические основы	8
1.1. Понятие «традиционные ценности» в социально-гуманитарных науках и содержание традиционных ценностей русской культуры	8
1.2. Освоение личностью культурных ценностей как проблема российского образования	19
1.3. Психологические предпосылки и механизмы освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей	36
Выводы по первой главе.....	43
Глава II. Освоение подрастающим поколением казаков культурных ценностей (историко-педагогические аспекты)	45
2.1. Социализация и инкультурация детей и молодежи в семье и казачьей общине	45
2.2. Историко-педагогические аспекты развития образования в Уральском и Оренбургском казачьих войсках и освоение подрастающим поколением казаков культурных ценностей в казачьих учебных заведениях	59
Выводы по второй главе.....	71
Глава III. Педагогический потенциал художественной культуры уральского и оренбургского казачества в освоении детьми и молодежью традиционных культурных ценностей	74
3.1. Особенности художественной культуры уральского и оренбургского казачества	74
3.2. Педагогический потенциал художественной культуры казачества в освоении детьми и молодежью традиционных культурных ценностей	95
Выводы по третьей главе.....	107
Глава IV. Концепция и модель освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей	109
4.1. Концепция освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей: теоретические основы.....	109
4.2. Методологические основы концепции освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей:.....	125
4.3. Модель освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей	134
Выводы по четвертой главе.....	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	147
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	149

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XX-XXI вв. произошла смена ценностной парадигмы современного российского общества, характеризующаяся девальвацией, утратой традиционных ценностей, свойственных русскому этносу, что обусловлено рядом факторов, среди которых – глобальная культурная интеграция, разрушение связи времен, устойчивой преемственности ценностей между поколениями, определяющей сознание человека. Молодежь и российское общество в целом нуждаются в ценностно-смысловых ориентирах, духовно-нравственных идеалах и культурных образцах – важнейших регуляторах социально значимого поведения, обеспечивающих сохранение его культурной самоидентичности, стабильность, социальное развитие, дальнейшее реформирование страны и становление в России гражданского общества.

Сегодня приоритеты государственной политики лежат в области сохранения и развития уникальной российской цивилизации, консолидации общества на основе отечественных духовных традиций и российского менталитета, совершенствования духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания детей и молодежи. Концептуальные подходы к решению данных проблем содержатся в «Национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 г.», «Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации», государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 гг.», «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» и других официальных документах. В них определены характер современного национального воспитательного идеала (актуализирующий такие качества личности, как патриотизм, гражданственность, укорененность в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации), система базовых национальных ценностей. Однако несмотря на позитивные тенденции усиления духовно-нравственного аспекта содержания образования, поиск концептуально-теоретических подходов в этой области по-прежнему актуален. Одно из направлений данного поиска заключается в выявлении потенциала многовековых культурных традиций народов России.

Признанной репрезентативной сферой культуры в целом, системой порождения, накопления, хранения, общения и трансляции ценностей национальной культуры, с наибольшей достоверностью воплощающей национальный характер, является художественная культура, ядро которой составляют, одновременно определяя ее специфику, художественные ценности. Она обладает мощным аксиологическим потенциалом, направленным на совершенствование гуманистических оснований личности, регулирование ее отношений с миром. Вследствие этого в «Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008-2015 гг.», «Концепции художественного образования в Российской Федерации» художественной культуре отводится значимая роль в духовно-нравственном становлении личности, приобщении граждан России к национальным культурным традициям.

Реализация духовно-нравственного потенциала искусства в системе обучения и воспитания детей и молодежи признается сегодня одним из перспективных направлений оптимизации современной системы образования (Э.Б. Абдуллин, Ю.Б. Алиев, Н.И. Ануфриева, Е.А. Бодина, В.В. Медушевский, А.А. Мелик-Пашаев, А.П. Юдин и др.). Но на сегодняшний день педагогике искусства еще предстоит осмыслить процесс

функционирования и трансформации новых ценностных парадигм, в рамках которых происходит становление личности человека нового тысячелетия. Для подрастающего поколения россиян необходимо представить идеалообразующее пространство отечественной культуры, что обуславливает разработку и оснащение данного процесса педагогическим сообществом (Л.С. Зорилова, А.И. Щербакова). Ценностные аспекты искусства в практике отечественного образования не всегда оказываются востребованными, так как существует недостаток современных вариативных моделей образования для различных типов образовательных учреждений, образовательных учреждений различных регионов Российской Федерации, имеющих разнообразные культурные традиции, в силу неготовности учителей к интеграции исконных народных традиций в современный педагогический процесс и актуализации их ценностного содержания (Т.И. Бакланова, Л.В. Ершова, И.С. Кобозева, Т.Я. Шпикалова).

Носителем традиционных ценностей (гражданственность, патриотизм, Православие, семья, социальная солидарность и др.¹), являвшихся на протяжении многих веков важным элементом общественного сознания и фундаментом российской социальной системы, стало казачество². Согласно «Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества» одно из приоритетных направлений его развития – работа с молодежью.

Художественная культура казачества является кумулятивной базой этнокультурной среды и средством познания его этнической картины мира (Е.М. Белецкая, А.Ф. Григорьев, Т.С. Рудиченко). Неотъемлемой и значимой сферой жизни и быта казачества является музыкальная культура – феномен, уникальный по силе воздействия и эмоциональной насыщенности. Казачья песня влияла на организацию всего строя повседневной жизни этой субкультурной группы, была важным элементом ее духовно-нравственного и военно-патриотического воспитания, формой народной памяти, средством сохранения и передачи бытовой культуры и боевых традиций (В.С. Кобзов, В.А. Кузнецов, А.И. Лазарев).

Включение художественной, в том числе музыкальной культуры казачества в процесс воспитания подрастающего поколения может рассматриваться в качестве средства освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей. Но на практике педагогический потенциал музыкальной культуры реализуется не в полной мере даже в учебных учреждениях с казачьим кадетским компонентом. Существующие программы и учебно-методические пособия направлены в основном на создание у учащихся представлений о фольклоре и этнографии казачества Дона и Кубани как о целостной многофункциональной системе жизнеобеспечения народа. Практически полностью отсутствует учебно-методический базис по освоению подрастающим поколением музыкальной культуры других локально-региональных казачьих традиций, в которых находят выражение особые ценностные доминанты, связанные со своеобразными условиями исторической жизни казачества, мировоззрением и национальным составом населения. Существующие исследования в этой области (Ю.Н. Абакумов, Н.П. Башкатова, С.Н. Даньшов, С.Н. Кононова, М.И. Резникова) предлагают решение проблемы гражданско-

¹ Данные ценности указаны как базовые казачьи ценности, отражающие особенности казачьих культурных традиций в «Концепции духовно-нравственного развития, воспитания и социализации обучающихся в казачьих кадетских корпусах» (М., 2011 г.).

² В настоящем исследовании казачество интерпретируется в контексте национальной культуры как часть русского этноса, имеющая региональные и военно-сословные субкультурные особенности.

патриотического и духовно-нравственного воспитания учащихся средствами художественной культуры казачества с общепедагогических позиций, и, как следствие, огромный потенциал художественной культуры, способной особыми художественными средствами формировать систему ценностей личности подрастающего поколения, остается вне данного процесса.

В практике обучения и воспитания пока еще не достаточно востребован богатейший опыт социализации и инкультурации детей и молодежи в семье и казачьей общине, опора на который обеспечивает подрастающим поколениям усвоение базовых культурных ориентиров и нравственных идеалов. Все это вызывает необходимость обращения к научному осмыслению опыта воспитательной работы, накопленного в дореволюционных казачьих заведениях, где важнейшую роль играло музыкальное искусство и художественная деятельность. Это позволит восстановить утраченную преемственность между поколениями, заимствовать наиболее ценное в педагогическом наследии для дальнейшего совершенствования отечественной системы духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания молодежи.

Несмотря на значительное количество работ в области духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания существует потребность в расширении исследовательского поля в данном направлении. Недостаточно проанализирован и отрефлексирован исторический опыт образования и воспитания подрастающего поколения казаков, отсутствуют специальные исследования, отражающие пути решения проблемы освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей в системе общего и дополнительного образования, недостаточно разработаны модели, позволяющие использовать наиболее полно потенциал художественной культуры в целях воспитания детей и молодежи, необходимо совершенствование всего аппарата деятельности педагогов: содержания, методов, форм и средств обучения и воспитания. Перечисленные обстоятельства актуализировали теоретическую и практическую значимость исследования проблемы освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей.

Цель монографии – разработка концепции освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей и способов ее реализации.

Задачи:

1. На основе анализа научной литературы выявить ценности, свойственные русскому этносу и отечественной культуре.
2. Осуществить анализ проблемы освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей в отечественном образовании.
3. Раскрыть психологические предпосылки и механизмы освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей.
4. Выявить педагогический потенциал художественной культуры казачества в освоении детьми и молодежью традиционных ценностей.
5. Обобщить историко-культурную и музыковедческую информацию, раскрывающую специфику музыкальной культуры уральского и оренбургского казачества, раскрыть роль данной культуры в процессе социализации и инкультурации подрастающего поколения казаков.

6. Определить теоретико-методологические основания процесса освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей.

В первой главе монографии анализируется понятие «традиционные ценности», описываются основные традиционные ценности русского этноса, раскрывается проблема освоения личностью культурных, в том числе традиционных ценностей в общем, художественном, музыкальном образовании, описывается роль народной художественной культуры в воспитании учащихся в различные исторические периоды развития отечественной школы, выявляются психологические предпосылки и механизмы освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей.

Во второй главе монографии излагаются исторические факты, раскрывающие содержание дореволюционного образования и воспитания казаков на Урале, акцентирующие положения об особенностях освоения подрастающим поколением казаков культурных ценностей.

В третьей главе монографии раскрываются особенности музыкальной культуры казачества Урала, являющейся наиболее репрезентативным элементом его художественной культуры, воплощающим традиционные ценности, идеалы и нормы, как форма народной памяти, средство сохранения и передачи бытовой культуры и боевых традиций казачества.

В четвертой главе монографии рассматриваются теоретические основания и содержательные аспекты концепции и модели освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей.

Глава I.

ПРОБЛЕМА ОСВОЕНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

1.1. Понятие «традиционные ценности» в социально-гуманитарных науках и содержание традиционных ценностей русской культуры

С целью определения содержательной основы процесса освоения современной российской молодежью традиционных культурных ценностей в первой главе настоящей монографии будет выявлено содержание понятия «традиционные ценности», описаны основные традиционные ценности русского этноса, проанализирована проблема освоения личностью культурных, в том числе традиционных ценностей в общем, художественном, музыкальном образовании, описана роль народной художественной культуры в воспитании учащихся в различные исторические периоды развития отечественной школы, выявлены психологические предпосылки и механизмы освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей.

Для настоящего исследования смыслообразующим является понятие «традиционные ценности». Чтобы раскрыть его сущность, обратимся к анализу содержания таких понятий, как «ценность» и «культурная традиция». Последнее имеет довольно широкое семантическое поле и интерпретируется современной наукой не однозначно. Так, слово «традиция» – от лат. *traditio*, что в переводе означает «передача», «предание». Изучение традиций в гуманитарных науках осуществлялось на протяжении двух веков в работах зарубежных мыслителей (М. Вебер, Г. Гадамер, Э. Гуссерль, Т. Кун, К. Леви-Стросс, Э. Тайлор, П. Фейерабенд, Дж. Дж. Фрэйзер, Ф.В. Шеллинг и др.). В отечественной науке осмысление данного понятия началось в 60-70-х гг. XX в. в рамках развития проблем философии, культурологии и этнографии (С.Н. Артановский, Ю.В. Бромлей, Н.С. Сарсенбаев, А.Г. Спиркин, И.В. Суханов [24, 96, 501, 541, 549]), где оно интерпретировалось как интегральное явление, включающее обычаи, ритуалы и другие стереотипизированные формы человеческой деятельности.

В 80-е гг. XX в. начала создаваться российская общая теория культурной традиции. Э.С. Маркаряном были выдвинуты концептуальные положения традиционалистики как науки, дано определение культурной традиции, которое и сегодня является наиболее характерным для российской традициологии: это категория, охватывающая все способы фиксации, передачи и воспроизводства культуры, выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который посредством пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах [361]. Ученый выдвинул тезис о том, что культурная традиция и в сегодняшних условиях остается универсальным механизмом, который позволяет достигать стабильности существования социальных организмов. Он выделил ряд критериев, которые позволили классифицировать культурные традиции: длительность их существования; жесткость или лабильность стереотипизации опыта; субъект-носитель традиции; средства передачи и аккумуляции опыта [360].

Данные положения стали предметом научной дискуссии, участниками которой выступили С.А. Арутюнов, И.А. Барсегян, Б.М. Бернштейн, В.Б. Власова, В.М. Гохман,

К.С. Сарингулян, С.А. Токарев и К.В. Чистов [25, 47, 69, 113, 162, 500, 564, 623], основным вопросом которой являлось то, в каком значении следует понимать термин «традиция» – широко, в соответствии с которым она становится синонимом слова «культура», или ограничить его понимание только обычаями и обрядами. По мысли К.В. Чистова, данные термины «в определенном теоретическом контексте синонимичны или, может быть, точнее – почти синонимичны», если понятие «культура» обозначает само явление, то «традиция» выступает механизмом его функционирования [623, С. 105]. Учеными указывалось на взаимодополнительность и взаимообусловленность традиций и инноваций, двуслойность культурных традиций, включающих в себя общий опыт различных исторических общностей и индивидуальный опыт каждой из них («общие» и «локальные» компоненты культурных традиций) [26, 27, 360, 361].

В 90-е гг. в работах В.В. Базова [42], Л.Н. Гумилева [167], В.М. Каирова [237], Ж.К. Хайрушина [606] и других представителей отечественной науки традиция рассматривалась как многоаспектный феномен культуры, механизм социокультурной динамики, наследования духовных ценностей и модернизации общества.

Сегодня существует множество определений понятия «традиция», которые охватывают все области человеческой деятельности и культуры. В философии, в рамках натуралистической (морфологической) культурологии традиция определяется как совокупность положений, принимаемых последующими поколениями либо в чистом виде, либо после определенной интеллектуальной обработки. В рамках герменевтического и феноменологического направления философской мысли традиция трактуется как образец, в соответствии с которым формируется стиль мышления или поведения [336]. В социологии определение традиции отражает, наряду с содержанием, происходящие процессы и механизмы действия: это универсальная форма фиксации, закрепления и избирательного сохранения элементов социокультурного опыта, механизм этой передачи, включающая то, что передается (определенный объем социокультурной информации) и то, как осуществляется эта передача (способ внутри- и межпоколенного взаимодействия людей в рамках культуры) [540, С. 1134].

Традиция тесно связана с категорией «наследие» – это комплекс культурных объектов, процессов, способов функционирования, репертуара ценностных ориентиров, подлежащих сохранению (культивации) и репродуцированию в последующем в более или менее аутентичном виде [326, С. 175].

Среди функций традиции выделяют: адаптационную, идентифицирующую, коммуникативную, преемственности, регулятивную, селективную [336]. Традиции образуют «коллективную память» общества и культуры, к которому обращается в процессе социализации и инкультурации каждое новое поколение той или иной социокультурной группы. Они становятся тем каноном, который усваивает и реализует индивид в процессе своей жизнедеятельности. Передается, и транслируется от поколения к поколению только стереотипизированный опыт – типические нормы, ценности, модели поведения, навыки организации жизни, коммуникативные стандарты, усвоение которых осуществляется по образцу. При этом культурно-ценностные ориентиры могут интерпретироваться той или иной группой по-разному, на что оказывает влияние социальная и групповая дифференциация [326].

Современный взгляд на традицию преодолевает существовавший стереотип ее трактовки, сводимый к набору норм и ограничений свободы самоопределения индивида. Сегодня она воспринимается как способ самоорганизации общества, система условий духовно-нравственного становления личности. Обращение к традициям видится современным философам и социологам одним из направлений выхода из глубочайшего социально-экономического и духовного кризиса общества, разворачивающегося в глобальном масштабе, а задача поддержания и сохранения традиции приобретает качество инновационной деятельности [206, 596, 492].

Культуролог К. Леви-Стросс отмечал, что каждому народу свойственна своя культурная традиция, как в материальном, так и в духовном плане. Национальная традиция формируется национальными общностями, объединенными общим языком, территорией, экономикой и этническим самосознанием [333].

Существуют аксиологическое, антропологическое, социологическое, герменевтическое, культурфилософское понимание традиций. В соответствии с аксиологическим направлением, они определяются как значимые для этносов ценности (И.Н. Николаенко [407]) или «система ценностей» (V. Martin [664]). Как указывает современный социолог Е. Шацкий, «проблема традиции – это проблема целей, которым мы подчиняем нашу деятельность, проблема иерархии ценностей, которую мы навязываем окружающему нас миру» [630, С. 330].

Единой общепринятой формулировки определения понятия «ценность» в гуманитарных науках нет, оно зависит от мировоззренческих установок исследователя. Но многие философы единодушны в одном: ценность подразумевает безусловно положительную значимость для личности предмета и явления окружающей действительности (О.М. Вовченко, М.С. Каган, А.Т. Москаленко, Р. Перри, В.Ф. Сержантов, В.П. Тугаринов, Т. Шибутани, Е.А. Яблокова и др.).

Традиционные ценности интерпретируются современными философами не однозначно: как ценности, детерминированные ментальными установками народа [406]; представления людей, передаваемые на социокультурном, церковно-религиозном, государственном уровнях, определяющие выбор средств и способов действия на основе обычаев, установленных порядков и правил поведения [612]; система, обеспечивающая воспроизводство образцов прошлой деятельности, которые выдержали испытание временем и были апробированы в аналогичных социокультурных условиях [296]; ценности, в которых отселектирован, передан и воспринят от поколения к поколению исторический социальный опыт, аккумулирующий в образцах и принципах представления о лучшем в культуре, повторяющий почти в идентичной форме эти ценности, соответствующее поведение на протяжении нескольких поколений или в течение длительного времени в рамках одного общества или регионов, имеющих в какой-то степени общую культуру [468].

Философы воспринимают понятие «традиционные ценности» как собирательное, условное, абстрактное и понимают под ними культурные ценности, которые формируются в традиционном обществе. Ученые указывают на то, что, с одной стороны, это могут быть «вечные» ценности, практически не изменяемые формально ориентиры человеческой культуры всех времен и культур. С другой стороны, это могут быть содержательные специфические особенности наполнения условно выделяемых общих ценностных категорий в разных культурах. Во втором значении механизм формирования

данных ценностей достаточно подвижен и восприимчив к влияниям извне. В первом же значении данные ценности могут восприниматься в общекультурном контексте как общечеловеческие и могут выступать стабилизирующим фактором [12].

Выделяют ряд характеристик феномена традиционных ценностей: это информационная основа социального наследования, аккумулирующая лучшее в духовной культуре социума (нормы, правила, образцы, модели поведения и т.д.), которая содержит оценку, понимание человеком мира, жизни и смерти, характера взаимодействия личности и общества, человека и государства. Они фиксируются в теоретических концепциях, неписанных традициях, правилах поведения и в других информационных формах, являются основой социальной (в том числе культурной) самоидентификации человека, национального самосознания народа, основой стабильности и порядка общества [468].

Современными философами указывается на парадокс формального понятия «традиционные ценности», которое подразумевает процесс наследования, передачи из поколения в поколение. С одной стороны, субъект, принадлежащий к новому поколению, свободен в выборе ценностей. С другой стороны, этот выбор ограничен теми ценностями, которыми руководствовались отцы. Парадокс разрешается в содержательном определении понятия «традиционные ценности», в котором субъект концентрирует свое внимание на теме взаимосвязи и преемственности поколений и помещает ее на одно из первых мест иерархии ценностей, поскольку им самим осознается важность передачи данного опыта своим детям. В этом смысле «традиционными» являются такие ценности, как семья, дети, воспитание, Отечество, вера, народ, предки, отчий дом, родная земля, родной язык, уклад, семейные и народные предания. Однако субъект может по-своему интерпретировать данные ценности, включать их в более обширную систему ценностей, сочетать с идеалами личной независимости, свободы, и т.д. Перечень традиционных ценностей не может быть закрытым в связи с тем, что они создаются в процессе свободной деятельности субъекта. Однако форма данной деятельности обладает универсальной характеристикой и включает в себя полный цикл культурного творчества – наследование от предков, испытание и преумножение, возможно более полная передача потомкам [205].

У каждой социальной общности существует устойчивая и долговременная система ценностных доминант [468]. Русский философ Б.П. Вышеславцев отмечал, что каждая нация и каждая культура имеет свою систему ценностей, которую она «культивирует» [129]. Но многие отечественные мыслители указывают на трудности, связанные с выделением основных традиционных ценностей русского этноса. Н.А. Бердяев в книге «Судьба России» писал, что разгадать тайну России и русского человека можно лишь признав ее антиномичность и протворечивость. Г. Федотов подчеркивал, что нет ничего труднее национальных характеристик, которые легко даются чужому наблюдателю, но всегда отзываются вульгарностью для человека, имеющего хотя бы небольшой опыт национальной жизни. По его мнению, ни один типический образ не может определить всей русской нации – ни юродивый, ни странник, ни хозяин, ни Петр, ни Толстой, ни Достоевский [595].

Современные культурологи также отмечают, что культура России отличается особой остротой противоречий, особым совмещением контрастных и даже полярных смыслов. Здесь «традиционное и нетрадиционное, «свое» и «чужое», локальное и общечеловеческое находится друг по отношению к другу особенно близко;

столкновение полярных начал выглядит особенно болезненным и очевидным; переплетение традиций и их разрушения кажется особенно парадоксальным и катастрофичным» [568, С. 605].

Среди причин затруднений, связанных с выделением основных традиционных ценностей русского этноса, называются следующие: в процессе его зарождения на него оказывали влияние летто-литовские и угрофинские племена; осуществлялось мощное воздействие восточного «туранского» элемента; большой вклад в русскую культуру внесли личности, принявшие русский язык и менталитет русских, независимо от собственного этнического происхождения, в связи с чем она во-многом имеет надэтнический характер; русский народ находился и находится под влиянием восточной и западной культур; существуют духовные ценности, являющиеся по своему содержанию общечеловеческими, общекультурными, которые свойственны любому народу [468].

Традиционные ценности лежат в основе национального характера и менталитета этноса. Обратимся к анализу ценностей русского национального характера. Источниками их выделения, согласно В.И. Вернадскому, Л.Н. Гумилеву и Н.Я. Данилевскому [109, 166, 174] являются: специфика природно-климатического и географического фактора; обращенность России в отношении с миром на Юг, Восток и Запад; постоянная военная угроза; долговременное нахождение под монголо-татарским игмом.

К описанию русского национального характера, традиционных ценностей русского этноса обращались в своих работах многие отечественные философы: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.Я. Данилевский, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, В.С. Соловьев, А.С. Хомяков, П.Я. Чаадаев и др. [66, 67, 68, 109, 174, 220, 222, 223, 344, 529, 530, 609]. Типологический анализ русского национального характера был осуществлен Н.Я. Данилевским, выделившим в работе «Россия и Европа» ряд признаков, определяющих его: черта должна быть присуща всему народу, лишь по исключению может не принадлежать тому или иному лицу; постоянство черты; существенная важность черты [174].

Основные черты русского сознания, по мнению отечественного философа П.А. Сорокина, и все компоненты русской культуры и социальной организации представляли собой идеологическое, поведенческое и материальное воплощение установок Православия. Историческим оправданием этого служит, в частности, то, что из 708 дошедших до сегодняшнего времени рукописей XI-XIV вв. лишь 20 имели светское содержание [492]. Именно Православие в течение долгого периода российской истории играло более значительную роль, чем другие конфессии.

О духовно-определяющем значении Православия в русской истории и культуре писал И.А. Ильин, по мнению которого тысячелетняя история России создавалась людьми христианской веры, Россия слагалась, крепла и развешивала свою духовную культуру именно в христианстве, которое «она восприняла, исповедовала, созерцала и вводила в жизнь именно в акте Православия» [222, С. 309].

Современные философы Православие считают основной доминантой русского национального самосознания. Именно оно сформировало в русском народе религиозность, стремление к абсолютному добру, любовь к ближнему (братство), смирение, кротость, сознание своей греховности и несовершенства, жертвенность (готовность отдать свою жизнь «за други своя»), соборность и патриотизм [285].

Традиции русского Православия проявляются также в идеях соборности, святости, почитании божественного Материнства, в культовом эстетизме (речь идет об иконописи) [117].

Главной целью человеческой жизни философ-богослов С.Н. Булгаков считал религиозные ценности, а определяющей силой в духовной жизни человека религию – «те высшие и последние ценности, которые признает человек над собою и выше себя, и то практическое отношение, в которое он становится к этим ценностям» [99, С. 310]. На религиозность как основную, наиболее глубокую черту характера русского народа, определяющую другие его свойства, и связанное с ней искание «абсолютного добра», которое осуществимо лишь в Царстве Божиим, указывал Н.О. Лосский. Как пишет В.И. Додонов, «несмотря на своеобразие идей русских философов, всех их объединяет общая мировоззренческая и методологическая платформа – православное христианство, Вера. Именно Вера выступает у них в качестве основополагающей приоритетной национальной ценности, в которой как в фокусе соединяются все другие ценности как вселенного, так и национального масштаба» [401, С. 32].

Характерной ценностью, «системообразующим началом», «исходной ценностью» для православной России является соборность (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, А.Ф. Лосев, С.Л. Франк и др.). Традиции соборности изначально были обусловлены природно-климатическими и социально-экономическими факторами. Суровые климатические условия не благоприятствовали земледелию – основному виду деятельности восточных славян, и являлись основой, причиной объединения людей в общины. Но община являлась не только хозяйственным институтом. Она представляла собой духовное объединение людей [117].

В Православии понятие «соборный» предполагает соединение людей на основе духовной общности [492]. А.С. Хомяков, который впервые ввел данное понятие в философский оборот, трактовал его как «единство свободное и органическое, живое начало которого есть божественная благодать взаимной любви» [609, С. 101]. Выведение данного определения было результатом осмысления философом понятия, рожденного в церковной традиции. Православная соборность, являясь прообразом Святой Троицы, выступала для А.С. Хомякова характеристикой церковной жизни. Им был сформулирован ряд атрибутов соборности. Один из них – свобода, которую рассматривали в своих трудах Н.А. Бердяев, Ф. М. Достоевский, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, Л.Н. Толстой, С.Л. Франк. Как замечал Н.А. Бердяев: «соборность не имеет никакого смысла, если она не включает в себе свободы духа и личной совести. Без свободы соборность есть внешний авторитарный коллективизм» [67, С. 53].

Еще одним признаком соборности А.С. Хомяков считал ее способность являться выражением органической целостности и быть «единством во множестве». Данный тезис отражается в концепции Всеединства (софиологии), разрабатываемой рядом русских философов. В.С. Соловьев, в частности утверждал, что все, что есть, суть единство. Он подчеркивал связь всех видов бытия, всех существ между собой, называя их «сущим всеединным», мыслил все человечество как соборную общность, «...великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации» [530, С. 187]. В философии П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова

соборное единство соединяется в образе Софии, «премудрости Божией», которая обнимает собой весь тварный космос, социальную среду и духовную жизнь людей [297].

К идее соборности обращался и С.Л. Франк, осмысливая ее как внутреннее, органическое единство, которое лежит в основе любого человеческого общения. Первой и основной формой соборности философ называл брачно-семейное единство. Второй жизненной формой, по его мнению, является религиозная жизнь. Третья форма выражения соборного единства – общность судьбы и жизни всякого объединенного множества людей. Признаками соборности, по С.Л. Франку, являются: органическое неразрывное единство «я» и «ты», которое вырастает из первичного единства «мы»; ее свойство быть «духовным питанием», которым внутренне живет личность, ее богатство, личное достояние; отношение соборного внутреннего единства к конкретному, индивидуальному целому («истинное «мы» столь же индивидуально, как «я» и «ты»); ее сверхвременное единство [600].

Другой русский философ, Н.О. Лосский, полагал, что соборное единение различных народов предполагает взаимопроникновение национальных культур, а творения данных культур могут проникать друг в друга и образовать высшее единство [344, С. 269]. С.Н. Трубецкой в работе «О природе человеческого сознания» указывал, что «сознание не может быть ни безличным, ни единоличным, ибо оно более чем лично, будучи соборным. Истина, добро и красота сознаются объективно, осуществляются постепенно лишь в этом живом, соборном сознании человечества» [569, С. 498]. М.М. Бахтин писал о соборной личности, которая берет на себя ответственность через поступок – деяние, который является не только фактом бытия, но и со-бытия, сотворчества человека с миром, в котором совершенствуется мир и сам человек [54]. Основой соборных отношений является любовь.

Понятие «соборность» Н.А. Бердяев связывал с «комюнтарностью», то есть общинностью, которая детерминирована не обстоятельствами жизни, а менталитетом русского народа. Он полагал, что «русские менее семейственны, чем западные люди, но безмерно более комюнтарны. Они ищут не столько организованного общества, сколько общности, общения» [64, С. 268]. Ф.А. Степун считал, что членов соборного единства соединяет именно любовь, а свобода дает ощущение творческого сращения личностей в живую, многоступенную соборную общину [544].

Современные философы продолжают традиции своих предшественников и также обращаются к идее соборности, считая ее высшим принципом единства, «с точки зрения которого может быть понято всякое иное единство в мире [22, С. 149].

В творчестве отечественных философов Н.А. Бердяева и И.А. Ильина большое внимание уделялось размышлениям о роли России, ее судьбе и предназначении, выявлялись фундаментальные традиционные составляющие русской культуры – ее ценностное ядро. В их работах было показано, что национальные ценности являются неразрывной, органической частью общечеловеческих ценностей, которые в своей совокупности составляют историческое условие, социальный и духовный смысл существования как отдельного народа, так и человечества в целом [631]. Так, И.А. Ильин выделял ряд основ российского духовного бытия: вера, любовь, свобода, совесть, семья, родина, нация. Именно вера, по мнению философа, указывает человеку его жизненный путь, определяет его отношение к себе, к людям, к природе и ко всему священному в жизни человека. Истинным источником и истинной областью веры,

религии и всей духовной культуры вообще является внутренний, духовный опыт. Самым глубоким и могучим источником духовного опыта и религиозной веры, по И.А. Ильину, является любовь. Смысл жизни, по его мнению, состоит в том, чтобы любить, творить и молиться. Но без свободы это невозможно. Одним из «чудеснейших даров Божьих, полученных нами от Него» является совесть – живая и цельная воля к совершенному; первый глубочайший источник чувства ответственности, основной акт внутреннего самоосвобождения, живой и могущественный источник справедливости, «где личное своекорыстие сталкивается с интересами дела, службы, предмета... является главной силой, побуждающей человека к предметному поведению» [223, С. 60-63]. Семью философ считал первым, естественным священным союзом, который человек призван строить на любви, вере и свободе. Именно семья является «первичным лоном человеческой культуры». Это «лаборатория» человеческих судеб – личных и народных [223, С. 86-87]. Семья дает человеку представление о двух священных первообразах – первообразе чистой матери, несущей любовь, милость и защиту, и первообразе благого отца, дающего питание, справедливость и разумение. Также семья, по И.А. Ильину, есть «первичное лоно человеческой духовности, а потому и всей духовной культуры, и прежде всего – родины» [223, С. 107]. Именно ее он называл «священным сокровищем», «нечто от Духа Божия: национально воспринятый, взращенный и в земные дела вработанный дар Духа Святого» [223, С. 130]. Идея нации также нашла отражение в работе И.А. Ильина. Он считал необходимым формирование патриотического самосознания, «верно «почувствовать» себя и свой народ в духе» [223, С. 131].

Приоритет духовных ценностей над материальными и социальными подчеркивался в трудах Н.А. Бердяева, который замечал, что «величие народа, его вклад в историю человечества, определяется не могуществом государства, не развитием экономики, а духовной культурой» [68, С. 274-275]. К духовной сфере он относил истину, добро, красоту, ценность, творческую фантазию. Стержневой идеей социокультурной жизни русского общества, по мнению философа, является религиозный мессионизм, основу которого составляет идея общего спасения, отличного от националистического сознания. Русская идея для Н.А. Бердяева – это идея коммюнитарности и братства людей и народов [631].

Культовыми понятиями на Руси являлись категории «добро» и «правда». Под правдой понималась совесть, которая была мерой справедливости. Об этом свидетельствуют русские пословицы и поговорки: «жизнь дана на добрые дела», «стремитесь добрые дела делать», «в ком правды нет, в том добра мало», «не в силе Бог, а в правде» [492]. Н.А. Бердяев указывал на миссию русскую народа – «осуществление социальной правды в человеческом обществе, не только в России, но и во всем мире» [62, С. 120-121].

Крупнейший философ-идеалист В.С. Соловьев ассоциировал русскую национальную идею с такими категориями, как истина, добро и красота. В своем труде «Русский национальный идеал» он указывал, что истинно русский человек – это, прежде всего, христианин, который «полон благоволения ко всему человеческому, – к добру, красоте и правде в каждом смертном. Для него нет имен, нет званий и положений, а есть только другая человеческая личность, ищущая правды и добра, заключающая в себе искру Божию, которую следует найти, пробудить, истолковать.

Красота, при этом, в эстетике В.С. Соловьева, это не просто воплощение идеи в материи. Она необходима для исполнения добра в материальном мире, так как только ею просветляется и укрощается его недобрая тьма. Красота, по его мнению, должна творить добро.

Значимыми ценностями для русской культуры является Родина, отчизна, Отечество. Идея служения Родине, патриотизма как основы объединения русских земель в борьбе против врага, содержалась в ряде письменных памятников древнерусской литературы – «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» и др. После освобождения страны от татаро-монгольского ига патриотические идеи проникли в деятельность государственных и общественных институтов [128]. В период петровских реформ государственный патриотизм ставился выше всех нравственных ценностей. Русские солдаты служили не только ради своей чести, а в интересах Отечества. Именно в этот период появляется девиз «За Бога, Царя и Отечество!». Главными добродетелями были служба Отечеству и усердие в государственных делах, что было отражено в «Табели о рангах».

К теме патриотизма обращался в своей работе «Беседа о том, что есть сын Отечества» А.Н. Радищев, который указывал на такие качества настоящего патриота, как бескорыстное стремление служить делу процветания Родины, установления в ней демократического порядка управления, развития и искусства. Н.М. Карамзин полагал, что «всякий должен жить в своем Отечестве» [245, С. 34]. Он утверждал существование физической (привязанность человека к месту своего рождения, «малой Родине»), моральной (нормы национального общения, ценности жизни, воспринятые от отца и матери, позволяющие ему любить своих сограждан, и делать им добро) и политической (связана с патриотизмом) любви к Отечеству.

Ярким образцом служения Отечеству являлся российский энциклопедист и мыслитель М.В. Ломоносов, который заложил основу гражданского образования в России. Целью воспитания он видел формирование человека-патриота, обладающего высокой нравственностью, любовью к науке, знаниям, трудолюбием и гражданской честью.

На создание «нового для России типа человека» повлияли патриотические идеи декабристов [346, С. 69]. Так, С. Пестель подчеркивал, что любовь к Отечеству является источником всех государственных добродетелей и сильнейшей опорой существования и благоденствия царств [122, С. 24]. В работах В. Кюхельбекера прослеживалась мысль о гражданском и патриотическом долге русских людей, не ограничивающемся служением своему Отечеству, а являющемся первым условием выполнения более высокой, общественной миссии, нашедшей выражение в «русской идее».

Идея патриотизма как неотъемлемой черты и одного из показателей ценностно-мировоззренческой духовности русского человека, основы жизни российского общества, имеющего большое значение для его дальнейшей судьбы, присутствует в трудах многих отечественных мыслителей конца XIX – начала XX вв. (Н.А. Бердяев, Н.Я. Данилевский, А.И. Ильин, Н.О. Лосский, В.С. Соловьев и др.). Так, Н.А. Бердяев в своих работах «Душа России», «Русская идея», «Судьба России» большое внимание уделял проблеме патриотизма. Он считал, что человек, который борется за Родину, борется не за свои интересы и не за чужие интересы, а за «ценность, стоящую выше всякого блага людского» [66, С. 156]. Н.Я. Данилевский выделял две формы проявления патриотизма – народную и политическую. Патриотизм как русское народное чувство понималось

философом как любовь по отношению к самобытному славянскому государству. Исключительной мерой проявления народного патриотизма он считал смерть во имя Родины. Политический патриотизм определялся Н.Я. Данилевским как борьба со своим Отечеством ради ценностей свободы и человеческого благоденствия. Особое место уделял теме Родины А.И. Ильин в своем труде «Путь духовного обновления» [223]: «Люди без Родины, – писал он, – становятся исторической пылью, блеклой осенней листвой, гонимой с места на место и втоптываемой чужеземцами в грязь» [220, С. 333-334]. Н.О. Лосский считал патриотизм естественной любовью к родине, национальным чувством, то есть любовью к русскому народу, как носителю великих духовных и исторических ценностей [345, С. 49].

В работах В.С. Соловьева патриотизм был представлен высшим идеалом, целью развития народов, объединяющим началом [529]. Л.А. Тихомиров считал любовь к Родине непреходящей ценностью всей жизни: «Отечество, эта великая преемственная из рода в род среда, нас породившая, воспитавшая, создавшая согласным взаимодействием своих классов и организаций – все ныне живущее вокруг нас и нас самих, и тем же тысячелетним согласным трудом подготовившая все, чем мы теперь можем жить» [561, С. 157]. Просвещение и нравственное совершенствование граждан во главу угла ставил В.Г.Белинский, утверждавший, что вначале необходимо воспитать человека и лишь потом – гражданина.

В отечественной традиции ценностью является труд. Истоки отношения к труду как к нравственной ценности были заложены еще в монашеских традициях Киевской Руси [492]. Г.П. Федотов отмечал, что Феодосий Печерский, основатель Киево-Печерского монастыря, заложил основы отношения к труду как к богоугодной деятельности, ставя его в один ряд с молитвой [594]. С.Н. Булгаков указывал на религиозно-этическую ценность труда, считая его основой жизни, могучим средством духовного самовоспитания и аскезы. Он полагал, что именно в труде «обнаруживается огонь и острота жизни» [99, С. 42-43].

Современные философы также обращаются к описанию традиционных русских черт и их ценностных оснований (З.Я. Капустина, В.В. Кафтан, С.Н. Кочеров, Т.А. Рассадина, А.В. Савка, О.Б. Скородумова, В.Г. Федотова и др. [243, 254, 301, 468, 492, 511, 596]). Так, С.Н. Кочеров выделяет такие ценности Русского мира, характеризующие русскую идею как идеальную сущность и находящие наиболее яркое воплощение в культуре России, как правда, соборность и спасение. Данные ценности, по его мнению, образуют между собой триединство, в рамках которого они предполагают, взаимно дополняют и обосновывают друг друга. Филосов показывает, что каждая из данных ценностей представляет идеальный синтез двух других ценностных интенций (истины и справедливости, единства и свободы, мессианизма и миссионизма), которые в эмпирическом бытии Русского мира находятся в достаточно остром противоречии друг с другом. Данную идею поддерживает и В.В. Кафтан, считая указанную систему ценностей необходимой и продолжающейся во времени живой связью, посредством которой осуществляется международная, межнациональная и межличностная коммуникация и внутриличностная рефлексия человека [254].

В.Г. Федотова указывает на такие традиционные духовные ценности, как православие, коллективизм, справедливость, добросердечие, патриотизм, нестяжательство,

обращение к которым, по ее мнению, будет способствовать преодолению в российском обществе состояния аномии – ценностного вакуума [596].

В русле решения проблемы механизмов, факторов и тенденций трансформаций традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян Т.А. Рассединой выделяются такие ценности, как ценность человека духовного, ценность коллективного и нравственная ценность государства [468].

А.В. Савка утверждает, что модель развития России предполагает опору на специфические национальные особенности, духовную культуру и такие традиционные базовые ценности, как Православие, соборность, добро и справедливость, труд [492].

Реализованный культурно-исторический подход к исследованию традиционных для русского этноса и русской культуры в целом ценностей позволил выделить ряд социальных, политических, моральных, религиозных, эстетических ценностей – вера, добро (добросердечие), гражданственность, истина (правда), коллективизм, красота, любовь, нация, нестяжательство патриотизм, Православие, Родина (Отечество), свобода, семья, соборность, совесть, спасение, справедливость, труд. Данный перечень, как писал В.А. Тишков о национальных (социально-культурных) ценностях, «не может быть жестким и кем-либо утвержденным» [563, С. 197]. Их значимость может быть различной, в зависимости от регионов, слоев населения, конфессиональных групп. Главным является наличие преобладающего согласия россиян по поводу национальных образов и ценностей.

В качестве выводов отметим:

- традиция охватывает все способы фиксации, передачи и воспроизводства культуры, выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который посредством пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах;

- в традициях культурное наследие (типические нормы, ценности, модели поведения, навыки организации жизни, коммуникативные стандарты) сохраняются и передаются от одного поколения к другому;

- традиции являются основой процесса социализации и инкультурации;

- современный взгляд на традицию определяет ее в качестве способа самоорганизации общества, системы условий духовно-нравственного становления личности; обращение к традициям является одним из направлений выхода из социально-экономического и духовного кризиса современного общества, разворачивающегося в глобальном масштабе;

- у каждой социальной общности существует устойчивая и долговременная система ценностных доминант;

- традиционные ценности – культурные ценности, формируемые в традиционном обществе, в которых отселектирован, передан и воспринят от поколения к поколению исторический социальный опыт, аккумулирующий в образцах и принципах представления о лучшем в культуре;

- к традиционными культурными ценностями русской культуры относят веру, добро (добросердечие), гражданственность, истину (правду), коллективизм, красоту, любовь, нацию, нестяжательство, патриотизм, Православие, Родину (Отечество), свободу, семью, соборность, совесть, спасение, справедливость, труд и др.

1.2. Освоение личностью культурных ценностей как проблема российского образования

В данном параграфе рассматривается проблема освоения личностью культурных, в том числе традиционных ценностей в общем, художественном и музыкальном образовании, системе современного казачьего образования, анализируется роль народной художественной культуры (ее ценностного содержания) в воспитании учащихся в различные исторические периоды развития отечественной школы. Изучение, анализ и обобщение идей и подходов педагогов прошлого помогут отыскать пути решения современной проблемы освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей.

Национальные ценности образования детерминированы национальными ценностями духовной и материальной культуры страны в конкретно-исторический период времени. Особенно ясно данная взаимосвязь прослеживается при анализе содержания общего образования, отражающего наиболее значимые как традиционные, так и новые национальные ценности конкретного социума во всех сферах его духовной и материальной жизни [401].

Современными учеными выделяются четыре коренных революционных ломки представлений о воспитательных ценностях в России. Первая была связана с реформаторской деятельностью Петра I, сломавшего воспитательные ценности боярства, церкви и реакционного дворянства. Вторая была детерминирована переходом в конце XIX – начале XX вв. общественных отношений от феодально-самодержавных к капиталистическим и буржуазно-демократическим, что обусловило размывание самодержавных государственно-идеологических, православно-христианских, патриархально-крестьянских и дворянско-помещичьих воспитательных ценностей. Третий переломный момент был связан с Октябрьской революцией, когда в обществе насаждались императивные ценности в отношении к партии, социалистическому государству, человеку, негативное отношение к Богу. Четвертый перелом произошел в начале 90-х гг. XX в., в период общего кризиса социалистического общества, когда были утрачены все позитивные социалистические воспитательные ценности [342]. Рассмотрим более подробно, как изменялись представления об аксиологических приоритетах сферы образования и воспитания.

Начало российского образования и науки современные исследователи (В.В. Бычков, А.П. Валицкая, Д.С. Лихачев) связывают со временем правления Петра I, поэтому обратимся к истории отечественной педагогической мысли, начиная с XVIII в. В этот период образовательные реформы имели утилитарно-прагматическую направленность. Ф. Прокоповичем и В.Н. Татищевым затрагивалась проблема ценностного отношения к просвещению, в том числе к его нравственному аспекту. М.В. Ломоносовым выдвигается идея народности воспитания. Целью воспитания он считал формирование патриота, характерными качествами которого должны быть высокая нравственность, любовь к науке, трудолюбие, гражданская честь и бескорыстное служение на благо Родине.

В период царствования Екатерины II представители научной педагогической мысли (Д.С. Аничков, И.Ф. Богданович и др.) испытывали влияние западных просветителей – Вольтера, Д. Дидро, Д. Локка и Ж.Ж. Руссо. Ими акцентировалось

внимание на ценности умственного и нравственного воспитания. Особо выделялись взгляды А.Н. Радищева, утверждавшего, вслед за М.В. Ломоносовым, приоритет человеческого разума, высшей ценностью при этом считавшего добродетель (нравственность), и отстаивавшего необходимость воспитания патриотов, «истинных сынов Отечества». Среди идеальных гражданских качеств А.Н. Радищев отмечал трудолюбие, повиновение, скромность и любовь к Отечеству.

Основными приоритетными ценностями, отраженными в отечественной педагогической мысли XVIII в., рассматривались человеческий разум, нравственность, равенство, свобода личности, патриотизм, честь и вера. Не смотря на влияние идей западноевропейских философов и дидактов, в данный период была подготовлена почва для будущего расцвета национальной идеи образования в России. В этот же период, в 1776 г., публикуются первые сборники русских народных песен и напевов. На рубеже XVIII-XIX вв. педагогической общественностью впервые поднимается проблема педагогической ценности фольклора.

В связи с тем, что промышленное производство не достигло еще всепланетарного масштаба, и преобладала тенденция национального развития над общечеловеческим, до середины 20-х гг. XIX в. в сознании русского человека приоритетными были национальные ценности, а общечеловеческие отходили на второй план [401]. Позже ценностные представления отечественной педагогической мысли характеризовались неоднородностью, что было детерминировано различными основаниями педагогических направлений, противостоянием мыслителей-славянофилов и западников. Так, в связи с деятельностью в Министерстве народного просвещения С.С. Уварова, изложившего базовые положения новой образовательной доктрины, основой просвещения в России декларируется Православие, самодержавие и народность. Педагогические принципы Ф.И. Буслаева, придерживавшегося идей, близких славянофилам, были связаны с нравственным и гражданским воспитанием. Он считал, что в воспитании и образовании должно находить отражение своеобразие народной культуры. А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.В. Станкевич и Т.Н. Грановский критиковали русских славянофилов, в том числе концепцию С.С. Уварова, и ратовали за западный путь развития отечественного образования, а в идеальной модели образованного человека выделяли его вненациональную ориентацию.

На рубеже 60-х гг. XIX в. в России произошла смена педагогической парадигмы. В.Г. Белинский обосновал выдвинутый В.М. Ломоносовым принцип народности, который рассматривался важнейшим условием воспитания личности, основой разработки модели русской национальной школы (Н.Ф. Бунаков, Н.А. Корф, С.И. Миропольский, В.Я. Стоюнин и др.). Человекоцентристскую концепцию воспитания в духе прогрессивных национальных традиций создал К.Д. Ушинский. Главной целью им декларировалось духовное развитие человека, достижение которого возможно только в опоре на культурно-исторические традиции русского народа и особенности его национального характера. Идеи К.Д. Ушинского оказали большое влияние на развитие патриотического и гражданственного направления в области Российского просвещения и способствовали утверждению в них подлинных национальных ценностей [401]. Среди его последователей, ратовавших за народность и опору воспитания на национальные традиции, были Н.Ф. Бунаков, В.И. Водовозов,

Н.А. Корф и С.А. Рачинский. Последний считал задачей школы воспитание юношества в духе русских православных и культурных традиций.

В деятельности Л.Н. Толстого также проявились черты русской национальной идеи: верность культурным и национальным традициям, опора на духовные, православные ценности, утверждение идеалов истины, добра и любви [649]. Образование им трактовалось как духовное становление человека. Он стремился создать педагогику, соответствующую образу жизни русского народа.

Педагогической мыслью XIX в. признавалось воспитательное воздействие музыки. В этот период начали складываться конкретные музыкально-педагогические концепции, формировались взгляды на народную песню как средство воспитания детей, знакомства с душевным состоянием и характером русского народа (А.Л. Маслов, Г.Я. Ломакин, С.И. Миропольский, В.Ф. Одоевский). Е.К. Альбрехтом, Д.И. Зариным, А.Н. Карасевым и А.И. Пузыревским стал подниматься вопрос о народно-национальной основе массового музыкального воспитания. С.И. Миропольским, считавшим важнейшей основой музыкального воспитания принцип народности, указывалась необходимость использования народной песни и в школе, и дома, и в начальном воспитании в целом. По его словам, мы «желаем быть русскими, потому что не желаем втуне бросать драгоценное наследие нашей прошедшей жизни, потому, наконец, что по силе воспитательного влияния ничто не может сравниться с родною нам народною песней» [378, С. 273-274]. А.Л. Маслов настаивал на введении в школу русской народной песни в целях воспитания молодого поколения на самобытных музыкально-эстетических принципах, которые послужили основой для национальной музыки [362]. Однако полноценного использования воспитательного потенциала народной музыки достичь не удалось. В основном, она являлась средством формирования вокально-хоровых навыков и освоения учащимися нотной грамоты.

В начале XX в., в период нестабильности и социальных потрясений в педагогической среде стала исследоваться проблема национального характера образования в аспекте соотношения национальных и общечеловеческих ценностей. Распространяются идеи П.Ф. Каптерева, который придавал большую значимость сочетанию в процессе воспитания человека общечеловеческих и национальных ценностей, нравственному совершенствованию личности, доказывал, что отличительной чертой любой национальности является ее отношение к таким ценностям, как жизнь, наука, искусство и т.д., а уровень развития каждого народа определяется, прежде всего, его отношением к общечеловеческим, национальным и другим ценностям [401]. Он подчеркивал необходимость выделения и развития приоритетных национальных ценностей образования, призывал к созданию национальной, народной, русской школы на научных основаниях.

В.Н. Сорока-Росинским определялись методологические обоснования русской национальной школы, целью которой является, по его мнению, воспитание человека-патриота, усвоившего национальные и общечеловеческие ценности (нравственность, любовь, добро и уважение), воспитание гражданственности подрастающих поколений и развитие у них нравственных идей [534]. Он полагал, что «традиции и идеалы, общие чувствования, соединявшие ранее семью, национальная школа должна будет взять из того, что является таким врожденным, интимным и близким, как семья, из сущности родной страны и родного народа» [534, С. 86]. Таким образом, национальное, по

В.Н. Сорока-Росинскому, должно определять приоритетные ценности образования, так как нельзя служить общечеловеческому, не выполняя долга перед Родиной. В числе средств воспитания им указывались песни, сказки и семейные традиции.

На необходимость овладения детьми «культурными ценностями, к которым в процессе образования должен быть приобщен человек» указывал С.И. Гессен [148, С. 36]. Он полагал, что через овладение человеком основными знаниями о культурных ценностях человек приходит к пониманию и принятию общечеловеческих ценностей, познает национальные традиции и обычаи своего государства. При этом процесс приобщения ребенка к культурным ценностям должен осуществляться в соответствии с принципами целостности, обязательности, научности и «фуркации». По его мнению, национальное образование является не столько проявлением уже существующей в виде готовой данности народной души, сколько приобщением народа к культурному преданию, накопленному в его среде творческими усилиями его сынов [148]. Совместно с Н.О. Лосским им была создана программа развития философских знаний у детей, предполагавшая формирование у них представлений о системе духовных ценностей. Главной задачей воспитания В.В. Зеньковский видел внутреннюю гармонизацию человека, приводящую к формированию гармонично развитой личности, познанию ею духовных ценностей.

Таким образом, в начале XX в. в дореволюционный период приоритетными основаниями отечественного образования выступало национальное начало, его народный характер, исключая космополитические взгляды и признающий в качестве ведущих черт патриотизм, гражданственность, общественность, ответственность перед Россией, тесную связь с общечеловеческими, мировыми и духовными ценностями [401].

В работах философов «русского зарубежья» (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, П.А. Сорокин и др.) в этот период разрабатывались не только положения русской национальной идеи, но и делались попытки трактовки аксиологических основ национального образования. Обобщая аксиологические приоритеты данных мыслителей, современные ученые указывают, что под национальными ценностными приоритетами образования ими понималась «такая аксиологическая иерархия целей и содержания образования, его форм и методов, которая опосредуется разнозначимыми природно-средовыми, социокультурными и этнографическими доминантами, а также менталитетом и традициями русского народа в своей совокупности обуславливающими и структурирующими приоритетные ценности российского суперэтноса» [401, С. 63]. Речь идет о приоритете духовных и этических ценностей, определяемых Православием, необходимости формирования у подрастающего поколения любви и преданности Родине, чувства национальной гордости и гражданственности. Именно в Православии ими виделась живая душа народа, «ментальное ядро» традиций, социокод нации [401].

В своих работах К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, В.С. Соловьев высказывались против «европеизации» подрастающего поколения, национальной беспочвенности существовавших в то время школьных программ, ратовали за народность воспитания и образования, необходимость его опоры на русские национальные традиции, особенности русского характера и православные ценности. Н.А. Бердяев называл овладение человеком национальными ценностями (гражданственность, любовь к

семье, малой Родине) и ценностью свободы личности в опоре на культурное наследие и религиозные начала.

Значительный вклад в осмысление ценностного содержания культуры внесли философские идеи И.А. Ильина о связи духовности личности и культуры, о духовном созерцании, открывающем человеку смысл вселенной, делающем его жизнь предметной, о необходимости овладения человеком ценностным отношением к Другому, к миру, что возможно только посредством постоянного общения с искусством. На проблемы образования он переносил сущностные ценности и черты народного характера, русской идеи. Воспитание детей он считал пробуждением их «бессознательного чувствилища к национальному духовному опыту», указывал на необходимость бороться с национальным обезличиванием детей [223, С. 135]. Средствами подобного воспитания он считал язык, песню, молитву, сказку, жития святых и героев, поэзию, историю, труд, армию, национальную территорию как исторически данное и взятое «духовное пастбище народа» [223, С. 140]. Русскую песню, по мнению И.А. Ильина, ребенок должен слышать еще в колыбели, и усваивать «русский строй чувств и особенно духовных чувствований» [223, С. 136]. Он считал, что «надо завести русский песенник и постоянно обогащать детскую душу русскими мелодиями, – наигрывая, напевая, заставляя подпевать и петь хором. Всюду, по всей стране, надо создавать детские хоры – церковные и светские, организовывать их, объединять, устраивать съезды русской национальной песни. Хоровое пение национализирует и организует жизнь – оно приучает человека свободно и самостоятельно участвовать в общественном единении» [223, С. 137].

В целом, мыслители «русского зарубежья» признавали, с одной стороны, органическую взаимосвязь общечеловеческих и национальных аксиологических приоритетов образования, но акцентировали народные начала и специфику, «рассматривали их в историческом контексте фундаментальных ценностей данного социума» [401, С. 16]. Ими были выявлены аксиологические приоритетные основания философии образования и образовательной политики российского государства; определена иерархия национальных ценностей образования – Православие, объективное знание, истинная наука, свободная творческая личность. К сожалению, их наследие долгое время не находило в России должной реализации. Только в конце XX в. данные аксиологические концепции стали осмысливаться отечественными учеными в области образования с современных позиций.

После Октябрьской революции 1917 г. в России установилась советская власть, что сопровождалось отказом от предшествующих традиций во всех областях общественной жизни, дискредитацией опыта отечественной дореволюционной педагогики и утратой ведущей позиции концепции Русской идеи. Приоритетными ценностями советской педагогики и системы образования выступали материализм, диалектика, социалистический гуманизм, интернационализм и атеизм. Если раньше патриотическое воспитание определялось в качестве добровольного и осознанного служения Родине, направленного на объединение и упрочение русской нации и российского государства, то теперь оно ограничивалось рамками марксистско-ленинской парадигмы [613].

П.П. Блонский, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский и С.Т. Шацкий пытались отстаивать необходимость преемственности воспитания с традициями русской

дореволюционной философско-педагогической мысли. В «первой опытной станции» С.Т. Шацкого особое внимание уделялось эстетическому воспитанию детей и развитию их художественного творчества. Музыкальное воспитание в данной школе рассматривалось как средство формирования мировоззрения, идейной убежденности, нравственного облика подрастающего поколения, а его содержание включало образцы традиционной русской народной песенной культуры, так как она «своими специфическими средствами помогает познать жизнь в прошлом и настоящем, радуется красотой своих напевов и богатством чувств и мыслей» [629, С. 51]. Деятельность В.А. Сухомлинского продолжала традиции отечественного духовно-нравственного воспитания, направленного на интериоризацию ребенком общечеловеческих ценностей.

Развивающая и воспитательная роль народного творчества в данный период утверждается и закрепляется в официальных документах Всероссийских съездов хоровых деятелей. Появляются первые школьные сборники народных песен. А.Д. Кастальским и С.И. Потоцким выдвигается план переориентирования музыкального образования на изучение народного творчества [395, 447]. Б.В. Асафьев в своих работах «Русская народная песня и ее место в школьном музыкальном воспитании и образовании» [32], «О народной музыке» [31] утверждает необходимость включения народной песенной культуры в школьный быт общеобразовательной трудовой школы, как «ценнейшее художественное наследие», являющееся «подлинным живым свидетелем народного быта, трудового уклада и культуры, обрядов и игр», «продуктом эволюции музыкального языка, элементы которого живы до сих пор» [29, С. 101, 108]. Он ратует за создание фонограммархивов для ознакомления учащихся с подлинными примерами народной песни в ее реальном звучании. В 1919 г. появляется «Собрание народных песен для детского школьного хора», в предисловии к которому говорилось о музыкальном языке народа, являющемся близким и понятным, о том, что «...в будущем человек может ознакомиться и сродниться с жизнью всего мира, но первые шаги должны проходить по самой для него удобной почве, первая его речь должна произноситься самими для него понятными словами, первые его песни должны быть народными» [520, С. III]. В период комплексного обучения 1920-х годов народная песня практически полностью исключается из школьных программ. Не смотря на вышедшее в 1932 г. постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», авторы которого указывали на введение в программы школ народного искусства, оно надолго было изгнано из педагогической практики как «архаичное».

В период 40-70-х гг. XX в. целью обучения и воспитания было формирование у молодого поколения марксистско-ленинского мировоззрения, воспитание патриотизма, трактовавшегося как любовь к Родине, своему народу, коммунистической партии Советского Союза и готовности к защите социалистического Отечества. Освоение детьми в школе народного музыкального искусства ограничивалось знакомством с различными жанрами музыкального фольклора и примерами использования народных песен в творчестве композиторов.

70-80 гг. XX в. были ознаменованы появлением программы Д.Б. Кабалевского, ставшей впоследствии концептуальной основой многих современных программ по музыке. Ее основной задачей было воспитание у учащихся музыкальной культуры как неотъемлемого компонента их общей духовной культуры, а одним из средств выступала народная музыкальная культура. В этот же период появляются работы Ю.Б. Мандрика

[353], С.А. Мухамедьянова [390], Т.И. Одиноквой [411], Ф. Рзаевой [478], Л.Х. Салимовой [496], Н. Толлибаева [565], Н.Х. Халитовой [605] и др., в которых рассматриваются проблемы использования национального музыкального фольклора в обучении и воспитании детей.

В 90-е годы XX в. «сформировался идеал свободной в своем самоопределении и развитии личности, «освобожденной» от ценностей, национальных традиций, обязательств перед обществом» [278, С. 11]. Наряду с этим, в педагогической науке появляются исследования, утверждающие ценностный подход к воспитанию, предлагающие различные иерархии ценностей (В.А. Караковский, Н.Д. Никандров, З.И. Равкин и др.). В этот же период педагогическим сообществом выдвигаются идеи о рассмотрении образования через призму идеалов национального сознания, создании российской национальной доктрины образования, ценностные аспекты которой должны быть связаны с национальной идеей – присущей русскому самосознанию духовности, которая интерпретировалась учеными как исторически сформировавшийся тип культурной ориентации, при котором неутилитарные («постматериальные», человеческие) ценности занимают высокое место в ценностной иерархии общества и человека (Е.П. Белозерцев, О.Н. Смолин) [60, 518]. Появляются тенденции к переосмыслению роли традиционных ценностей в воспитании и образовании, начинает складываться новый опыт приобщения детей и молодежи к традициям русской культуры. На всей территории России создаются школы, в концепциях которых присутствуют идеи единства, национальной доблести, воспитательного потенциала традиционных конфессиональных ценностей [298].

Глубокое освоение народного творчества в этот период в аспекте актуализации его аксиологического потенциала осуществлялось в программе Т.Я. Шпикаловой [636], направленной на формирование у учащихся представлений об общечеловеческих ценностях, свойственных каждой национальной культуре; программе Н.Д. Михайлова, Т.А. Шишовой, А.И. Коноваловой, Н.И. Трусовой [121], способствующей нравственному воспитанию учащихся и формированию у них ценностного отношения к народной культуре; работах Л.Л. Куприяновой [328], где фольклор представал школой социального опыта, средством нравственно-эстетического облика человека – хранителя и создателя национальных культурных ценностей. Е.А. Краснопевцевой и О.В. Величкиной был предложен проект «Школы народного творчества», где постижение детьми традиционной культуры осуществлялось в естественной фольклорной среде посредством участия в коллективных праздниках и обрядах. Л.В. Шаминой [624] давалось методологическое обоснование необходимости нравственного и эстетического воспитания подрастающего поколения на основе народно-песенного искусства. В программе М.Ю. Новицкой «Мир народной культуры» предлагался принципиально иной подход к освоению учащимися фольклорно-этнографического материала: постижение его духовного смысла происходило путем «проживания» игр, песен, обрядов и праздников. В целом, в конце XX в. в содержании отечественного образования осуществлялось переосмысление роли традиционных ценностей в воспитании и образовании подрастающего поколения. Ценностный потенциал народной художественной культуры востребовался в нравственном воспитании и эстетическом развитии учащихся.

В 2000 г. ГНИИ семьи и воспитания был подготовлен проект Национальной программы развития воспитания детей в РФ [400], одними из направлений которого декларировались гражданское, патриотическое и духовно-нравственное воспитание. В этот же период была утверждена Национальная доктрина образования в Российской Федерации [399], в соответствии с которой система образования была призвана обеспечить историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России; воспитание патриотов России, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов и т.д.

В настоящее время образовательная политика развивается в направлениях широкой гуманизации. В современных исследованиях формулируются методологические подходы к формированию ценностной парадигмы в образовании (М.В. Богуславский, Е.В. Бондаревская, Б.С. Гершунский, В.И. Загвязинский, Н.Д. Никандров, З.И. Равкин, П.Г. Щедровицкий [84, 86, 87, 147, 196, 197, 401]); раскрываются ценностные приоритеты современного образования (Е.П. Белозерцев, Б.М. Бим-Бад, Н.Д. Никандров [60, 73, 404, 405]); вскрывается процесс становления ценностных ориентаций учащихся (В.И. Гинецинский, В.А. Караковский, А.В. Кирьякова, З.И. Равкин, Н.Е. Щуркова [150, 244, 259, 401, 645]) и мотивационно-ценностного отношения учащихся к познавательной деятельности и другим сферам окружающей жизни, обладающим воспитательным потенциалом (Р.А. Ахмадеева, Л.В. Безрукова, Ю.О. Галушинская, А.А. Геворкян, Б.И. Додонов, А.С. Калинин, С.В. Пазухина, О.П. Филатова, О.Г. Хмелева и др. [39, 57, 145, 146, 178, 238, 424, 597, 607]), в том числе к искусству (Н.И. Коростелева, А.Н. Малюков, О.П. Хабибуллина) [288, 352, 603]. В работах Н.А. Асташовой, В.А. Слостенина, Г.И. Чижиковой и др. [34, 515] получает развитие специфическая область философско-гуманитарного знания – педагогическая аксиология, интегрирующая идеи аксиологии, философии образования, антропологии, культурологии, этики, логики, психологии, педагогики. Ее предметом являются ценности образования.

Учеными обосновываются ценностные приоритеты содержания современного образования, в котором актуализируются ряд аспектов культуры – культура как система непреходящих ценностей, культура как механизм передачи этих ценностей и культура как способ трансляции и умножения ценностей [197]. Его ведущими целями декларируется культуросбережение и культуросозидание, формирование надличностной культуры среды и воспитания в ней «человека культуры» [83, 84, 176, 312, 313]. Основной проблемой ценностного подхода к воспитанию определяется проблема воспитания личности, соответствующей не только мировой, но и национальной культурной традиции [86, 87]. В связи с этим, утверждается идея об осознании каждым человеком принадлежности к определенной культуре и культурной эпохе, что возможно лишь в процессе общения с людьми различных (прошлых, настоящих, будущих) культур. Результатом этого является свободный выбор человеком духовных ценностей, образа жизни, мышления, его самодетерминация в горизонте личности, обретение личностного образа, в становлении которого центральное место принадлежит процессу культурной идентификации [87].

В последние годы Президент Российской Федерации указывает на традиционные ценности, к которым мы должны вернуться, «понять их ценность и на базе этих ценностей двигаться вперед». По его мнению, без них общество деградирует. Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи, его моральное оздоровление, консолидация на основе культурного наследия и отечественных духовных традиций декларируется важнейшим условием социокультурного развития российского общества [339]. Такие ценности, как гражданственность и патриотизм провозглашаются основными духовно-нравственными и социально значимыми ценностями, одними из важнейших принципов государственной политики [464, 465]. Обозначенный социальный заказ образованию от государства и общества реализуется в законе «Об образовании в Российской Федерации» [593], государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы. Данные ценности являются центральными понятиями государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы» [160]. О традиционных семейных ценностях говорится в «Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [277].

Проблема внедрения системы гуманистических ценностей в образовательный процесс и усвоение их школьниками отражена в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» (А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков), являющейся методологической основой разработки и реализации федерального государственного стандарта общего образования. В ней определен современный педагогический идеал – высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях российского народа [278]. В соответствии с этим идеалом выделена система базовых национальных ценностей, составляющих основное содержание духовно-нравственного развития, воспитания и социализации современного школьника – патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, труд, творчество, наука, традиционные российские религии, искусство и литература, природа, человечество.

Резко возрос интерес к национальному аспекту содержания современного образования. Средством духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания подрастающих поколений рассматриваются именно традиционные ценности (Т.А. Костюкова, А.Е. Мешков, Н.Д. Никандров, П.В. Петрий, М.Г. Тайчинов, Р.Ф. Яковлева и др. [298, 377, 404, 405, 430, 558, 656]), так как «духовная составляющая российской жизни, являющаяся результатом нравственных усилий народа в течение столетий, – ни переделке, ни отторжению не подлежит, несмотря ни на какие тектонические сдвиги в российской истории, экономике и политике» [405, С. 3].

В современных исследованиях в области художественно-эстетического воспитания поднимаются вопросы о сущности национальной музыкально-воспитательной идеи (А.П. Юдин [649]); о национальных традициях в преподавании музыки (Т.Г. Мариупольская) [358]; о национальных и интернациональных аспектах российской музыкально-педагогической школы (Л.Г. Сухова [551]). Ученые приходят к выводу о том, что отечественное образование, важнейшей составляющей которого является художественно-эстетическое воспитание молодежи, должно основываться на национальной идее как системе ценностей и духовно-ориентированных значимостей, опирающихся на вековые традиции русской культуры; в условиях глобализации

образования и усиления в нем интегративных процессов роль и значение национального фактора, особенно в педагогике художественно-творческого профиля, возрастают.

Проблемы отчуждения человека от культурно-исторического наследия и традиционных ценностей своего этноса, сохранения и осознания личностью отечественных традиций, поиска баланса между этнокультурными, поликультурными и общечеловеческими ценностями в образовательной системе призваны решать концепции этнокультурного образования (Л.П. Карпушина, А.Б. Панькин, Т.К. Солодухина и др. [250, 426, 532]).

Проблематика научно-практических конференций, проводившихся в последние годы в ряде российских городов (Екатеринбург, Москва, Уфа, Тула и др.), связана именно с идеей традиционных ценностей как средства объединения гражданского общества и восстановления духовной культуры российского народа. В качестве путей и форм приобщения детей к традиционной культуре народов Российской Федерации, морально-этическим, духовно-гуманистическим, созидательно-трудовым и бытовым ценностям народов ученые называют приобщение к народному творчеству (фольклорные произведения, художественно-прикладное искусство, музыкально-эстетические, архитектурные ценности и их познание с позиций значимости в современных условиях); приобщение к духовно-этическим ценностям, к религиозной культуре различных этносов, к народным праздникам, в том числе религиозным как отражающим связи с природными явлениями, традициями; приобщение к художественно-прикладным, духовно-эстетическим традициям, усвоение социальных норм, единство человека с природой, окружающим миром; приобщение к социально-бытовым традициям (общение, одежда, кухня, взаимопомощь, толерантность, почитание старших; целенаправленная конструктивная деятельность этнических диаспор, национальных автономий в регионе по созданию мультикультурного образования и поликультурного развития на принципах диалога культур [558]).

Краткий анализ вопроса освоения обучающимися традиционных культурных ценностей доказывает, что подходы к его решению формировались в отечественной педагогике на протяжении более чем двух веков. На определенных этапах генезиса общества те или иные традиционные ценности утрачивали свою актуальность. Содержание современного образования во-многом органически преемственно идеям педагогов дореволюционной России и философов «русского зарубежья».

В содержании современного образования актуализируются традиционные культурные ценности. Во многих официальных документах, касающихся общего и художественного образования, усилен акцент на духовно-нравственном и гражданско-патриотическом аспектах. Но, не смотря на создание новых подходов и концепций в русле данного проблемного поля, поиск концептуально-теоретических исследований в этой области остается по-прежнему актуален. Необходима актуализация и дальнейшая разработка в содержании образования и воспитания ценностей и традиций отечественной национальной культуры и российского менталитета, в том числе традиционных ценностей, свойственных российскому этносу. Необходимо использовать аксиологический потенциал народной художественной, в том числе музыкальной культуры.

На современном этапе развития отечественного художественного и музыкального образования реализация ценностного потенциала музыкальной

культуры в системе обучения и воспитания детей и молодежи признается одним из перспективных направлений духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания, что отражают исследования Э.Б. Абдуллина, Ю.Б. Алиева, Н.И. Ануфриевой, Е.А. Бодиной, Э.В. Зауторовой, Л.С. Зориловой, И.Э. Кашековой, В.В. Медушевского, А.А. Мелик-Пашаева, А.П. Юдина [3, 18, 23, 75, 203, 212, 255, 256, 370, 374, 649], положения «Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008-2015 гг.» [280], проекта «Концепции художественного образования в Российской Федерации» [283], «Концепции развития поликультурного образования в Российской Федерации» [281] и т.д.

Нравственный аксиологический аспект является основополагающим для всех гуманитарных предметов современной общеобразовательной школы, декларирующих тезис об эмоционально-духовной деятельности школьника, связанной как с изучением способов отражения в музыкальном искусстве событий, явлений окружающей жизни, так и с переживаниями их ценности и значимости для человека. Главной целью педагогики искусства сегодня является донесение нравственных ценностей до каждого нового поколения людей. Искусство рассматривается как единственная область, «в которой может закономерным образом совершаться эмоционально-нравственное развитие растущего человека и его приобщение к высшим духовным ценностям своего народа и человечества» [374, С. 7]. Особое внимание при обучении художественной деятельности в любом из курсов школьного художественного цикла должно уделяться, по мнению современных педагогов, формированию у учащихся собственных, личных художественных ценностей, так как «...целостная и непротиворечивая система личных художественных ценностей несет современному школьнику гармонию внутреннего мира, позволяет ему быть субъектом собственной жизнедеятельности» [18, С. 67]. В целом, педагоги-музыканты определяют ценностный подход к музыкальному образованию как актуализацию процесса восхождения личности к ценностям культуры, стремление через ценности музыкально-прекрасного идти к поиску и к самореализации смысла собственной жизни [640]. Они указывают на необходимость постоянной трансформации ценностных доминант в художественно-образовательном процессе, которые должны быть адекватны процессам, происходящим в художественном пространстве культуры; поиска новых, эффективных методик ценностного, духовно-творческого развития личности.

Обратимся к содержанию современных программ по музыке для общеобразовательных школ и выясним, в какой мере в них востребуется ценностный потенциал музыкальной, в том числе народной культуры. Программа, созданная под научным руководством Д.Б. Кабалева [456] предвосхитила ряд качественно новых процессов, зарождающихся в искусствоведении и других сторонах общественной жизни – стремление к сохранению и воспитанию духовной культуры формирующейся личности, признание приоритета общечеловеческих ценностей. Ее целью, как и целью ряда других программ [14, 308], является воспитание музыкальной культуры школьников как необходимой части их общей духовной культуры. В программе Е.Д. Критской и Г.П. Сергеевой [308] раскрываются наиболее значимые для духовно-нравственного формирования личностных качеств ребенка «вечные темы» искусства: добро и зло, любовь и ненависть, жизнь и смерть, материнство, защита Отечества и другие, запечатленные в художественных образах. Художественно-педагогическая идея позволяет ребенку осмысливать музыку сквозь призму общечеловеческих

ценностей. Целью программы, созданной под научным руководством В.В. Алеева [14], является формирование основ духовно-нравственного воспитания школьников через приобщение к музыкальной культуре. Целью программы, разработанной Ю.Б. Алиевым, В.К. Белобородовой, Е.В. Николаевой, Б.С. Рачиной, С.Л. Старобинским [383] является передача положительного духовного опыта поколений, сконцентрированного в музыкальном искусстве. Во всех этих программах народная песня включается в содержание лишь отдельных тем.

Программа Т.И. Баклановой [45] обращается в формировании духовно-нравственной культуры личности школьника к лучшим культурно-историческим и национально-культурным традициям России. Особо автор указывает на духовные способности человека, содержание которых составляют духовно-нравственные ценности и идеалы. В ней осуществляется поликонтекстный подход к общему музыкальному образованию, предполагающий, в ряду других, и аксиологический контекст, призванный способствовать вытеснению из сознания ребенка антигуманных, безнравственных и антихудожественных образов и идеалов, не свойственных культурно-исторической психологии российского сознания, и замещению их лучшими образами и идеалами отечественной художественной культуры. Целью программы «Музыкальный фольклор» Л.Л. Куприяновой и Л.В. Шаминой [385], является постижение народных культурных корней своего народа через народное музыкальное творчество. Фольклор в понимании авторов является непременной составляющей духовности, самобытным фактором преемственности поколений, приобщения к истории народа; фактором патриотического и интернационального воспитания школьников; средством постижения собственных народных культурных корней; школой социального опыта. Программа «Русский фольклор» Л.Л. Куприяновой [487] направлена на художественно-эстетическое развитие школьников средствами традиционной народной культуры, приобщение к национальным жизненным истокам через фольклор – уникальную, самобытную культуру наших предков, благодаря которой осуществляется преемственность поколений.

Таким образом, очевидно стремление авторов современных программ сделать музыку для ребенка лично окрашенной и значимой, сформировать у них эмоционально-ценностное отношение к искусству. В большинстве своем они решают проблему освоения учащимися гуманистических ценностей, содержащихся в произведениях музыкального искусства. Усилено внимание к национальным традициям: учителям-практикам предлагаются различные варианты программ, основу которых составляет фольклор, педагогический потенциал которого направлен на художественно-эстетическое развитие и духовно-нравственное, патриотическое воспитание учащихся. Освоение традиционных культурных ценностей средствами народной художественной культуры авторами современных программ по музыке не декларируется, но, безусловно, имплицитно в них присутствует.

В отношении народной музыкальной культуры специалисты-практики выдвигают идею ее целостного, комплексного освоения детьми через проникновение в ее суть как художественного явления посредством художественно-творческого метода. Наиболее интересными идеями построения эффективной работы по освоению народной музыкальной культуры являются: идеи о необходимости освоения аутентичного фольклорно-этнографического материала (М.К. Бурьяк) [100]; при учете его свойств и

региональной специфики, в ситуациях «проживания» и социальной востребованности (Е.Г. Боронина) [93]; осуществления музыкального воспитания на региональном народно-песенном материале, на основе развития этноинтонационного слуха учащихся и овладения ими навыками этноинтонирования (О.В. Пивницкая) [435]; в русле отношения к ней как к культуре устной традиции и несценическому искусству (Г.Б. Соколова) [528]; необходимости «проживания» ребенком форм традиционной культуры в процессе разнообразной интеллектуальной, художественной и творческой деятельности, моделирования различных аутентичных ситуаций (А.Б. Афанасьева) [36]; введения в учебно-воспитательный процесс театрализованной игры и фрагментов старинных обрядов, моделирующих жизненные ситуации и возможные варианты поведения детей в них (И.В. Ржепянская) [477]. Отдельно отметим предложенную Л.В. Шаминой этнографическую парадигму школьного музыкального образования, в содержании которой указывается на фундаментальное значение этнослуха – основы всей музыкальной деятельности и познания всех музыкальных языков и наречий человечества, главного этнического идентификатора, который «делает музыку культурно значимой для нас – в меру нашей собственной культурности, т.е. способности проникновения в культуру (свою или чужую) вообще» [625, С. 315]. Автор указывает на этнопедагогику, выработавшую «свои, универсальные механизмы приобщения молодого поколения к духовным ценностям» [625, С. 318].

Таким образом, в ходе анализа современного состояния отечественного художественного и музыкального образования выяснилось, что в его содержании востребуется аксиологический потенциал музыкальной, в том числе народной культуры. Исследователями предлагаются отдельные методы, приемы, методики, выявляются педагогические условия формирования ценностных ориентаций средствами музыкальной культуры, музыкально-эстетической деятельности, в целом музыкального образования. Не смотря на декларируемую задачу содействия в становлении у учащихся внутренней системы художественных ценностей, целостной концепции, модели и методики освоения молодежью традиционных культурных и художественных ценностей современными исследователями на сегодняшний день не создано.

Сегодня высокими темпами развивается система казачьего образования – неотъемлемая часть российского образования, развивающая культурно-региональный компонент, связывающая его с традициями казачества, соединяющая идеи российскости образования, социокультурной адаптации казачества, многоуровневости и непрерывности образовательного процесса. Актуальность его развития в современных условиях обусловлена потребностью общества в сохранении и развитии системы мировоззренческих ценностей, которые многие столетия определяли жизнь народа, и потребностями государства в социально-политической устойчивости и проявлении инициативы всеми группами населения [276]. Цель казачьего образования – казачий воспитательный идеал (высоконравственный, творческий, компетентный, ответственный и социально активный гражданин России, готовящийся для службы Отечеству на военном и гражданском поприщах, укорененный в Православной Вере, казачьей культуре, традициях казачьего воинского, трудового и общественного служения) [279]. В «Концепции духовно-нравственного развития, воспитания и социализации обучающихся в казачьих кадетских корпусах» [279] указывается на базовые казачьи ценности (православные духовные идеалы, основные нравственные

нормы, моральные установки, базирующиеся на культурно-исторических традициях казачества, передаваемые от поколения к поколению, обеспечивающие возрождение казачества, его активное и успешное участие в модернизации России) – патриотизм, Православие, русская православная церковь, казачья доблесть, социальная солидарность, гражданственность, семья, образование и наука, воинское служение, труд и творчество, природа, человечество).

В ходе анализа современных педагогических исследований, посвященных теоретическому оформлению педагогики казачества и отдельным аспектам проблемы использования потенциала культуры Амурского, Волжского, Донского, Кубанского, Оренбургского, Сибирского, Терского казачества (Ю.Н. Абакумов, С.Г. Александров, Н.Г. Баженова, Н.П. Башкатова, В.Н. Быковский, В.Г. Визер, Н.Н. Гомзякова, И.А. Горбунова, А.В. Григорьева, С.Н. Даньшов, А.В. Коновалов, С.Н. Кононова, Т.В. Левченко, С.Н. Лукаш, Е.В. Манузин, О.Н. Майдибор, Н.В. Подосинникова, М.И. Резникова, А.А. Шахторин [1, 15, 41, 56, 98, 112, 156, 157, 164, 177, 273, 274, 335, 348, 349, 355, 356, 365, 439, 476, 628]), мы выяснили, что педагогами раскрываются особенности и выявляется воспитательный потенциал традиций казачества, обобщается опыт казачьей педагогики в гражданско-патриотическом и духовно-нравственном воспитании; раскрывается воспитательное воздействие семьи, казачьего социума и сети казачьих учебных заведений; выявляется, что конечным «продуктом» в процессе воспитания молодого поколения казаков является личность, признающая гуманистические нормы и ценности, проникнутые идеалами служения Отечеству, духом патриотизма и коллективизма; доказывается, что усвоение общечеловеческих ценностей, культурного опыта, заключенного в народной педагогике казачества, обеспечивается через аффективно-мотивационный компонент и своеобразную организацию воспитания, а аффективной базой, способствующей формированию образа «совершенной личности», как социально-личностного ориентира у ребенка, является фольклор. В исследованиях С.Н. Лукаша [348, 349] раскрываются содержательные основы педагогики казачества, суть которых составляют такие константы, как православная духовность, открытость для внешнего восприятия других культур, традиционность, действенность. Также выявляется воспитательный потенциал культуры казачества, содержащий казачью идею, основанную на традициях славяно-русского народовластия, воспитательный идеал, воспитательные ценности казачьей культуры – осознанные и принятые смыслы казачьего существования. Автор делает вывод о том, что педагогика казачества, базирующаяся на многовековых духовно-идейных основах культуры казачества, органично интегрирована в национальную педагогическую структуру и не противоречит современным гуманистическим теориям национального воспитания, обогащая их колоритом региональной специфики. В работе М.И. Резниковой [476] казачий фольклор предстает механизмом воспитания у учащихся личностно-интерпретированного конструкта гражданской субъектности.

Таким образом, педагогами предложены пути решения проблемы освоения детьми и молодежью традиций и ценностей культуры казачества для эффективного осуществления духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения. В этом процессе, наряду с другими средствами воспитания, используется и казачий (в том числе музыкальный) фольклор. Но, решение заявленных проблем осуществляется с общепедагогических позиций, что не включает активно в данный процесс огромный потенциал художественной культуры,

способной особыми художественными средствами формировать систему ценностей личности подрастающего поколения.

В практике казачьего образования сегодня востребованы компоненты учебного плана, базирующиеся на требованиях государственных стандартов, но имеющие непосредственное отношение к практике обучения и воспитания казаков-кадет. На сегодняшний день в ряде регионов России созданы Проекты для экспериментальной апробации регионального казачьего кадетского компонента государственного стандарта общего образования: г. Ростов-на-Дону, Хабаровск, Волгоград и др. [474, 475]. Согласно данным документам, региональный этнокультурный казачий компонент призван способствовать формированию личности выпускника как достойного представителя России, казачьего сообщества, носителя, пользователя и создателя этнокультурных ценностей и традиций казачества и т.д., а в числе задач учебного предмета «Музыка» декларируется содействие формированию целостного мироощущения у учащихся через восприятие ими духовных ценностей, заключенных в образах музыкального искусства.

Мы выявили общую тенденцию по активизации музыкального образования в целях осознания учащимися специфики музыкальной культуры казачества. Предполагается ознакомление учащихся с особенностями музыкального языка казачьего музыкального фольклора конкретной локальной традиции; изучение интонационно-образного своеобразия и самобытности песенного фольклора казаков, жанровых характеристик; знакомство с диалектными особенностями. Здесь же указывается на необходимость знакомства с современным искусством казачества – творчеством фольклорных ансамблей, аутентичными коллективами. Поднимается проблема сохранения и развития музыкальных традиций казачества, осуществляемая через проведение различных фестивалей казачьей культуры.

На Урале, в ряде методических рекомендаций по разработке основной образовательной программы общеобразовательного учреждения с учетом казачьего кадетского компонента образования» [375, 376] в числе ценностных ориентиров указывается на формирование основ гражданской идентичности личности на базе чувства сопричастности и гордости за свою Родину, народ и историю, осознания ответственности человека за благосостояние общества; восприятие мира как единого и целостного при разнообразии культур, национальностей, религий; уважения истории и культуры каждого народа, что невозможно без освоенности учащимися традиционных ценностей казачества. В данном документе утверждается необходимость приобщения казаков-кадет к достижениям национальной, российской мировой музыкальной культуры и традициям и т.д. Обращается пристальное внимание на освоение школьниками культуры и культурных традиций оренбургского казачества, их приобщение к общечеловеческим ценностям. Планируемые результаты воспитания предполагают начальные представления о ценностях казачьей культуры, обычаях и культурно-исторических традициях оренбургского казачества, нравственных нормах, правилах поведения и личностных качествах, значимых для казаков. В содержании предметной области «Искусство» указывается на развитие способностей к художественно-образному, эмоционально-ценностному восприятию произведений изобразительного и музыкального искусства, освоение интонационно-образного своеобразия и самобытности песенного фольклора оренбургского казачества, содержания его национально-патриотических идей и т.д. [375]. В числе принципов

духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся указывается принцип идентификации. Однако конкретные пути освоения казаками-кадетами традиционных культурных и художественных ценностей авторами не обозначаются.

В педагогической литературе существуют авторские программы, методические пособия и разработки по дополнительному образованию детей, основанные на идее освоения ими музыкальной культуры казачества [89, 455]. В них предполагается комплексный подход к формированию у учащихся представления о фольклоре и традиционной культуре кубанского казачества как целостной многофункциональной системе жизнеобеспечения народа. Одной из задач является формирование у детей представлений о ценностных основах традиционной культуры. В них рассмотрены возможности практических занятий (реконструкция фрагментов различных традиционных казачьих обрядов, исполнение образцов игрового казачьего фольклора, движений традиционных казачьих танцев, разучивание песен, попевок, закличек, разыгрывание сенок и сказок и т.д.), которые направлены на «проживание» учащимися традиций кубанского казачества, на восприятие фольклора как синтетической художественно-образной системы, а каждого фольклорного образца в соответствующем бытийном контексте. Организуемые педагогами встречи с казачьими атаманами и членами правления современных казачьих обществ Кубани позволяют юным казакам ощутить свою причастность к войсковому сословию, способствуют формированию у них основных воспитательных ценностей казачьей культуры, чувства патриотизма, гордости за принадлежность к казачеству. Встречи с солистами и участниками фольклорных казачьих коллективов станицы и хутора (являющимися носителями и хранителями казачьих народно-музыкальных традиций), способствуют «перениманию» учащимися исполнительской манеры, свойственной кубанскому казачеству, которая не фиксируется в нотной записи, а передается от поколения к поколению устным путем. Организуемые педагогами детские фольклорно-этнографические экспедиции способствуют расширению «этноинтонационного словаря» (термин О.В. Пивницкой) учащихся в рамках локально-региональной казачьей музыкальной традиции. Но, к сожалению, данные программы не используются в практике дополнительного образования казаков в Уральском регионе. Таким образом, произведенный анализ различных государственных документов, исследовательских работ, методических рекомендаций, компонентов учебных планов по образованию подрастающего поколения казаков позволил выявить противоречие между необходимостью использования аксиологического потенциала художественной культуры казачества в становлении личности и недостаточностью разработанности концептуальных оснований и практических направлений их реализации в образовательной практике.

Обобщение материала данного параграфа позволяет сделать следующие выводы:

1. Краткий анализ вопроса освоения обучающимися традиционных культурных и художественных ценностей доказывает, что подходы к его решению формировались в отечественном образовании на протяжении более чем двух веков. В течение этого периода взгляды на его основные приоритетные ценности были неоднородны.

2. В работах философов «русского зарубежья» выделялись духовные и этические ценности, определяемые Православием (основополагающей приоритетной национальной ценностью выступала вера, в которой соединялись другие ценности как вселенного, так и национального масштаба), акцентировалась необходимость формирования у воспитуемых любви к Родине, чувства национальной гордости и

гражданственности, признавалась органическая взаимосвязь общечеловеческих и национальных ценностей образования, присущих национальному менталитету российского общества.

3. Содержание современного образования не в полной мере востребует идеи педагогов дореволюционной России и философов «русского зарубежья». В русле модернизации отечественной системы образования усилен акцент на духовно-нравственном и гражданско-патриотическом аспектах, воспитании личности, соответствующей национальной культурной традиции, для чего необходима актуализация и дальнейшая разработка в содержании образования ценностей и традиций отечественной национальной культуры и российского менталитета, в том числе традиционных культурных ценностей, свойственных русскому этносу. Традиционные ценности занимают одно из центральных положений в нормативных документах об образовании. Такие ценности, как гражданственность, патриотизм, семья провозглашаются основными духовно-нравственными и социально значимыми ценностями, важнейшими принципами государственной политики современной России.

4. Приоритетной задачей современной дидактики художественного и музыкального образования декларируется становление у учащихся внутренней системы художественных ценностей. В его содержании востребован аксиологический потенциал народной художественной культуры: созданы соответствующие программы, учебные пособия, выявлены отдельные методы, приемы формирования у обучающихся ценностных ориентаций средствами музыки, предложены соответствующие методики. Но, специального исследования, в котором бы проблема освоения современной российской молодежью традиционных культурных и художественных ценностей решалась комплексно, к настоящему времени не осуществлялось.

5. Система казачьего образования направлена на освоение обучающимися традиций и ценностей культуры казачества, их духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание. В этом процессе используется, наряду с другими средствами народной художественной культуры, казачий музыкальный фольклор. Но решение проблемы освоения подрастающим поколением традиционных ценностей осуществляется в современных исследованиях с общепедагогических позиций, и, как следствие, огромный потенциал художественной культуры, способной особыми художественными средствами формировать систему ценностей личности подрастающего поколения, остается вне данного процесса. В практике казачьего образования есть попытки создания программ и учебных пособий, направленных на освоение фольклора и этнографии казачества Дона и Кубани. Но практически полностью отсутствует учебно-методический базис по освоению детьми и молодежью народной художественной культуры других локально-региональных традиций, в том числе оренбургского и уральского казачества.

6. Все вышеуказанное открывает перспективы для разработки концепции и модели освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей на основе народной художественной культуры казачества Урала.

1.3. Психологические предпосылки и механизмы освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей

Формирование ценностной сферы личности – сложный и многогранный процесс. Попытки его осмысления предпринимались представителями различных наук: философии (М. Вебер, В. Виндельбанд, Г.П. Выжлецов, М.С. Каган, И. Кант, Г. Лотце, Г. Риккерт, Л.Н. Столович, Э. Шпрангер и др.), социологии (А.Г. Здравомыслов, Т. Парсонс, М. Рокич, В.А. Ядов и др.), педагогики (Е.В. Бондаревская, М.Г. Казакина, А.В. Кирьякова и др.), психологии (Б.Г. Ананьев, Н.А. Журавлева, А.Г. Ковалев, А.Ф. Лазурский, Д.А. Леонтьев, В.Н. Мясищев, Г. Оллпорт и др.). Ученые пришли к выводу о том, что ценностные ориентации представляют собой результат отражения, осмысления, переживания и оценки личностью предметов и явлений окружающей действительности. Их формирование обусловлено кросскультурными различиями, особенностями культуры, региональными особенностями, социальными особенностями, средствами массовой коммуникации, микросоциальными факторами (влияние семьи, референтной группы, взаимоотношений в группах, общения, взаимодействия и т.д.) [194].

Процесс ценностного ориентирования личности при общении с художественным произведением имеет свою специфику и детерминирован определенными механизмами, суть которых будет изложена в содержании данного параграфа.

Специфику ценностного ориентирования личности художественными средствами определяет активное взаимодействие двух факторов – эстетического и внеэстетического. Отраженные в произведении искусства ценности и явления действительности лишь тогда обретают художественную значимость и убедительность, когда в их воплощении активно участвует эстетический идеал. Благодаря своему присутствию в воплощаемом материале, последний становится явлением искусства, а ценности различных сфер общественной жизни обретают эстетическую значимость и становятся факторами ценностной ориентации искусством [637].

Воспитательное воздействие искусства на личность представляет собой двусторонний процесс активного взаимодействия художественного произведения и личности. Современными учеными доказывается, что процесс ценностного ориентирования личности при общении с художественным произведением определяется познанием, переживанием и наслаждением [637]. Чтобы сформировать свое ценностно-смысловое пространство, человеку недостаточно осмысления ценностей. Необходимо их «проживание» внутри себя, так как смысл порождается не значением, а жизнью: «только когда символ будет непосредственно пережит субъектом, станет его конкретным опытом, только тогда он из общечеловеческой ценности превратится в личностную ценность, станет достоянием индивидуального сознания, живым участником смысловой сферы личности» [269, С. 94].

Условием реализации формирующих, развивающих и воспитывающих потенциальных возможностей искусства, ведущих к облагораживанию, одухотворению людей, взаимодействующих с ним, одни ученые называют эстетическое отношение – духовную связь субъекта с объектом, основанную на незаинтересованном интересе к последнему и сопровождаемую чувством глубокого духовного наслаждения от общения с ним [646, С. 244], предполагающую чувственное воплощение смыслов, осмысление себя и мира, - то есть, эстетическую значимость, «втягивание» художником в поле

эстетических отношений всех пластов и смыслов (религиозных, философских, нравственных) художественного произведения [80]. Объектом в данном случае является художественное произведение, обладающее «принудительной» силой эстетического внушения. Вовлекая объект в сферу эстетического отношения, субъект усматривает в нем богатство возможных преобразований, по-новому упорядочивает и завершает его в своем воображении с позиций эстетического идеала.

Как процесс эстетическое отношение представляют в виде следующей формулы: возникновение проблемы – нарастание, изменение (усиление) эмоций – поиск оптимальных путей выхода из ситуации – кульминация (яркое переживание) – разрядка – катарсис (А.Ф. Лобова). Эстетическое отношение присутствует и в художественном замысле, и в художественном творчестве, и в художественном восприятии [80].

Другие исследователи основой процесса производства, трансляции и потребления культурных ценностей называют художественное отношение [286], подразумевая под ним разновидность эстетического отношения – «особую идеальную рефлексию с целенаправленным производством и воспроизводством чувственно являющихся сущностей с помощью специфических условных искусственных репрезентантов – живописных и графических работ, скульптур, музыкальных симфоний, словесных ритмов и описаний... посредством всего того, что составляет объект-язык искусства» [193, С. 22].

Также в современных исследованиях в области психологии искусства указывается на активный, действенный процесс, осуществляющий перевод художественных ценностей духовной культуры общества в индивидуальную систему ценностей, имеющих личностный смысл, - художественно-эстетическое отношение, которое лежит в основе художественного сознания личности, и объединяет в себе смысло-жизненные ценности, принципы отношения к действительности, самому себе, важнейшим формам самореализации, нормам поведения и волеизъявления и представляет собой одну из важнейших форм индивидуального сознания [310, 311].

Таким образом, присвоение личностью социально значимого опыта, ценностей, отобранных и санкционированных обществом, воплощенных в произведении искусства, осуществляется в процессе реализации художественно-эстетического отношения, которое позволяет не только узнать, но и пережить те или иные жизненно важные ситуации, отраженные в нем.

Восприятие произведения искусства современные ученые представляют в виде противоборства между ценностным содержанием художественного произведения и содержанием установок воспринимающей личности. Чтобы результаты ценностного ориентирования сказались положительно на деятельности индивида, необходимо, чтобы ценности, ценностные отношения, воплощенные в произведениях искусства, не оставались на «информационном» уровне, а воспринимались как значимые, становились элементом личностной структуры, и выступали как регуляторы деятельности личности в различных сферах жизни [637].

В данном процессе выделяются следующие этапы. Первым этапом является внушение, когда реципиент вступает в контакт с произведением искусства, вовлекается в его художественный мир, образную систему. Его специфической особенностью является воздействие на эмоциональную сферу человека. Поскольку искусство обладает способностью непосредственного прививания человеку психических состояний, идей,

чувствований и ощущений, то действенность этого механизма довольно высока. Затем следует этап соотнесения человеком полученной художественной информации о мире, предлагаемых ценностях с имеющимися установками и представлениями. На данном этапе большую роль играет художественный потенциал произведения искусства. В случае достижения большого эстетического эффекта даже противоречащие собственным представлениям образы и идеалы воспринимаются и переживаются им как единственно возможные. В ином случае либо процесс ценностного ориентирования прекращается, либо переходит на следующий этап – осмысление, когда реципиент либо мысленно, либо реально возвращается в обычный круг своей жизнедеятельности. Оно может осуществляться как во время непосредственного восприятия, так и после. Чем интенсивнее переживание, возникшее в сознании реципиента при восприятии, тем больше возможны сдвиги в рациональной сфере. В случае, если идеи, заложенные в произведении искусства, проникли в сознание реципиента, и стали содержанием его диспозиционной структуры, речь идет о завершающем этапе – интериоризации, когда реципиент не только воспринимает художественную информацию, переживает, осмысливает ее, но и присваивает репрезентируемые в произведении искусства ценности и ценностные отношения становятся личностным достоянием и оказывают соответствующее влияние на различные уровни жизнедеятельности индивида [637].

Формой, обеспечивающей реализацию смыслопостижения и смыслопорождения ценностей культуры, которые ведут к интериоризации ценностей культуры, самоопределению личности в мире этих ценностей и становление позиции субъекта культуры, выступает диалог [480].

Согласно диалоговой концепции культуры М.М. Бахтина, культура является формой бытия и общения людей различных культур, формой самоопределения личности. Диалог является условием культурного бытия человека и способом нахождения им человеческих смыслов: «событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [53, С. 10]. В искусстве «целое высказывание – это уже не единица языка..., а единица речевого общения, имеющая не значение, а смысл (целостный смысл, имеющий отношение к ценности, к истине, к красоте...и требующий ответного понимания, включающего в себя оценку)» [53, С. 149], то есть осмысление художественных явлений человеком имеет диалогический характер.

Почувствовать и эстетически оценить автора того или иного произведения искусства, эпоху, возможно только при условии возникновения диалога с автором, и с его осмыслением кем-то другим, когда рождается новый смысл, новая ценность, и новое эмоциональное представление о нем [80].

Раскрывая специфику психологического воздействия искусства на человека, современные исследователи указывают на то, что ценностно-смысловой контекст художественного сознания организует процесс, в котором, с одной стороны, происходит «исчезновение» субъекта, его погружение в мир художественного произведения, растворение в художественной действительности, созданной автором. С другой стороны, художественная действительность отчуждается, «внеполагается» субъекту, и художественное произведение предстает перед реципиентом как отстраненный и заверченный в себе мир.

Диалектика данного процесса состоит в полной погруженности реципиента в мир художественного произведения и дальнейшем его возвращении в свой собственный мир.

Процесс сопереживания, эмпатии неразрывно связан с диаметрально противоположным процессом созерцания художественной формы в ее гармонии, завершенности и совершенстве. Данные диалектически противоречивые процессы, опосредуя друг друга, создают стереоскопическое (бинарное) видение произведения искусства, которое и составляет суть художественно-эстетического отношения человека к произведению искусства [310, 311].

Личность, воспринимающую искусство, по мысли современных ученых, характеризуют три фундаментальных психических процесса: эмпатия, рефлексия и саморегуляция, а психологическим механизмом ценностно-смысловой рефлексии является соотнесение субъективно-оценочных нормативных предпочтений с социально-значимыми стандартами ценности художественного произведения.

Анализируя данные идеи, необходимо отметить, что речь идет о механизмах идентификации, рефлексии и обособления.

На механизмы идентификации и обособления, осуществляющие вхождение личности в интонационно-символическое поле общественного музыкального сознания в своих исследованиях также указывает А.В. Торопова. По ее мнению, именно через них осуществляется процесс общения общечеловеческих и индивидуальных смыслов-переживаний, который ведет к порождению индивидуальных смыслов и эффективной обработке информации, заложенной в произведениях музыкального искусства и приводит к чувству личности [566, 567].

В современных исследованиях идентификация трактуется как «процесс объединения субъектом себя с другим индивидом или группой на основании установившейся эмоциональной связи, а также включение в свой внутренний мир и принятие как собственных ценностей» [450, С. 272]; социо- и психокультурный механизм, формирующий личностное ядро и гармонизирующий отношения человека с социальной средой, способствующий погружению человека в мир культурных ценностей и органичному освоению доминирующего типа ментальности [618]; центральный механизм, жизненный стержень человека, обеспечивающий способность «Я» к самосозиданию [438, С. 5].

Его функциями являются: приобретение человеком готовых форм поведения, которые представляют собой сумму присвоенных характеристик поведения других [448]; символического обладания желаемым объектом, понимания и гуманизма, формирования общности или группирования, психологической защиты (В.А. Самкова); усвоения социальной информации и, шире, осуществления социализации [149, 427]. Идентификация задает антропологические приоритеты и нормы, формирует образы человека и человечности, которые признаются в качестве приемлемых и желательных в рамках данного сообщества. В.В. Медушевский указывает на способность идентификации снимать противоположность между «Я» и «не-Я», включать «не-Я» в «Я» и растворять «Я» в «не-Я», что, в конечном счете, ведет к претворению «не-Я» в «Я». Эта способность, по его мнению, цементирует культуру, общение людей [372]. Средством идентификации являются социокультурные образцы (ценности, нормы, идеалы, образы отдельных личностей), представляющие собой эффективное решение социально значимых проблем на уровне действий, суждений, поведения и общения, в основе которых лежат ценностно-нормативные отношения [382].

Выделяют два типа идентификационного поведения: «принятие роли» (как «холодное» вхождение в позицию другого) и сопереживание (как «теплое» проникновение) [519]. Учеными признается существование трех уровней идентификации: на первом уровне субъект желает в чем-то следовать объекту (значимому другому). На втором уровне происходит некоторое уподобление в поведении, в изменениях характерологического плана. На третьем уровне значимый другой становится для субъекта идентификации регулятором поведения, эталоном [309, 448].

Особое место в понимании значения феномена идентификации как социогенетической формы развития личности занимает теория В.С. Мухиной [391, 392], опирающаяся, в свою очередь, на исследования Л.С. Выготского [126]. Последний указывает на то, что «через других мы становимся самим собой» и доказывает, что «вся высшая психическая функция необходимо проходит через внешнюю стадию развития, потому что функция является первоначально социальной. Это – центр всей проблемы внутреннего и внешнего поведения» [Цит. по кн.: 391, С. 144].

Механизм идентификации в русле данной теории представляет собой механизм отождествления индивидом себя с другим человеком или любым объектом, непосредственное переживание субъектом своей тождественности с субъектом идентификации и присвоение индивидом всесторонней человеческой сущности. Идентификация осуществляется как интроекция (интериоризационная идентификация), обеспечивающая «присвоение» и «вчувствование» в другого и проекция (экстрариоризационная идентификация), обеспечивающая перенос своих чувств и мотивов на другого [392]. Идентификация определяет усвоение человеком конвенциональных ролей, норм, правил поведения в обществе. Взаимодействие социальных и личностных механизмов идентификации (отождествление субъектом себя с другими субъектами или уподобление им) и диалектически связанного с ним механизма обособления (индивидуальное присвоение человеком социального опыта людей, выделение из общего целого), как указывает В.С. Мухина, возможно во всех сферах активности человека, в том числе в искусстве [392].

Современные культурологи (М.С. Каган, А.М. Эткинд [228, 647]) указывают, что в процессе общения с произведением музыкального искусства человек воспринимает ценности, идеалы и нормы конкретной культуры, отраженные в нем, как феномене самосознания культуры. Для того чтобы данные ценности, нормы и идеалы превратились для него в стереотипы поведения, необходимо осуществление идентификации, поскольку искусство предоставляет личности набор символов, с которыми она может себя ассоциировать (набор потенциальных положительных и отрицательных идентификаций) [647].

Только идентифицируясь с художественными образами произведения искусства, у человека возникают индивидуально окрашенные ассоциации, осуществляется эмоциональный резонанс, происходит актуализация личного бессознательного опыта, результатом чего является эффект «повторного проживания» [566]. Это эмоциональное сопереживание, проявляющееся как идентификация эмоционального настроения реципиента со смысловым развертыванием произведения искусства, является способом этического воздействия на человека и обуславливает его культурную самоидентификацию [608].

Во время восприятия музыкального произведения оно как бы «погружается» в личность, и все психологические события разворачиваются именно там, во внутреннем

мире человека. Процесс идентификации реципиента с художественным «Я» автора происходит следующим образом: «реальное, практическое, «наполненное» личностными смыслами «Я» реципиента «сталкивается» с воображаемым, теоретическим и в этом смысле безличностным «Я» автора. Возникает психологическое напряжение [49, С. 144-145]. Далее воспринятый в музыкальном произведении материал осмысливается человеком этически, познавательно и эстетически (то есть, реализуется механизм рефлексии, когда у реципиента происходит соотнесение субъективно-индивидуальных предпочтений с общественно принятыми нормами оценки произведения искусства) [311]. В момент идентификации происходит погружение субъекта в мир художественного произведения, его слияние с его «коллизией», а затем осуществляется механизм обособления, когда художественная действительность отчуждается, «внеполагается» субъекту, в процессе чего художественное произведение предстает перед реципиентом как отстраненный и заверченный в себе мир [311]. И только на основе взаимодействия этих двух механизмов (идентификация-обособление) происходит перенос из художественного мира в действительность.

Полноценное, художественное воздействие искусства на личность осуществляется лишь в результате опосредования, эмпатического сопереживания и созерцания. Результаты общения с искусством оказываются значимыми для реципиента, лишь когда в процессе восприятия состоялось переживание себя как части целого, «возник эмоциональный отклик на воспроизведенные в художественной ткани бытийственно значимые моменты» [637, С. 104] (то есть, когда осуществились идентификация, рефлексия и обособление).

Анализируя данные процессы, М.М. Бахтин отмечал, что «диалогическая динамика отношения личности к искусству состоит в полной погруженности в мир художественного произведения и в возвращенности в мир своего «я» [55, С. 172]. Процесс восприятия произведения искусства он понимал как «встречу» сознаний автора и реципиента. Именно диалог, по его мнению, является способом нахождения реципиентом человеческих смыслов. Обращение к механизмам идентификации и обособления мы находим в исследованиях в области педагогики искусства.

Обращаясь к проблеме постижения эстетической выразительности явлений окружающего мира, Л.П. Печко указывает на механизм вживания, вчувствования, «перенесения» в облик или состояние природного предмета. Его чувственное восприятие, эмоциональное вживание в его состояние, личностное прочтение его выразительности через идентификацию с ним составляют сущность эстетического диалога личности с природным объектом [434].

Решая проблему реализации воспитательного потенциала музыкального искусства, Е.А. Бодина описывает принцип уподобления, определяющий взаимосвязь музыки и личности, стимулирующий «родственное» чувство человека, основанное на ощущении сопричастности с композитором, исполнителем, другой эпохой, культурой. Уподобление, при этом, «означает активное стремление к подобию с идеалом личности, ее поведением, общественно полезной деятельностью, то есть стремление к себе «лучшему», более совершенному» [75, С. 6]. В случае, когда реципиент проецирует себя в ситуацию автора, (когда он как бы смотрит на мир глазами реципиента и действует в воображении в соответствии с его установками, чертами характера), происходит проекция.

Далее следует процесс экстерииоризации – превращения внутреннего во внешнее, когда на основе приобретенных психических образований осуществляется внешнее развертывание деятельности. То есть, происходит сознательная, волевая экстерииоризация сущностных сил в процессе достижения значимых для субъекта целей и задач – то есть самореализация (В.Ф. Сафин).

Процесс освоения человеком художественной культуры происходит через художественную деятельность, где она выступает средством обработки информации, заложенной в художественном произведении, которое является многоуровневой информационной структурой. Речь идет о самореализации личности – в художественной деятельности, создании художественных продуктов.

Художественная деятельность в целом – это особый вид человеческой активности, сутью которой является создание, хранение, функционирование и передача духовных ценностей. Она включает в себя художественное творчество и его результаты (художественные ценности), художественное восприятие явлений действительности и произведений искусства [80]. По Е.В.Бондаревской, человек может обрести свою духовную сущность и стать частью человечества, постигая культуру и творя ее [84].

Таким образом, освоение личностью традиционных культурных и художественных ценностей представляет собой целенаправленный педагогический процесс ее включения в активное восприятие, воспроизведение и творческое воплощение детерминированных ментальными установками народа значимостей (гражданственность, патриотизм, Православие, семья, соборность и др.).

Механизмами освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей являются идентификация, рефлексия, обособление и самореализация. Только посредством идентификации с художественными образами произведения искусства у человека возникают индивидуально окрашенные ассоциации, осуществляется эмоциональный резонанс, происходит актуализация личного бессознательного опыта, результатом чего является эффект «повторного проживания». Это эмоциональное сопереживание, проявляющееся как идентификация эмоционального настроения реципиента со смысловым развертыванием художественного произведения, является способом этического воздействия на человека.

Воспринятый в художественном произведении материал осмысливается человеком этически, познавательно и эстетически (реализуется механизм рефлексии, когда у реципиента происходит соотнесение субъективно-индивидуальных предпочтений с общественно принятыми нормами оценки произведения искусства). В момент идентификации происходит погружение субъекта в мир художественного произведения, его слияние с его «коллизией», а затем осуществляется механизм обособления, когда художественная действительность отчуждается, «внеполагается» субъекту, в процессе чего художественное произведение предстает перед реципиентом как отстраненный и заверченный в себе мир (на основе взаимодействия механизмов идентификации и обособления происходит перенос из художественного мира в действительность). Далее происходит включение ценностей «другого» в собственный художественный и жизненный опыт. Затем следует воплощение полученного опыта в художественной деятельности, которая отражает традиционные ценности, освоенные в ходе ознакомления с артефактами культуры (осуществляется механизм самореализации).

Выводы по первой главе

1. Традиция охватывает все способы фиксации, передачи и воспроизводства культуры, выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который посредством пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах. Традиции являются основой процессов социализации и инкультурации.

2. У каждой социальной общности существует устойчивая и долговременная система ценностных доминант. Традиционные ценности – это ценности, детерминированные ментальными установками народа; ценности, в которых отселектирован, передан и воспринят от поколения к поколению исторический социальный опыт, аккумулирующий в образцах и принципах представления о лучшем в культуре.

3. Традиционными базовыми культурными ценностями русского этноса являются вера, добро (добросердечие), гражданственность, истина (правда), коллективизм, красота, любовь, нация, нестяжательство патриотизм, Православие, Родина (Отечество), свобода, семья, соборность, совесть, спасение, справедливость, труд.

4. Подходы к решению проблемы освоения обучающимися ценностного содержания культуры формировались в отечественной педагогической мысли на протяжении более чем двух веков. Сегодня в русле модернизации отечественной системы образования усилен акцент на духовно-нравственном и гражданско-патриотическом аспектах, воспитании личности, соответствующей национальной культурной традиции, для чего необходима актуализация и дальнейшая разработка в содержании образования ценностей и традиций отечественной национальной культуры и российского менталитета, в том числе традиционных культурных ценностей, свойственных русскому этносу. Традиционные ценности занимают сегодня одно из центральных положений в нормативных документах об образовании, провозглашаются основными духовно-нравственными и социально значимыми ценностями, одними из важнейших принципов государственной политики современной России.

Одной из приоритетных задач современного художественного образования является становление у учащихся внутренней системы художественных ценностей.

Для решения данных вопросов необходим поиск эффективных педагогических моделей и методик формирования и развития ценностной сферы личности учащихся средствами художественной культуры.

5. В теории и практике современной системы казачьего образования существуют отдельные подходы к решению проблемы освоения обучающимися традиционных ценностей и идеалов культуры казачества на основе его художественной культуры. Но они осуществляются с общепедагогических позиций, что не включает в полной мере в данный процесс огромный потенциал художественной культуры, способной особыми художественными средствами формировать систему ценностей личности подрастающего поколения.

Существующие программы и учебные пособия, ориентированные на освоение школьниками казачьего фольклора, посвящены, в основном, художественным традициям казачества Дона и Кубани. Практически полностью отсутствует учебно-методический базис по освоению детьми и молодежью народной художественной

культуры других локально-региональных традиций, в том числе уральского и оренбургского казачества.

6. В содержании современного отечественного художественного и музыкального образования востребуется аксиологический потенциал народной художественной культуры. Исследователями предлагаются отдельные методы, приемы, методики, выявляются педагогические условия формирования ценностных ориентаций ее средствами, в числе которых – учет региональной специфики осваиваемого школьниками музыкального материала; «проживание» форм традиционной культуры; развитие их этноинтонационного слуха. Но для эффективного процесса освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей необходимо создать целостную концепцию, а на ее основе модель освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей.

7. Освоение личностью традиционных культурных и художественных ценностей представляет собой целенаправленный педагогический процесс ее включения в активное восприятие, воспроизведение и творческое воплощение детерминированных ментальными установками народа значимостей (гражданственность, патриотизм, Православие, семья, соборность и др.).

8. Для освоения традиционных культурных и художественных ценностей человеку недостаточно их осмысления. Необходимо их переживание, «проживание» внутри себя, что осуществляется в процессе реализации художественно-эстетического отношения к произведению искусства. В связи с чем, обосновано включение механизмов идентификации, рефлексии, обособления и самореализации в освоении личностью традиционных культурных и художественных ценностей. Данный процесс осуществляется через: идентификацию как принятие личностью мыслей, чувств, переживаний образов художественного произведения, воплощающих традиционные ценности; рефлексии как осмысление поступков героев художественных произведений; обособление как включение в свою реальную жизнь способов взаимодействия с другими людьми, образцов поведения, которые личность осваивает посредством идентификации (в результате опосредования, эмпатического сопереживания и созерцания осуществляется полноценное художественное воздействие искусства на личность, присвоение ценностей, норм, образов отдельных личностей, готовых форм поведения, отраженных в художественных образах); самореализацию личности как превращение внутреннего во внешнее, действия на основе приобретенных психических образований.

ГЛАВА II.

ОСВОЕНИЕ ПОДРАСТАЮЩИМ ПОКОЛЕНИЕМ КАЗАКОВ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

2.1. Социализация и инкультурация детей и молодежи в семье и казахской общине

Формирование различных структур сознания личности, в том числе и ценностной структуры, осуществляется в процессе социализации и инкультурации. В ходе социализации происходит ее взаимодействие с институтами общества и государства, накопление опыта социально одобряемого поведения, получение информации о различных сторонах общественной жизни, усвоение культурных норм и социальных ролей, и, в конечном результате, формирование личности, социально и культурно адекватной обществу. Инкультурация предполагает освоение человеком норм и ценностей культуры, его обучение традициям и нормам поведения в конкретной культуре, результатом чего является формирование у него когнитивного, эмоционального и поведенческого сходства с членами конкретной культуры и отличие от членов других культур. Происходит формирование личности, способной к воспроизводству данной культуры. Социализация и инкультурация являются гранями единого процесса становления личности, механизмами ее вхождения в культуру, освоения и присвоения культуры (культурного пространства-времени, способов деятельности, ценностей, идеалов, норм и т.д.) [59, 71, 338].

Как указывалось в первой главе, процессы социализации и инкультурации основаны на традиции и призваны осуществлять культурную трансмиссию, в ходе которой этническая группа «передает себя по наследству» своим новым членам – детям [660]. Это вертикальная трансмиссия (культурные ценности, умения, верования и т.д. передаются от родителей к детям); горизонтальная трансмиссия (освоение ребенком социального опыта и традиций культуры в общении со сверстниками); «непрямая» трансмиссия (индивид обучается в специализированных институтах социализации и на практике, от окружающих его взрослых) [59].

Формирование ценностных ориентаций обусловлено макросоциальными и микросоциальными факторами. Согласно теории А.Г. Асмолова, человек не только изначально находится в социокультурном окружении, но строит себя из него как из строительного материала. Культура и общество предстают в данном контексте не просто внешними условиями, а материалом индивидуального развития личности (их присвоения, превращения в собственное достояние и элементы внутренней организации личности) [33].

Исходя из этого, данный параграф раскрывает особенности социализации и инкультурации детей в семье и казахской общине, акцентируя внимание не только на культуре казачества в целом, но и на особенностях конкретной локальной традиции. Анализируется исторический опыт воспитания и образования подрастающего поколения казаков для того, чтобы использовать важнейшие идеи в процессе воспитания и образования современной российской молодежи с целью освоения ими традиционных культурных и художественных ценностей.

Культура каждой локальной казахской традиции имеет свою уникальную историю, которая определяет мировоззрение и менталитет казачества. Поэтому в

начале параграфа обратимся к особенностям формирования и исторического развития Уральского и Оренбургского казачьих войск.

По свидетельствам ученых, казачество существует на территории России около 500 лет. Проблеме его происхождения посвящены труды А.А. Гордеева, Л.Н. Гумилева, П.Н. Лукичева, А.И. Ригельмана, А.П. Скорика, Р.Г. Скрынникова, А.В. Сопова, Ф.А. Щербины и других отечественных и зарубежных исследователей [158, 159, 165, 350, 479, 513, 533, 644]. Историю становления и развития казачества ученые условно делят на три периода. Первый период – XIV – XVI вв. – стихийное возникновение вольных казачьих общин (Запорожская Сечь, берега рек Дон, Яик), которые формировались по общепринятой версии за счет крестьян и холопов, бежавших в «Дикое поле». По одной из других версий казачество возникло вследствие существования дани людьми, которых русские княжества поставляли в Орду. В этот период российское правительство привлекало казаков для участия в войнах, охраны рубежей, для освоения новых территорий³.

Второй период – конец XVI – начало XVIII вв. В это время осуществлялось расширение территории России за счет Урала, Сибири, Казахстана, Кавказа и Дальнего Востока, что потребовало увеличения защитников рубежей. Казаки становятся привилегированным военным сословием – за службу государству каждое казачье войско наделяется землей. Им выплачивается жалованье, посылаются боеприпасы и хлеб. Главным источником пополнения казачества были крестьяне (зачисление в казаки осуществлялось как добровольно, так и принудительно). После репрессивных мер, предпринятых Иваном Грозным против волжских казаков, они приходят на Яик (Урал) и основывают там свое поселение – Казачий Яицкий городок. Раскол русской церкви в XVII в. пополняет казачье население старообрядцами. Создается Яицкое казачье войско (1591 г.). Как Донское и Кубанское, оно было сформировано естественным путем. Яицкие казаки охраняли границы Московского государства от Каспийского моря до территории, где располагается современный Оренбург. Долгое время они имели политическую независимость от царя и осуществляли традиции круговой демократии. В это же время на Среднем Урале появляются «беломестные казаки», селившиеся на «белых местах», свободных от податей, проживающие в слободах и острогах, несущие воинскую службу с пашен, не облагаемых налогами и повинностями.

Третий период – XVIII – начало XX вв. – время превращения казачьих общин в организованные войска. Осуществляется планомерный процесс оформления казачества в военно-служилое сословие. Указом Петра I атаманов казачьих войск начинают не избирать, а назначать. С 1721 г. казаки переходят в ведение Военной коллегии. Начинается расширение казачьей территории путем формирования «вторичных» казачьих войск. В 1736 г. по указу императрицы Анны Иоанновны было создано Исетское казачье войско, центром которого была Челябинская крепость. В 1748 г. административным путем решением государственной власти было создано

³ Помимо указанных двух теорий происхождения казачества, существует множество других, в соответствии с которыми: казаки, как особый этнос, возникли в античную эпоху от смешения туранских, скифских, меото-славянских и др. племен, что позволяет обосновать обособленность казаков, их национальную самоидентификацию и культурно-бытовое своеобразие; казачество возникло от слияния русских переселенцев с жителями татарских станиц [513]; предками казаков были касоги – древнейший славянский народ времен Киевской Руси [154]; казачество произошло от хазар-христиан [138]; казачество связано с древнерусскими вечевыми общинами [644] и т.д. Все данные версии актуализируют современную проблему, связанную со статусом казачества и, соответственно, с его этнической и культурной самоидентификацией.

Оренбургское казачье войско. Оно не знало института выборности атамана и других войсковых чинов. Высочайшим повелением к оренбургским казакам причислили казаков Исетского Войска в полном составе (потомков Ермака и его сподвижников), добровольцев Яицкого казачьего войска, уфимских и самарских казаков, которые около полутора веков до этого исполняли «царскую службу», «сибирских городов дворянских и казачьих детей», беглых холопов, отставных солдат, живущих в крепостях и городах Оренбургской линии [276, 317, 318, 533].

Оренбургские казаки находились под руководством военных губернаторов, контролировавших их служебную и хозяйственную жизнь. Весь жизненный уклад регулировался инструкцией, составленной Оренбургской губернской канцелярией [364, С. 20]. В XVIII в. за Уральским казачьим войском закрепилось прозвище «бунташного войска» [182]. В 1773 г. яицкие казаки участвовали в крестьянской войне на стороне Пугачева. После его поражения по указу Екатерины II река Яик была переименована в Урал, а яицкие казаки – в уральских. Оренбургское войско было третьим по численности после Донского и Кубанского. Уральское войско было седьмым.

Территория Оренбургского казачьего войска простиралась вдоль Уральских гор от Среднего Урала (станция Звериноголовская, Курганская область) на севере до среднего течения реки Урал (станция Рассыпная, Оренбургская область) на юге. Уральское казачье войско располагалось от районного центра Илек (Оренбургская область) на севере, до города Гурьев (Казахстан) на юге [216].

Казачество с самого начала своего появления было поставлено в совершенно иные условия существования, по сравнению со всем остальным населением Российской империи. Оно имело «характерные черты, которые во многом разнятся от общерусских и носят на себе особый отпечаток» [305, С. 9]. Оренбургское и Уральское казачьи войска, не смотря на территориальную близость, в силу индивидуального пути своего создания, исторического развития, географического и экономического положения, обладали рядом культурных особенностей, обусловленных следующими факторами. Среди уральских казаков значительную часть составляли старообрядцы. На 1880 г. их количество было 40 % [610]. На начало 1901 г. уже 50 % [602]. Уральское казачество было единственным в России, где лица, исповедующие старообрядчество, составляли подавляющее большинство [182]. В Оренбургском казачьем войске к 1901 г. староверов насчитывалось 4,6 %. То есть, оренбургские казаки следовали, в основном, каноническим нормам православия, чем отличались от уральских казаков. Оренбургское казачье войско было по своему составу многонациональным. Наряду с русскими, в его составе числились украинцы, башкиры, татары, нагайбаки, калмыки, мордва, казахи, чувашаи, мещеряки и др. Около 8 % оренбургских казаков составляли мусульмане.

Культура оренбургских казаков развивалась на основе русской культуры. Но традиционно-бытовая и профессиональная воинская культура вобрала в себя элементы быта, обрядов, обычаев, ритуалов и нравов наиболее значительных этнических групп, населявших Оренбуржье, в том числе, в связи с территориальной близостью киргиз-кайсаков (казахов). Уральское казачество было самым поликонфессиональным и полиэтничным. В формировании Уральского казачьего войска участвовали соседние кочевые этносы. Начиная с самых ранних этапов его истории, осуществлялся процесс их ассимиляции и обрусения [90]. По данным А.Б. Карпова, около 6 % казаков Уральского казачьего войска представляли собой смесь с татарами, башкирами и калмыками [248].

Впрочем, как отмечают исследователи, в силу особенностей казачьего менталитета, которому свойственна культурная толерантность, им давалась возможность сохранения собственной культуры [183]. Историк Уральского казачьего войска Н.Ф. Савичев указывал на то, что культура уральских казаков представляла собой смешение быта и нравов множества национальностей – синтез культурных элементов соседних тюркских народов при доминировании русской традиционной культуры. Только уральские казаки сохранили вплоть до советского времени свое русско-тюркское двуязычие.

На самобытность культуры уральского казачества большое влияние оказали патриархальные устои и обычаи, которые проникли во все сферы жизни уральского казачества, и оставили свой отпечаток на его хозяйственной и духовной сферах. Уральцы более чем другие казаки войска, сохраняли свой быт и традиции старинного казачества что, с одной стороны, оказало отрицательное влияние на культурное развитие уральского казачества, так как препятствовало становлению системы образования и культуры светского типа. С другой стороны, в силу консерватизма и закрытости, способствовало сохранению их самобытности. Но, «несмотря на свою полиэтничность и мощный тюркский субстрат, уральские казаки не имели в своих рядах идеологов, отстаивающих идею об особом, нерусском и неславянском происхождении казачества, тогда как на юге России таковых было немало» [182, С. 13]. Все это повлияло на мировоззрение и менталитет оренбургского и уральского казачества.

По выводам ученых [169, 182, 183, 317, 494, 598], оренбургские казаки ощущали себя казаками-воинами, защитниками Отечества и казаками-пахарями, которые, в условиях постоянных набегов врагов, сеяли хлеб, строили дома и налаживали свой быт. Их особенностью являлась религиозная веротерпимость. Уральское казачество, у которого в масштабах всего края было предельно четко организовано рыболовство, характеризовалось религиозным мировоззрением, патриархальностью взглядов, большой «концентрированностью» всех характеристик казачьего самосознания, большой степенью «закрытости» для внешних контактов.

Казачья семья – это уникальный культурный и исторический феномен, что было обусловлено тем, что казаки несли военную службу постоянно, а в период учреждения военного положения выходили на нее поголовно от 15 до 60 лет. Поэтому основной функцией казачьей семьи было воспитание детей и молодежи в духе ратных традиций, воспитания будущих воинов (И.Ю. Ерохин). *Семья была* оством казачьего социума, непреходящей *ценностью*, носителем казачьих традиций, где от старших поколений младшим передавался основной набор мирообразных представлений, ценностей и идеалов казачьей культуры. Стремление к семейственности было отличительной чертой казачества. Казачья община порицала неженатых [108]. Данные принципы отразились в казачьих пословицах и поговорках: «В семье лад – будет и клад», «Казаки от казаков ведутся», «Жизнь сладка, где семья крепка», «Казак одному жить не приходится», «Лучше плохой постой, чем хороший поход», «Что толку бобылем жить» [208, 351].

Семьи были большими, и дети воспринимали снбя как часть «мы-группы»: «*собором* черта поборем» [235]. Казачьи семьи отличались патриархальностью. Воспитание в них осуществлялось в опоре на «Домострой», в соответствии с которым главой семьи был самый опытный и старший казак, которого все почитали (казачья присяга призывала «читать родителей своих»). Он единолично распоряжался семейным бюджетом, принимал решения об отделении сыновей и дочерей при вступлении в брак.

Одним из важнейших принципов народной казачьей педагогики было внушение детям почтения к старшим. Действовало неписаное правило: «Старший сказал – закон». «Старшим» мог быть отец, дед, старший по возрасту – например, брат или сосед [444]. Уважение к старости было возведено в казачьих станицах в культ («господа старики – первейшие казаки»). Со стариками обязательно здоровались первыми, в каком бы чине они ни были. В их функции входил разбор тяжб, ссор, проступков и т.д. [9].

Анализируя исторические источники, можно сделать вывод о свойственном педагогике казачества бережном отношении к личности ребенка с присущими ей сознанием сословной принадлежности, чувством собственного достоинства воина и земледельца. На этом основании в казачьей педагогике выделяется принцип уважения детской личности, оберегавший самолюбие ребенка и способствовавший, с одной стороны, выработке чувства собственного достоинства, значимости, защищенности, с другой – уважительного отношения к другим людям [56, 98].

Системообразующая роль военного дела в жизни казачьего сообщества обусловила детальную проработку механизмов поддержки семей, потерявших кормильца, гуманное отношение к вдовам и детям-сиротам. Так, добыча после военных походов делилась на 10 частей, из которых 2 самые большие предназначались церкви и вдовам с детьми. Если у ребенка погибали оба родителя, все их имущество продавалось, а деньги помещались на хранение. Сирот брали на попечение родные или знакомые. Когда детям исполнялось 16 лет, отложенные деньги им возвращались [56]. Казачья община не знала «чужих детей» [446]. Дети, чьи отцы погибли на войне, считались «атаманскими детьми». Атаман станицы или хутора был обязан заботиться о них. Крестные следили за их воспитанием. Старики смотрели, чтобы их не обижали. Одаренных детей-сирот отправляли учиться на казенный счет в престижные учебные заведения страны.

Применительно к ситуации потери кормильца существовал специальный обычай «взятия под шинель», суть которого состояла в наделении правами главы семьи старшего несовершеннолетнего сына. Вдова обращалась через атамана и совет стариков к казачьему кругу с просьбой объявить старшего сына главой семьи (мальчику должно было быть не менее 10 лет). Она вставала на стул, на его плечи набрасывали шинель или бурку (так, чтобы ее полы накрыли мать и младших детей), и атаман говорил: «Я, атаман, объявляю тебя главой семьи, с этой минуты семья на твоих руках, и домашние обязаны слушать твоего совета». С этой минуты мальчик становился полноправным членом казачьей общины, ему платили полный заработок и не могли отказать при приеме на работу.

Воспитание казака начиналось с рассказов о предках. Он был обязан знать все степени родства с ними [98]. В казачьих семьях хранились и передавались по наследству поминальные книжки, куда вносились имена умерших членов семьи. Память об умерших, их почитание, плачи во время похорон, где перечислялись заслуги покойного, были необходимы не для мертвых, а для живых. Это был своеобразный призыв к молодежи следовать примеру предков, воспитывать в себе положительные качества, свойственные казачеству [108].

Первыми учителями, приобщавшими ребенка к полноценной казачьей жизни, были его родители. Без их благословения дети не начинали никакую работу, не принимали решения по наиболее важным делам. Известна казачья поговорка «родительское благословение в воде не тонет и в огне не горит». Так как военные навыки передавались от старших мужчин младшим, роль отца и деда в воспитании

казаков была очень велика. В случае смерти отца власть переходила к брату умершего или старшему сыну [76, 108].

Авторитет матери в казачьих семьях был также непререкаем. В казачьих традициях было уважительное отношение к матери, жене, сестре, что обуславливало понятие о чести казачки («Хорошей женой дом держится»). Женщины-казачки, на чьи плечи ложились семейные заботы во время военных походов и рыбных промыслов мужей, пользовались большим уважением и семейными правами. На Урале девочек-казачек называли «родительницами», а жен – «любящими» [293]. В отсутствие главы семейства его функции брала на себя жена. В случае необходимости она могла защитить от врагов свою станицу и дом, о чем сохранились многочисленные архивные свидетельства.

Поскольку *военное дело, занимавшее в системе ценностей* казачьего сообщества одно из главных мест, являлось прерогативой мужчин, женщины считались по статусу ниже их. Первоначально они практически не участвовали в общественной жизни, в церкви стояли отдельно и позади мужчин, не имели права переходить им дорогу, при встрече наклоняли голову в знак покорности и уважения, не имели права выйти на улицу или показаться при посторонних без головного убора [351]. С годами казачки получили больше гражданских прав – допускалось присутствие пожилых казачек на собраниях мужчин, им предоставлялось слово для выступления и т. д. [173]. Известны случаи, когда женщины участвовали в боях. Это кубанская казачка У. Линская, защищавшая Полтавский курень при нападении горцев; М. Горбатко, участвовавшая в защите Адагумской оборонительной линии; С. Кудашева, жена есаула Оренбургского казачьего войска, участвовавшая в конном переходе из Владивостока в Петербург; кубанская казачка Е. Чоба, награжденная за участие в Первой мировой войне двумя Георгиевскими крестами; дочь уральского войскового старшины Н. Комарова, добровольно отправившаяся на фронт и др.

Детей (речь, в первую очередь, идет о мальчиках), готовили к выполнению круга обязанностей, связанных с тремя сферами жизнедеятельности – работой (и службой), семьей и общественной жизнью, и, соответственно, к выполнению ролей работника/воина, семьянина и гражданина [56].

Казачьи традиции и обычаи, на основе которых формировались обряды, «какие не могли не поддерживать...воинского духа» [119, С. 292], были связаны с наиболее значимыми событиями жизни каждого человека, отдельной семьи, казачьего рода и казачьей общины. Они регламентировали поведение казаков и поддерживали внутригрупповую сплоченность. Им была свойственна *соборность*, как приоритет коллективного над личностным. *Соборность* наиболее полно раскрывалась в двух жизненных проявлениях – казачьем круге и казачьем товариществе. Традиционно казачий круг являлся обозначением всенародного собрания казачества, высшим органом казачьего общества, где все казаки, обладающие правом голоса, равны. Круг признавался превыше всех других структур, регулирующих общественную жизнь казаков.

Казачье товарищество состояло во взаимной солидарной ответственности казаков друг за друга, основанной на доверии и самопожертвовании («казак за казака горой стоит», «казак-казаку – брат, а на войне – во сто крат»). Казачье товарищество — неотъемлемая часть кодекса чести каждого казака. Ценность *соборности* в казачестве представляла собой уникальный образец единения людей в свободе ради претворения в жизнь принципов *патриотизма*.

Особое воспитательное значение здесь имела религиозная и праздничная обрядность. По своему характеру обряды и обычаи казаков делились на бытовые и военные. К бытовым относились свадьбы, крестины, гулянки (пирушки), вечёрки, вечеринки молодежи и т. д. К военным – проводы казаков в армию, их встреча после окончания срока службы, скачки в войсковой праздник, взятие снежных городков в Масленицу и т. д. [305].

Военизированный быт казачьих семей предполагал воинскую обрядность, ключевыми формами которой являлись ярчайшие обряды проводов казака на службу и его встреча с войны, которые были большим станичным и семейным праздником и являлись показателем соборности и патриархальности казачьего сообщества [76]. Молодое поколение казаков видело, что быть воином и стоять на страже семьи и отечества – почетная обязанность и долг каждого казака. Данные обряды оказывали большое воспитательное воздействие на подрастающее поколение казаков. Как писал А.И. Кривошеков, по улицам ехали казаки в сопровождении друзей и родных, пели песни. В самом обряде проводов не было ни бутафорства, ни лицемерия – только сознательное отношение к службе. «Это не пушечное мясо, не отданные против воли под красную шапку моды, а идейные борцы за честь и славу отчизны» [307, С. 239]. Условия воспитания в военном духе, постоянные рассказы стариков о походах и войнах, проказах и ловкости с детства приучали каждого казака трезво смотреть на военную службу, «быть удалцом, героем» [307, С. 234]. А если придется погибнуть, то умереть с честью на поле славы и не осрамить своей родной станицы. Примером может послужить распространенная среди казаков-линейцев поговорка, характеризующая их отношение к боевым подвигам: «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах» [307, С. 234].

Песня пронизывала всю жизнь казаков. *Их ценностные ориентации формировались с младенчества всем укладом семейной, станичной и войсковой жизни, особенностями воспитания на основе казачьих обычаев, обрядов и традиций, поддерживающих воинский дух.* Песня сопровождала казака везде, была его неизменным спутником в военном походе и домашних, хозяйственных делах. Это доказывает обилие пословиц и поговорок, распространенных в казачьей среде по поводу песен: «Веселы привалы, где казаки запевалы!», «На Дону что ни хутор, то своя запевка», «Казак-донец и швец, и жнец, и на дуде игрец, и в хоре певец, и в бою молодец», «Казаки песни в тороках возят»⁴, «Дон без песен, что виноградная лоза без гроздьев», «У нас песнев-то, не бей кнутом – напои вином».

В музыкальном казачьем фольклоре учитывались особенности конкретных возрастных групп – для каждого возраста существовал соответствующий репертуар. Так, в колыбельных песнях содержались рассказы о жизни взрослых: «Баю, баю, зазыбаю, / Пошел отец за рыбою⁵. / Брат пошел траву косить. / А мать пошла печь топить, / Сестра пошла ребенка мыть» [293, С. 210]; «А хозяин на пече / Обувается. / А хозяйка на полу / Убирается» [293, С. 211]. Формировалось религиозное мировоззрение детей казаков, являющееся неотъемлемой частью «картины мира» казачества: «... Спи, ничего, друг, не бойся: / Есть хранитель над тобой; / Херувимы, серафимы, / Они вьются над тобой, / Над твою головой. / Золотую колыбельку / Покрывают крылом» [393, Т.4, С. 323]. Содержался своеобразный курс «родиноведения»: «Ах, куколка удала, / Что вечер не

⁴ То есть, песня и казак в походе нераздельны (торока – ремни у задней луки седла для привязывания чего-либо).

⁵ Уральское (яицкое) казачество занималось промыслом ловли рыбы.

была? / *Забоялась тупуна. / Владыкины дети / Хотели летети. / На родине дом стоит, / На дубу сова сидит...*» [293, С. 211]. В них слышится наставление на будущее: «*На благо ты краю родному / Вырастешь, душу свою положи / Государю и правде завету святому / Сколь будет сил послужи*» [233]. Осуществлялась психологическая подготовка подрастающего поколения казаков к будущей службе: «*Баю-баюшки, баю / Колыбельюшку пою. / Стану сказывать я сказку, / Песенку спою./ Ты же спишь, закрывши глазки, / Баю-баюшки, баю. / Сам узнаешь, придет время, / Бранное житье./ Смело сунешь ногу в стремя / И возьмешь ружье. / Я седельце боевое шелком обошью, / Спи, дитя мое родное, / Баю-баюшки, баю. / Дам тебе я на дорогу образок святой, / На его молися Богу, / Ставь перед собой./ И готовься в бой опасный, / Помни мать свою. / Спи, младенец мой прекрасный, / Баю-баюшки, баю. / Богатырь ты будешь с виду, / А казак душой. / Провожать тебя я выйду, / Ты махнешь рукой. / Сколько слез-то я украдкой в ту я ночькую лью. / Спи, младенец, тихо, сладко, / Баю-баюшки, баю*» [108]⁶. Здесь рисуется образ казака-воина, смелого «богатыря», готового идти в бой, образ заботливой матери-казачки, ждущей домой своего сына. То есть, представлены основные социальные роли – отца, матери и их сына. Здесь же поется об их исконных врагах оренбургского и уральского казачества – киргизах: «*Ты уймись, уймись родной: / Идет киргиз войной*»; «*Батыр киргиз идет / Калтой-сумой трясет, / Псяк-ножик точит, / Ребят резать хочет*»; «*Киргиз в калту посадит, / Овец пасти заставит, / Уши, нос обрежет, / В котле с кониной сварит / И вас зажарит*» [562, С. 9].

В более старшем возрасте на место колыбельных приходили песни-прибаутки: «*Сорока-белобока / На порог скакала, / Деток скликала; / Кашу варила, / Деток кормила...*»; «*Заинька, беленький, / Где ты был? / – На меленке. / Чего делал? / – Муку молот. / – Где мука? / – Никола унес. / – Где Никола? / – В церкву ушел. / – Где церква? / – Водой снесло...*». На Рождество дети казаков 7–15 лет славили Христа-Спасителя. За несколько дней до наступления праздника мальчишки собирались группами и устраивали «спевки» (А. Кривошеков). Приход весны приветствовался детьми весенними закличками: «*Жаворонки прилетите, / Красно лето принесите, / Студену зиму унесите. / Нам зима-то надоела, / Ручки, ножки познобила, Всю скотинку заморила*» [293].

Историк оренбургского казачьего войска И. Тихомиров указывает на сохранившуюся песню о том, как малые ребята отразили нападение киргизов на свою станицу: «*Как мы встретили врага, / Так пошли мы на ура / И, разбивши, возвратились. / Возвратившись же в станицу, / Мы подумали, как быть, / К старикам мы обратимся, / Усердно будем их просить: / Старики – наша защита, / Помогают они нам: / Хоть мы малые ребята, / Будем слушать стариков. / Будем бить своих врагов. / Мы врагов не стыдимся, / Прогоняем от себя, / Наши пики нам защита, / Не покоримся врагам!*» [562, С. 10].

В семейной среде, в быту юные казаки с детства впитывали рассказы отцов и дедов о боевых походах, участниками которых они были, казаках-героях, отдавших жизнь за Родину. Эти рассказы представляли собой квинтэссенцию казачьего мировоззрения, обеспечивали их базовыми культурными ориентирами и сохраняли преемственность поколений. Здесь осуществлялось познание подрастающим

⁶ Эта песня представляет собой распетое в народной традиции стихотворение М.Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня», которое, согласно публикациям историка Оренбургского казачьего войска А. Кривошекова, завоевало особую любовь в казачьей среде.

поколением казаков отечественной истории и роли в ней казачества, формирование *нравственного идеала*, идентификация с героями песен, со всем героическим поколением прошлого и казачеством в целом, принятие ими своей культурной роли, усвоение картины мира казачества, определяющей стереотипы поведения, осознание духовной самобытности казачества, *освоение базовых ценностей казачества*.

Социобиологическими возрастами у казаков считались детство, юность, зрелость и старость. Период детства, в свою очередь, подразделялся на собственно детство (с рождения до 6–8 лет) и подростковый возраст (с 6–8 до 12–15 лет). В основе такого деления лежали физиологические и социальные аспекты (трудоспособность, готовность к семейной жизни и т.д.). Каждый этап жизненного пути отмечался у казаков особыми обрядами, иными словами – каждому периоду в жизни человека был присущ свой возрастной символизм. На возрастную градацию оказывала влияние в том числе православная церковь. Так, детей в казачьих семьях считали младенцами и все грехи, совершенные ими, оставались на совести матери, в связи с чем, дети казаков до семи лет не ходили на исповедь в церковь. С 7 лет ребенок не только должен был посещать церковь и регулярно исповедоваться, но и знать основные заповеди [108]. В период до 6–8 лет мальчики и девочки воспитывались вместе, далее воспитание детей дифференцировалось по половому признаку. Воспитание мальчиков осуществляли отец и крестный, а воспитание девочек брала на себя мать.

В казачьих семьях детей воспитывали в соответствии с православными канонами. Это проявлялось с момента появления ребенка на свет и до смерти. Их воспитывали в глубоком почтении к Богу.

Мальчика в семье называли «казакком», «казачьим сыном», что способствовало его отождествлению с военно-служилым сословием, с казачеством (составляло сущность его культурной самоидентификации). Как только в казачьей семье рождался мальчик, выстрелами из ружья оповещались все станичники («Казак родился!»), что определяло назначение новорожденного – быть воином [317]. После рождения ребенка не сразу распеленывали. Он должен был сначала увидеть и осознать предметы, окружавшие его, а потом уже их трогать и «брать на зубок». В дальнейшем данный процесс («увидел – осознал – сделал») ускорялся. Подобная практика воспитания младенца в казачьих семьях была связана с тем, что именно так должен был поступать казак в критической ситуации, чтобы не запаниковать в ответственный момент, от которого на войне зависела жизнь самого казака и его боевых товарищей [95].

После крещения новорожденного сына в семье казака собирались гости, родственники, соседи, товарищи по службе. Входя в дом, они крестились перед иконой и говорили: «С новорожденным сыном! Дай Бог вскормить, вспоить, и на коня посадить» (то есть, вырастить ребенка и сделать хорошим казакком-наездником). Если рождалась дочь, то говорили: «Дай Бог, вскормить, вспоить, да за стол посадить» (то есть, выдать замуж) (А. Кривошеков). После этого мальчику в колыбель клали шашку, кинжал, пулю или стрелу, что называлось «на зубок». Наиболее ценным подарком было оружие, снятое с убитого в бою врага, поскольку считалось, что с ним младенцу передавались смелость и воинский дух противника. Также дарилась уздечка и плетеная из сыромятных ремней нагайка. Все эти вещи хранились в неприкосновенности до совершеннолетия казака и передавались ему накануне принятия присяги и выхода на службу [9].

Впоследствии мальчиков окружали именно теми вещами, которые являлись неизменными атрибутами жизни казачества, символизирующими неразрывную связь между казаком и государевой службой [56, 95]. На стене в доме висела отцовская или дедовская шашка⁷, у двери и в руках казаков, приходивших в дом, – нагайки, папахи, фуражки, кресты, на груди деда, отца и крестного – медали, на улице, у соседей, в степи за станицей – кони и т.д. [95]. Все окружение формировало причастность ребенка именно к казачеству и его культуре.

У оренбургских казаков существовал обряд введения новорожденного ребенка в воинское сословие. Так, на сороковой день после рождения мать совершала очистительную молитву. Отец опоясывал ребенка своей саблей, сажал на коня и, придерживая его в седле, обводил три раза вокруг дома, читая вслух молитву. Затем возвращал ребенка матери и поздравлял с казаком. После совершения этого обряда признавалось увеличение казачьей общины еще на одного члена [317].

После появления первых зубов, его вновь садили на коня везли в церковь служить молебен покровителю Оренбургского, Семиреченского и Иркутского казачьих войск св. Георгию Победоносцу. У церкви мальчика сажали на лошадь и обводили вокруг церкви, отец брал его на руки, а крестный отец одевал на обоих портупею с шашкой, и все отправлялись домой. У ворот крестный говорил: «Казака принимайте!» [56]. Этот ритуал выводил мальчика из-под материнской опеки. Он был родственен ритуалу инициации – посвящения мальчика божеству войны⁸.

Если ребенок рождался во время нахождения отца на службе, данные обряды осуществляли свекор или один из старших братьев. Во время крещения младенца определялись его крестные. Впоследствии, если ребенок оставался сиротой, заботу о нем брали крестные родители, о которых он, в свою очередь, должен был заботиться до их смерти. Как отмечают А.П. Абрамовский и В.С. Кобзов, «так у казаков с детства воспитывалась ответственность не только за себя, но и за окружающих, чувство сопричастности с одной большой семьей, имя которой – казачество» [9, С. 72]

С самого раннего детства казаки учились постигать Веру. Это осуществлялось в процессе участия в православных обычаях и обрядах, посещении храма в воскресные и праздничные дни, изучения молитв и православных канонов в домашних условиях.

Мальчики в казачьих станицах с раннего детства носили форменную, казацкую шапку с синим околышем, иногда с кокардой, казацкой или «урядницкой», смотря по званию отца. То есть, дети в казачьих общинах отождествляли себя исключительно с казаками и осознавали свое предназначение [317, 318].

Социализация детей в казачьем сообществе проходила в форме имитации деятельности взрослых через детские игры [317]. Первыми словами ребенка были «пу» (стрелять) и «но» (понукают лошадь). Вначале «лошадью» для мальчика-казака служил любой длинный прут с листьями на конце, символизирующими лошадиный хвост. Для достоверности верхний конец этого прута, с помощью веревки, под углом подгибали так, чтобы было похоже на голову лошади. Через плечо малыша висел на веревке ивовый прутик – «шашка», а в руке была «пика» вместе с другим прутиком – «нагайкой» (А. Кривошеков). По свидетельствам историков, трехлетние мальчики уже ездили по

⁷ У казаков Дона подаренные новорожденному оружие, патроны и стрелы развешивались на стене в той горнице, в которой лежала мать. Данный обычай похож на обычаи степных кочевников, пуштунов и других народов [430].

⁸ В фольклоре умение ребенка сидеть на коне символизировало готовность к подвигу [108].

двору на настоящих лошадях, а пятилетние – скакали по степи или полю: «мчится в карьер казачья лошадка, а на ее спине стоя, упершись в хребет босыми ногами, с лихим гиком, несется казачонок. Горе ему, если упадет: не в том беда, что ушибется, а в том, что упал: стыд перед всеми, засмеют, «бабой» назовут, скажут: «какой казачонок, коли с лошади пал!» [111, С. 95].

В семейном укладе казаков поощрялось стремление ребенка к овладению игрой, но не праздной и бессмысленной, а развивающей дух и тело. Детские игры («Лапта» («Бить-бежать»), «Выжигание из круга», «В клюшки», «В бабки», «В догады» у мальчиков и «В лепки», «В колышки», «В разлучку» у девочек) включали в себя бег, прыжки, метание предметов и вырабатывали у детей выносливость, смекалку, быстроту реакции, глазомер, наблюдательность, сообразительность. То есть, способствовали их физической подготовке и умственному развитию [76].

Культурная маркировка пяти-шестилетних детей казаков осуществлялась самобытными формами казачьей культуры через игры военного характера и состязания: участие в «детских маневрах» – военных упражнениях (скачки на лошадях, джигитовка), играх («стенка на стенку», «бой слонов», «школьный бой», «битье горшков с завязанными глазами»). Взятие «снежных городов», которое напоминало действительную оборону уральцев и оренбуржцев при линейной крепости от нападающих киргиз-кайсаков, устраивалось летом из камыша, а зимой из снега и проходило в рамках станичных и общевойсковых праздников – Масленицы, дня св. Георгия Победоносца и др. Военные игры были любимыми играми подрастающего поколения казаков. Они устраивали «настоящую» войну [111]. Разделившись на две партии, вооруженные палками, изображающими пики и шашки, мальчишки сходились друг с другом. Появлялись «разведчики», «засады», «атаки «в рукопашную» и другие военные атрибуты. По словам И.И. Железнова, описавшего особенности быта казаков начала XX в., данные игры служили «играющим такого рода гимнастикой, какую в век не выдумать ни одному фокуснику во фраке со светлыми пуговицами» [189, С. 17]. Неотъемлемой частью военных игр, по свидетельствам историков М.Д. Голубых, И.И. Железнова, Д.К. Зеленина и А.И. Кривошекова [155, 188, 189, 190, 191, 207, 305, 306, 307], были военно-походные и исторические казачьи песни: «...в Оренбурге в середине XIX века в праздники, преимущественно на святках, на сырной и святой неделях, целые партии казачьих детей верхом на лошадях и с «фантастическими знаменами», под предводительством старых казаков, с гиком носились по улицам города и, останавливаясь перед домами начальников, кричали «Ура!», пели старинные песни и проводили джигитовку» [119, С. 292-293].

Освоение культурных ценностей осуществлялось посредством системы войсковых, полковых и сотенных праздников, которые проводились торжественно и с особым подъемом. Они посвящались знаменательным датам истории Российского государства, праздникам религиозного содержания (100-летие Бородинского сражения и разгрома Наполеона, 300-летие царствования Дома Романовых, 100-летие Военного министерства, День св. Георгия Победоносца, день св. Николая Чудотворца, св. Александра Невского, день св. Пророка Ильи и т.д.).

Войсковой праздник Оренбургского казачьего войска (день св. Георгия Победоносца) отмечался 6 мая (23 апреля по старому стилю). К середине XIX в. сложился церемониал: в 9 часов утра из войскового штаба торжественно выносилось Большое

войсковое знамя. За ним выносили 42 знамени и значка, являвшихся символами боевой славы оренбургского казачества. За знаменами следовали войсковые генералы, офицеры, чины войскового правления, юнкера казачьего училища, учащиеся казачьих школ, гимназий и кадетских корпусов. С пением гимна «Боже, царя храни» шествие направлялось к Георгиевскому собору г. Оренбурга. Затем в соборе служился молебен, после которого участники парада приглашались к праздничному столу. В этот день осуществлялось производство урядников и офицеров в очередные чины, оглашались указы о награждении орденами и знаками беспорочной службы [9]. Позднее начиналось народное гуляние, устраивалось «взятие снежных городков», в котором сначала участвовали взрослые, а затем и подростки-казачата. На площади станицы строились два снежных городка – для детей и взрослых. В середине снежных крепостей возвышался флаг, который и нужно было захватить штурмующим. Казаки каждой крепости делились на защитников крепости и атакующих крепость. Состязание начиналось под музыку и пение войскового хора и оркестра. В конце праздника атаман под музыку вручал призы отличившимся казакам и казачатам. После награждения казачата с «трофейным» флагом отправлялись по домам, распевая казачьи песни [318].

Данные праздники сопровождалась военно-спортивными состязаниями, соревнованиями в мастерстве владения холодным и огнестрельным оружием, джигитовке и т.д. Подобные мероприятия не только способствовали *военно-патриотическому воспитанию* молодого поколения казаков, развивали их силу, смекалку и выносливость, но и способствовали отождествлению себя с казачеством, его культурой, ценностями, идеалами и нормами.

Взрослыми поощрялось проведение этих игр, как необходимых элементов обучения и воспитания казаков. Практически все они проходили под присмотром станичных (хуторских) стариков, которые строго следили за поведением каждого ребенка. И в том случае, если кто-то вел себя недостойно, наставляли и поправляли их [95]. Отличившихся в играх ребят награждали подарками, а остальным участникам давали лакомства.

Мнения о совместных играх мальчиков и девочек в казачьих общинах у историков разнятся. В одних исследованиях указывается, что девочки в играх с мальчиками практически не принимали участия. Этот факт историки объясняют тем, что «казаковать и воевать – не бабье дело» [111, С. 102]. В других источниках [173] пишется о том, что до 13 лет мальчики и девочки играли вместе и знакомились с азами военного искусства, в том числе обучаясь езде на лошади.

Рукопашному бою детей (мальчиков) начинали учить с трех лет, передавая особые для каждого казачьего рода приемы. Стрелять учили с семи лет, рубить пашкой – с десяти. С 8 лет главная роль в воспитании казака принадлежала крестному, который обучал его «казачьей науке». С 10 лет мальчики могли присутствовать на Казачьем Круге, где решались наиболее значимые для казачьей общины вопросы. Для таких торжественных случаев им за счет атаманской казны шилась праздничная одежда. Во время круга мальчики стояли друг от друга порознь, чтобы не разговаривать. После круга их спрашивали, что они услышали, что из увиденного запомнили. Так осуществлялось приобщение казачьей молодежи к традициям казачества [56]. В 14 лет мальчикам покупали жеребят, которые росли вместе с ними [164]. Завершение подросткового периода у мальчиков сопровождалось

соответствующим обрядом: дядя по материнской линии дарил 15-летнему подростку подарки, коня и др. [202].

Таким образом, дети казаков (мальчики) к 15–17 годам были психологически и физически готовы к осуществлению своего предназначения – быть воином. Дети казаков, урядников и офицеров, достигшие 16-летнего возраста, именовались «малолетками» или «сиденками» и готовились к службе. Для этого они собирались на различные смотры, проводившимися атаманами станицы, где демонстрировали свои воинские умения и навыки [56].

Воспитание девочек в казачьих семьях было направлено на ведение хозяйства. Младшие дети часто называли девочку «няней» и обращались к ней на «Вы». К 14–15 годам девочка уже умела выполнять все обязанности по дому. В семьях, где не было сыновей, она выполняла и мужскую работу. «Матери и бабушки передавали дочкам и внукам секреты женской мудрости, умение любить и беречь семью, обучали мягкости и уступчивости, ласковости и полноте душевных контактов с мужем. Внушали, что ласками да уговорами можно большего добиться» [164, С. 40]. У девочек подростковый период завершался в 12 лет. Этот рубеж сопровождался следующим обрядом: родители ставили ее в избе на лавку, и она проходила по ней несколько раз. Затем девочка спрыгивала с лавки в новый сарафан или юбку – «взрослую» одежду, или круг, сделанный из пояса. После этого обряда девочка считалась уже девушкой, невестой, могла участвовать в хороводах и т. д. [108].

В казачьих семьях практиковалось раннее приобщение детей к труду. В «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (Тифлис, 1886 г.) мы читаем: «каждый из членов семьи проникнут одним и тем же духом – духом работы. Мальчики и девочки одинаково участвуют в труде взрослых... Ребенок воспитывается в труде и в нем научается искать для себя удовольствия. Отсюда понятно, почему 6–8-летнее дитя любит домашнюю работу и весьма гордится своим участием в работе со взрослыми. 10–12-летний подросток считается важной рабочей силой, подмогой, а 16-летний парень работает наравне со взрослыми».

В начале XX в. войсковые власти Оренбургского казачьего войска выпустили плакат-агитку, речь в которой шла о 85-летнем казаке Еткульской станицы Я.П. Шатрове, сохранившем в боевой готовности свое обмундирование и вооружение образца середины XX в. Заканчивалась агитка словами: «Казак до гроба! Молодежь! Вот пример, каким надо быть казаком и как нужно беречь заветы предков» [155].

В конце XIX в. в России укоренился обычай – устраивать елки для детей дошкольного и школьного возраста на праздник Рождества Христова. Этот обычай проник даже в самые отдаленные станицы и поселки Оренбургского и Уральского казачьих войск, способствуя не только эстетическому и музыкальному развитию детей, но и формированию их мировоззрения. Вот как описывают подобный праздник «Оренбургские губернские ведомости»: «Но вот собрался кружок учеников и запевала речитативом проголосил: «Тихо ехал над рекою удалой казак», хор дружно подхватил, и полилась лихая казачья песня. Не успели смолкнуть звуки песни, как музыканты заиграли «казачка» и мальчуганы взапуски пустились плясать, в такт притопывая ногами и выделывая хитрые «па». После танца девочки запели любимую в станице песню «Ах ты, воля, моя воля», а мальчики исполнили боевую казачью песню». Также на елках танцевали и «господские пляски» – польку и вальс. Ученический хор

исполнял гимн «Боже, царя храни», «Славься-славься», «Многие лета» и др. Популярностью пользовались хороводные и плясовые песни «Как по морю», «Ленок», «Заинька», «Во поле березонька стояла», «Уж как я ль мою коровушку люблю», «Ах попалась птичка» и др. В архиве сохранились сведения о том, что некоторые елки начинались с исполнения народного гимна. Так было в станице Магнитной. Во время исполнения гимна две девочки-казачки, одетые в белые платья с крылышками, держали портрет Императора [135].

Таким образом, необходимо сделать следующие *выводы*:

1. Формирование ценностной структуры сознания личности осуществляется в процессе социализации и инкультурации. Их ведущими институтами в культуре казачества, в процессе которых подрастающим поколением осваивались традиционные культурные ценности, идеалы и нормы, являлись семья, станичная община и казачье войско.

2. Семья являлась основой казачьего социума, его непреходящей ценностью. Целью традиционного воспитания детей в казачьей семье и общине являлся казачий воспитательный идеал, представлявший собой нравственно целостную личность, сочетающую в себе функции семьянина, труженика, гражданина и воина. В основе ментальности данной личности лежали такие традиционные народные ценности, как гражданственность, патриотизм, Православие, семья, соборность.

3. Принципами семейного воспитания в культуре казачества являлись: патриархальность; гуманное отношение к детям; дифференцированное воспитание детей по признаку пола; раннее приобщение детей к труду; раннее духовно-нравственное, гражданско-патриотическое и военно-физическое воспитание; воспитание через игровую деятельность и систему религиозных, войсковых, полковых и сотенных праздников; вовлечение в процесс семейного воспитания казачьей общины (в этом проявлялась соборность как принцип мироустройства культуры казачества); воспитание уважения к старшим; приобщение подрастающего поколения казаков к народному творчеству; религиозность, этнотолерантность и веротерпимость.

4. Средствами воспитания в казачьей народной семейной педагогике являлись: казачьи традиции, обычаи и обряды; игровая и трудовая деятельность; военная символика; военные и праздничные мероприятия.

5. Весь порядок жизнеустройства в казачьих станицах был подчинен подготовке будущих казаков-воинов, готовых служить и отдавать жизнь «За Бога, Царя и Отечество». Ценности, идеалы и нормы казачества формировались с младенчества и вырабатывались всем укладом жизни казачьей общины, семейного воспитания, которое осуществлялось на основе обычаев, обрядов и традиций, поддерживающих воинский дух. Его неотъемлемой частью была народная художественная культура (в том числе музыкальный фольклор).

6. Казачьи традиции и обычаи, связанные с наиболее значимыми событиями жизни каждого человека, отдельной семьи, казачьего рода и казачьей общины, регламентировали поведение казаков и поддерживали внутригрупповую сплоченность, устанавливали связь между прошлым и настоящим, предками и потомками. Тем самым, осуществлялась межпоколенная передача ценностей, идеалов и норм культуры казачества.

2.2. Историко-педагогические аспекты развития образования в Уральском и Оренбургском казачьих войсках и освоение подрастающим поколением казаков культурных ценностей в казачьих учебных заведениях

Развитию образования в Уральском и Оренбургском казачьих войсках посвящены статистические описания, исторические очерки и работы периода XIX – начала XX вв. П.А. Авдеева, Н. Бородина, И.И. Железнова, К. Кузнецова, Мансера, П.В. Митурича, С.Н. Севастьянова, В. Симагина, С.М. Черемшанского и др. [11, 90, 188, 189, 190, 191, 320, 354, 381, 508, 619, 634]; труды современных авторов – А.А. Абрамовского, А.П. Абрамовского, В.С. Болодурина, В.Д. Ботнера, Ю.С. Зобова, А.И. Изюмова, В.С. Кобзова, В.И. Косянова, С.Г. Мирсаитовой, О.В. Осипова, Г.В. Савицкого и др. [4-10, 79, 94, 217, 218, 219, 300, 279, 280, 423, 491]. Их анализ позволил прийти к выводу о том, что до возникновения официальных школ в казачьих войсках функции воспитания и обучения казачат выполняла семья, военная община в лице круга, атамана и священнослужителей. Со становлением войсковой школы к ней перешла часть функций по воспитанию казачьей молодежи в духе «отеческих традиций» [104].

До начала XIX в. как рядовые казаки, так и подавляющее большинство командного состава в Уральском и Оренбургском казачьих войсках было неграмотным: общеизвестным является факт – из 1380 служилых казаков Исетского казачьего войска, присоединенного в 1748 г. к Оренбургскому, не было ни одного грамотного, включая чинов Войсковой избы [135]. С момента создания первой станичной школы (1823 г.) и до конца XIX в. в Оренбургском казачьем войске было открыто 520 школ. К концу XIX в. общий уровень грамотности оренбургского казачества значительно превосходил уровень грамотности жителей невойскового сословия, что было связано с хорошей организацией системы начального образования в войске. По данным историка В.Д. Ботнера, на одно учебное заведение в Уральском казачьем войске приходилось 2161, а в Оренбургском казачьем войске – 750 душ⁹.

Ключевой фигурой в развитии образования в Оренбургском казачьем войске являлся первый губернатор Оренбургского края И.И. Неплюев. Он же сыграл большую роль в развитии музыкального образования Оренбуржья. Став инициатором открытия многих учебных заведений Оренбуржья (школы для обучения детей ссыльных, Оренбургской инженерной школы и т.д.), И.И. Неплюев рекомендовал во всех вновь открываемых учебных заведениях вводить предмет «нотное пение» [130, 131]. К сожалению, в данные учебные заведения детей оренбургских казаков брали крайне неохотно [5].

На рубеже XVIII-XIX вв. дети урядников и рядовых казаков могли обучаться в гарнизонных школах, программы которых были ориентированы не столько на достижение грамотности, сколько на подготовку солдатских детей к предстоящей армейской службе. В «Высочайше утвержденном положении о гарнизонных школах и школьниках» от 1797 г. указывалось, что, помимо «обучения всему строевому», грамоте и арифметике, учащиеся учились «барабанщицкой науке, играть на флейте». Позже, в начале XIX в., гарнизонные школы были реорганизованы в военно-сиротские отделения, подчинявшиеся военному ведомству, где, наряду с углубленной общеобразовательной, осуществлялась военная подготовка воспитанников.

⁹ Для сравнения – в Кубанском казачьем войске – 3393, в Донском – 4460 душ [94].

Впоследствии, в связи с развитием сети школ в поселках и станицах Оренбургского казачьего войска, военно-сиротские отделения были упразднены [9, 10].

В историческом очерке «Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819-1895 гг.», составленном подъяесаулом С.Н. Севастьяновым [634], мы находим сведения о представителях войскового сословия (В. Васильев, И. Плетнев, В. Сычугов), обучавшихся в 1805 г. в народных училищах губернии. Позже, в 1819 г., по Высочайшему повелению императора Александра I, в Оренбургском казачьем войске были учреждены 18 станичных школ, работавших по ланкастерской системе обучения, считавшейся в начале XIX в. передовой и получившей широкое распространение в России. К 1831 г. было открыто 24 школы, к 1835 г. – 30, к 1847 г. их насчитывалось 65, в которых обучалось 29 детей казачьих чиновников и 1928 детей нижних чинов войска. В связи с тем, что школы были войсковыми, учителями в них назначались исключительно лица казачьего сословия. Как правило, это были урядники или казаки, владеющие грамотой. Они обучали детей чтению, письму и простому счету.

В 1824 г. в Оренбурге было открыто военное училище, названное в честь первого губернатора края Неплюевским. Оно было предназначено для предоставления среднего образования дворянским детям и подготовки специалистов из коренных жителей края, способствовало сближению «азиатцев с русскими», стремилось «внушить первым любовь и доверие к русскому правительству и доставить этому отдаленному краю просвещенных чиновников по разным частям военной и гражданской службы» [473, С. 193]. Целью подобных кадетских корпусов было «доставлять малолетним, предназначаемым к военной службе в офицерском звании и преимущественно сыновьям заслуженных офицеров, общее образование и соответствующее их предназначению воспитание» [444, С. 11].

В 1840 г. в училище было образовано два отделения – европейское (где обучались, преимущественно, русские дети) и азиатское (предназначенное для «инородцев»). В 1844 г. училище было переименовано в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, 60 мест из 200 в котором было зарезервировано за сыновьями офицеров Оренбургского и Уральского казачьих войск [381, 590]. Следует отметить, что по данным на 1912 г., всего в российских кадетских корпусах обучалось 2,3 % сыновей казаков [123, С. 9-10]. Из Неплюевского училища вышли многие замечательные деятели как Оренбургского края, так и всей России [547]. Так, в свое время здесь обучались башкирские и татарские просветители С. Кукляшев, М. Бикчурин, М. Иванов, башкирский поэт-просветитель, ученый-энциклопедист М.И. Уметбаев [590]. В результатах деятельности выпускника училища А. Аничкова была заинтересована Главная физическая обсерватория в г. Петербурге [132]. Неплюевский кадетский корпус стал культурным и образовательным центром Южного Урала [379, 380, 381].

В инструкции по воспитательной части для кадетских корпусов особое место было уделено *военно-патриотическому воспитанию*. Их работа должна была строиться так, чтобы «все способы непосредственного воздействия наставников на их питомцев, как и вся обстановка жизни сих последних, своевременно возбуждали и твердо упрочивали в каждом из них живой интерес к военному делу» [224, С. 29].

В кадетских корпусах того времени реализовалась базовая концептуальная идея об обязательном, всеобщем и непрерывном обучении кадет музыкальному искусству. Здесь большое значение придавалось эстетическому воспитанию учащихся, ведущую роль в

котором играли рисование, танцы, хоровое пение и обучение игре на музыкальных инструментах [13]. Целью преподавания музыки в кадетских корпусах было музыкальное развитие кадет, под которым понималось развитие музыкальных способностей, певческого голоса, исполнительских умений и эрудиция учащихся в области музыкального искусства [410, С. 131]. В «Наставлении для ведения внеклассных занятий» данная цель трактовалась более широко: «а) дать воспитанникам необходимый гигиенический отдых после умственной работы; б) приучить их наполнять свои досуги таким делом, которое, не вызывая большого физического или умственного напряжения, могло бы представить каждому, как в настоящем, так и в будущем, благородное и полезное развлечение ... и, наконец, в) сообщить воспитанникам полезные умения и навыки, а посредством музыки и пения дополнить общеобразовательный круг их знаний и способствовать развитию в них эстетического чувства» [410, С. 14]. В кадетском корпусе поощрялись коллективные формы занятия музыкой, что способствовало воспитанию у кадет «чувства локтя», коллективизма, необходимого в армии [13, 130, 131].

В учебных планах российских кадетских корпусов того времени присутствовал закон Божий и церковное пение, где кадеты изучали молитвы, церковные песнопения, музыкально-духовные сочинения Д.С. Бортнянского, Г.Я. Ломакина, А.Ф. Львова, Н.А. Римского-Корсакова, П.И. Турчанинова, П.И. Чайковского и др., участвовали в богослужениях домовых церквей своих учебных заведений. В 1893 г. военное ведомство издало циркулярное распоряжение о том, что «в основании обучения церковного хора должно лежать обиходное пение» [616, С. 23-26]. Таким образом, осуществлялось *приобщение кадет к религиозным ценностям* как основе их духовно-нравственного воспитания.

В «Общую программу распределения времени и наставлениях для ведения внеклассных занятий в кадетских корпусах» входило пение и спевки хора. Для разучивания и исполнения рекомендовались песни патриотического содержания («Боже, царя храни», «Выпьем первый бокал за здоровье царя», «Кадетская песнь»); исторического содержания («Ездил русский белый царь», «Грядул внезапно гром под Москвою», «Знают турки нас и шведы»); военные и маршевые песни («Взвейтесь соколы орлами», «Ну, ребята, марш домой», «За царя, за Русь святую», «Солдатушки-ребятушки»); народные, в том числе казачьи песни («Во поле береза стояла», «Вдоль по улице молодчик идет», «Ах вы сени, мои сени», «Вдоль по улице метелица метет», «Во саду ли, в огороде») и др. [131].

Музыкальное образование в Неплюевском кадетском корпусе, как и во всех других кадетских корпусах России, предусматривало два уровня: общее (для всех кадетов) и углубленное (для более одаренных в музыкальном отношении учащихся). Здесь существовали струнные и духовые оркестры, которыми руководил штатный учитель искусств, являвшийся одновременно и капельмейстером оркестра Оренбургского казачьего войска, Г.Ф. Эстеррейх. Он обучал кадет игре на струнных и духовых музыкальных инструментах. Его ученики с успехом участвовали в концертах, устраиваемых музыкально-драматическим обществом. Следует отметить, что в дальнейшем в российских кадетских корпусах сложились традиции музыкального обучения высочайшего уровня, сопоставимого с требованиями к музыкантам-профессионалам того времени [302, 321].

Наряду со станичными школами, в 1837 г. в Оренбургском уезде начинают открываться церковноприходские школы. Сначала они находились в станичных

правлениях, а позже стали появляться на форпостах и в отрядах. В составе учащихся данных школ были и дети казаков. Порой, их число доходило до 98-99 % [491]. Обучение в церковно-приходских школах было бесплатным, что устраивало бедных казаков, составлявших 15-18 % казачьего войска. К 1870 г. приходские школы численно сравнялись с казачьими (148 против 149) [43]. Программа в этих школах предполагала, во-первых, обучение Закону Божьему, молитвам, чтению, письму и, во-вторых, церковному пению, где учащиеся знакомились со старыми церковными напевами – церковным обиходом, октоихом, ирмологием и праздниками и т.д. Лучших учеников привлекали к пению на клиросе, создавали из них хоры [131]. Это решало не только практические задачи включения учащихся в сложившиеся к тому времени *религиозно-культурные традиции*, но и *воспитанию духовно-нравственных ценностей Православия*.

В «Правилах для церковно-приходских школ» 1884 г. главной задачей декларируется «воспитание детей в верноподданническом духе царствующему дому, в готовности служить Вере, Царю и Отечеству». Занятия в данных учебных заведениях начинались с молитв, указанных в изданном Святейшим Синодом учебном Часослове («Царю небесный», «Отче наш», «Богородице, дево, радуйся», «Святый Боже», «Спаси, Господи», «Достойно есть» и др.) [104]. Музыка играла одну из главных ролей в религиозно-нравственном воспитании учащихся в церковно-приходских школах. Помимо этого, она давала «узко практические результаты» – повседневное чтение в тоне вырабатывало у учащихся определенные певческие навыки, развивало чувство ритма и звуковысотный слух [104, С. 44]. Музыка включалась не только в содержание обучения, но и звучала на школьных праздниках. Об этом мы можем судить по многочисленным газетным публикациям того времени [419].

В списке учебных руководств и пособий, выпускаемых училищным советом Святейшего Синода для церковно-приходских школ, входили книги Д.Н. Соловьева «Краткое руководство к первоначальному изучению церковного пения по квадратной ноте», «Азбука хорошего пения с практическими упражнениями и краткой хрестоматией», А. Асторского «Первая ступень обучения церковному пению в начальной школе (методические заметки и наблюдения)» и др. Наряду с данными пособиями, в церковно-приходских школах использовались частные издания: Калачинский «Элементарные сведения по обучению пению», А. Карасев «Уроки пения», А. Карасев «Музыкальная хрестоматия», А. Карасев «Методика пения», В. Металлов «Очерки истории православного церковного пения в России», А. Ряжский «Учебник церковного пения. Мелодическое пение», С. Смоленский «Курс хорового пения», А. Фоминский «Начатки теории музыки», Н. Яичков «Курс первого года обучения пению». В библиотеках церковно-приходских школ имелось также издание «Церковные хоры» («Песнопения Всенощного бдения», «Песнопения Божественной литургии») [504, С. 160-173].

До 1885 г. церковное пение даже в церковноприходских школах было необязательным предметом. Программы обучения церковному пению не существовало. В силу недостатка высококвалифицированных учителей, пение во многих школах изучалось по слуху, учителя ограничивались освоением лишь общедоступных молитв. Существующие пробелы были призваны восполнить курсы церковного пения и педагогические курсы для учителей церковных школ, которые начали работать в Оренбурге в 1895 г. В своей программе они руководствовались

«Временными правилами для устройства педагогических курсов церковного пения для учителей школ церковно-приходских и грамоты». Чтобы реализовать главную цель – улучшение обучения церковному пению в церковно-приходских школах, необходимо было решить ряд задач: устранить отступления от общепринятых напевов; привить обучающимся навыки стройного, выразительного пения и т.д. [131]. К преподаванию на курсах привлекались лучшие специалисты регентского дела, среди которых был Г.Д. Добромыслов – священник, известный в Оренбурге регент, учитель церковного пения. Его статьи в «Оренбургских Епархиальных ведомостях», посвященные певческо-хоровому воспитанию, способствовали методическому оснащению учителей пения, работающих в школах всей Оренбургской губернии. На педагогических курсах Оренбургской епархии 1898 г., на которых обучалось, вместе с вольнослушателями из школ Казачьего ведомства и Министерства народного просвещения, свыше 90 человек, особое внимание было обращено на церковное пение и практическое ознакомление с ним в простых напевах и по обиходу, обучению игре на скрипке и фисгармонии. Обучение пению состояло из пяти видов занятий: теории пения, практики пения, хорового пения, спевков и школьного светского пения [131].

В 1838 г. командующим Оренбургским казачьим войском генерал-майором Н.В. Шуцким были утверждены новые «Правила о порядке управления школами, в войске Оренбургском учрежденными». В соответствии с ними, в станичных школах предписывалось не только преподавать начальные предметы – Закон Божий, арифметику, чтение и письмо, но и осуществлять подготовку казачьей молодежи к предстоящей военной службе.

В одном из положений о станичных школах, утвержденных Наказным атаманом Оренбургского казачьего войска генерал-майором Г.В. Жуковским, содержались рекомендации учителям, которые актуализировали *культурные ценности казачества*: «Объясняя ученикам своим святыи истины христианской веры и правила добродетели, он (учитель – прим. авт.) должен стараться, чтобы вверенные ему дети не только без затруднения понимали его наставления, но и привыкали чувствовать всю важность оных и важность своих настоящих и будущих обязанностей Богу, Царю и поставленным над ними властями, к самому себе и ближним» [134]. Помимо этого, учителям предписывалось «вразумлять учеников к скорейшему и прочному навыку всего им преподаваемого основательным истолкованием каждого предмета ... с терпением и кротостью, снисходя в особенности к малолеткам, потому что неуместною строгостью можно изгнать в ученике готовность к наукам, а скромность и вежливость при благоразумии и твердой воле поселит соревнование в учениках» [136]. Как мы видим, учителей призывали к гуманности, терпимости, корректности в отношении к детям. В этом положении осознается положительное влияние духа соревновательности, так называемый «агон», который был свойственен казачьему мировоззрению.

В период с 1838 по 1848 гг. численность учебных заведений в Оренбургском казачьем войске продолжала расти. Было открыто 39 новых станичных и поселковых школ. Реформы императора Александра II, коренным образом изменившие военно-административное устройство и управление Оренбургского казачьего войска, стали толчком к развитию системы начального образования [10]. Время диктовало новые требования к профессионализму воина-казака. Цели образования трансформировались. Как писал Наказной атаман генерал-майор К.Н. Бобарыкин, «современные требования и

взгляд на обязанности казачьей службы требуют умственного и физического развития, твердого и отчетливого знания тех постановлений и правил, которые прямо относятся к строевому обучению казаков» [634]. По словам советника Войскового хозяйственного правления полковника П.А. Авдеева, в введении которого находились все учебные заведения Оренбургского казачьего войска, «начальные школы в войске, кроме общеобразовательных целей, должны служить одним из главных средств к подготовке мужского населения с самого раннего возраста к казачьей службе, развивая в нем присущую казакам сметливость и ловкость» [11, С. 41-42]. В станичных и поселковых школах, наряду с общим образованием, военной подготовкой и получением сведений о боевой жизни казаков, мальчики обучались «пению боевых песен» [490, С. 25]. Таким образом, передача песенной традиции оренбургских казаков происходила как в быту, так и в школе.

В Оренбургском казачьем войске учителя ежемесячно представляли станичному атаману специальные ведомости об успехах обучения детей казаков. Во второй половине XIX в. контроль за деятельностью станичных и поселковых школ осуществлялся ежегодно полковыми командирами, атаманами отделов и наказным атаманом [9].

В связи с введением при станичных и поселковых школах попечительских советов и родительских комитетов, их стали посещать отставные офицеры, проживающие в станице, кавалеры Георгиевских крестов, старики, прошедшие многочисленные войны и пользующиеся уважением у населения. Устные предания, легенды и песни о подвигах дедов и отцов, рассказы о военных кампаниях, событиях из боевой жизни, способствовали формированию у подрастающего поколения казаков основных культурных ценностей казачества – *гражданственности, патриотизма, служения Отечеству.*

Музыкальное образование в учебных заведениях XVIII – первой половины XIX вв. не носило массового характера и имело стихийный и эпизодический характер. Основой содержания музыкального образования являлись церковное пение, народный музыкальный фольклор в сельской местности и семейное бытовое музицирование в городской среде [131].

В 60-х годах XIX в. в Оренбургском казачьем войске стала проводиться разъяснительная работа с целью дальнейшего увеличения и расширения сети учебных заведений в станицах и поселках. В результате, к 1871 г. на территории Оренбургского казачьего войска действовали 152 школы, в которых занималось 3473 мальчика и 942 девочки, а к 1875 году – 318 станичных школ, в которых учились более 13,5 тысяч учащихся. На рубеже XIX - XX вв. в станицах и поселках Оренбургского казачьего войска функционировало 520 школ, где обучалось 34591 человек [180, С. 23]. Открывались также «инородческие» школы, в которых обучались дети нагайбаков, татар и калмыков, состоявших на службе в Оренбургском казачьем войске. Данные школы способствовали освоению учащимися понятий и образа жизни христианина и овладения ими русским языком, поскольку его незнание не только осложняло их общение в быту, но и создавало трудности при назначении их на службу [10].

В конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. в связи с тем, что в войнах, в которых участвовала Российская империя (особенно война между Францией и Германией 1870 г.), казачьи войска продемонстрировали свой огромный потенциал, правительство

пересмотрело свое отношение к ним. Но, для последующего их использования в войнах, требовался более высокий уровень подготовки солдат, что было невозможно без соответствующего образования и военного воспитания. Поэтому особое внимание в начальных школах казачьих войск стало уделяться гимнастике и военным упражнениям [590]. В 1871 г. наказной атаман Оренбургского казачьего войска полковник К.Н. Боборыкин издал циркуляр, в соответствии с которым как для мальчиков, так и для девочек 8-9 лет, обучение становилось обязательным [180].

Для подготовки образованных унтер-офицеров Военное министерство открывает в каждом военном округе юнкерское училище. В Оренбурге оно было открыто в 1868 г. [470]. В его задачи входило, среди прочих, обучение нижних чинов казачьих войск Оренбургского, Западно-Сибирского и Туркестанского военных округов [469].

Воспитанников для юнкерских училищ поставляли военные прогимназии, создаваемые на основе военных начальных школ, образованных из училищ военного ведомства [332, С. 1-2]. Оренбургская начальная военная школа была преобразована в прогимназию в 1868 г. [614, С. 303-317]. 84 % ее воспитанников были детьми дворян и военных (вместе с казаками) [471]. В 1887 г. на ее базе был открыт второй кадетский корпус. В середине 90-х годов XIX в. там обучались, кроме дворян и офицеров, и казаки [137].

Музыкальная жизнь 2-го кадетского корпуса была связана с именем учителя пения Н.А. Федотова. Кадетский хор под его управлением исполнял, наряду с духовной, и светскую музыку. Все торжественные мероприятия кадетского корпуса (храмовые праздники, выпускные акты и т.д.) проходили при непосредственном участии хора. Существовали струнный и духовой оркестры, в которых было два состава – основной и подготовительный. Здесь осуществлялось обучение кадет игре на 15 музыкальных инструментах. В течение учебного года с оркестрами разучивалось более двадцати пьес. Некоторые из кадет занимались одновременно на двух или трех инструментах [125, С. 68]. Также здесь был создан «Хор балалаек», что для Оренбурга было новшеством [131].

Качественные сдвиги происходят во всей организации начального образования в Оренбургском казачьем войске. В целях развития, обобщения и распространения передового педагогического опыта, правление Оренбургского казачьего войска организует съезды учителей [634], первый из которых проводился в 1871 г., по инициативе Наказного атамана генерал-майора К.Н. Боборыкина. В нем принял участие В.И. Водовозов, последователь К.Д. Ушинского, – автор книг по методике русского языка и словесности, который не только познакомил учителей с передовыми приемами, формами и методами воспитания и обучения подрастающего поколения, но и дал «образцовые уроки». Подобные съезды учителей проводились впоследствии регулярно.

В 1876 г. правлением Оренбургского казачьего войска было получено разрешение на право обучения «на войсковой счет» 30 воспитанников станичных и поселковых школ в Благовещенской учительской семинарии, открывшейся в 1872 г. в рабочем поселке Благовещенский завод Уфимской губернии. В учебном плане семинарии большое внимание уделялось гуманитарным наукам – русскому языку, Закону Божьему, истории, географии и педагогике. По выбору семинаристы могли обучаться пению, игре на музыкальных инструментах, токарному, слесарному, столярному и переплетному ремеслу. Помимо этого, проводилась педагогическая практика в созданном при семинарии начальном училище. К сожалению, в течение последующих пяти лет желающих обучаться

в учительской семинарии становилось все меньше. Это происходило в силу ряда причин: по окончании семинарии выпускники не пользовались никакими преимуществами по службе; получали то же содержание, что и другие учителя, не проходившие специального обучения; существовала обязательная отработка (четыре с половиной года) и т.д. [5].

В 1885 г. при Верхнеуральской мужской школе открывается специально-педагогический класс, где изучаются предметы, предусмотренные положением о городских училищах, утвержденные Александром II в 1872 г., в числе которых имеется педагогика, методика, дидактика и пение. Помимо этого, проводилась месячная практика в одной из начальных школ. Выпускники этого класса обладали рядом привилегий: имели преимущество перед сверстниками на занятие должности первого станичного или поселкового учителя, который не командировался на полевую службу и заносился в список будущих пенсионеров; обучение в данном классе было первой ступенью для получения более «содержательного образования»; возможность впоследствии получения офицерских эполетов или поступления на службу чиновниками государственных учреждений [5].

Многие учителя станичных и поселковых школы Оренбургского казачьего войска сочетали в своей работе обязанности учителя, библиотекаря, организатора народных чтений, заведующего отделениями книжного склада общества содействия народному образованию. Нелегкий труд некоторых из учителей Оренбургского казачьего войска был отмечен серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Александровской ленте [10].

По подсчетам историка М.Н. Фархшатова [590], на Южном Урале в 1900 г. существовало свыше 20 типов начальных школ, 39,8 % из которых составляли казачьи школы. По школьной переписи 1894 г. в Уфимской и Оренбургской губерниях, 56,2 % учителей, в том числе и казачьих школ, имели высшее, среднее и педагогическое образование [615: Прил. С. 225, 239, 259].

В 1886 г. на базе младших классов Неплюевского кадетского корпуса была открыта военная гимназия, которая к началу 70-х годов стала лучшей общеобразовательной школой края. В нее принимались не только сыновья дворян, но, среди прочих, и казаки (из 266 человек 57 – казаков) [472].

В 1895-1896 гг. во многих мужских и женских школах Оренбургского казачьего войска появляется новшество – организуются курсы ручного труда и пчеловодства. Результаты этого нововведения демонстрировались на выставках в помещении Оренбургской станичной женской школы. Здесь были представлены домашняя и школьная мебель, сундуки, кадки, грабли, топорища и другие предметы домашнего быта. Также интерес вызвали казачьи сапоги, конские уздечки, нагайки, соломенные шляпы, плетеные корзины, лукошки и короба. Девочки представили платки из козьего пуха, кружева, вышивки, тонкое белье, искусственные цветы. Годом раньше, 1896 г., на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде, три четверти экспонатов от Оренбургской губернии были изготовлены воспитанницами войсковых женских школ [138].

Государственные приоритеты в преподавании пения декларируются в 1896 г. в программе испытаний на звание народного учителя и учительницы, утвержденной министром народного просвещения: «1. Знакомство с сущностью нотной системы и с обиходом церковного пения. 2. Практическое знакомство с обычными песнопениями православного богослужения с пением на гласы и пениями страстной и светлой

седмицы. 3. Умение пользоваться камертоном и партитурой при разучивании пьес. 4. Умение образовать детский хор и руководить им» [314, С. 12].

В 1909 г., претворяя идею преемственности образования, «для процветания русского государства, воспитания молодежи *в духе войсковых традиций и преданности царю и Отечеству*», в станице Еткульской открывается высшее начальное училище, в котором преподавались арифметика, русский язык, Закон Божий, география, история, естествознание, геометрия, пение (преподавателем был П.И. Важенин, музыкант Оренбургского войскового музыкального хора), чистописание, рисование и гимнастика [142]. Интересным является факт организации при начальном училище казачьего музея [140]. В училище существовал струнный оркестр, созданный на средства почетного смотрителя есаула К.В. Печенкина, обучение в котором осуществлялось бесплатно [141]. Еткульское высшее начальное училище с успехом работало в годы революции и гражданской войны. Затем оно было преобразовано в школу II ступени.

В 1875 г. в Оренбургской губернии был образован Оренбургский учебный округ, территория которого включала Пермскую, Оренбургскую, Уфимскую губернии, Тургайскую и Уральскую области. В его задачи входило формирование сети учебных заведений, контроль за их работой, обеспечение педагогическими кадрами и учебными материалами. С 1912 г. Министерство народного просвещения приступает к изданию ежемесячного журнала «Вестник Оренбургского учебного округа», где был собран «научно-ценный и педагогически-полезный материал, способствующий духовному развитию» [110, С. 3]. На его страницах была опубликована работа А. Кривошекова «Обряды и обычаи Оренбургских казаков», статья И. Тихомирова «О песнях Оренбургских казаков» и др. Интерес представляет статья В. Кондакова «К вопросу о поднятии интереса и самостоятельности среди учащихся», в которой автор указывает на то, что школа, помимо общеобразовательных целей, должна преследовать и государственные интересы, интересы Родины. Поэтому, по мнению автора, «надлежит позаботиться о развитии в учащихся здорового *патриотизма, любви к Родине*, веры в ее светлое будущее» [272, С. 118]. Конечной целью обучения автор называет «отечествоведение». В статье С. Петрова «Что может сделать народный учитель в деле изучения местного края?» автор предлагает программу, с помощью которой учитель, привлекая и школьников, сможет собирать этнографический, исторический, лингвистический, археологический и культурно-бытовой материал, являющийся содержанием самобытной культуры, с течением времени утрачиваемой. Совершенно справедливо автор замечает, что «нельзя любить то, чего не знаешь» [431, 432]. Таким образом, внимание общественности привлекалось к проблеме воспитания у учащихся *любви к малой Родине, чувства патриотизма* и т.д., где значимую роль играл фольклор.

Создавались учебные пособия, способствующие освоению воспитанниками таких культурных ценностей казачества, как патриотизм, гражданственность, социальная солидарность, Православие, и формированию их культурной идентичности. В 1910 г. было опубликовано учебное пособие для станичных школ «В помощь школам и малолеткам казачьих войск» помощника атамана 2-го военного отдела войскового старшины Д.Е. Серова, приложением к которому выступили 20 военно-походных и патриотических песен оренбургского казачества, собранных А.И. Мякутиным: старинные казачьи песни, песни о войне 1812 г. и о заграничных походах оренбургских казаков, песни

о завоевании Средней Азии, песни, посвященные казачьему оружию и коню и др. Они включались в программу школ для обязательного изучения и пения.

О необходимости усиления *патриотического воспитания* молодежи писал С.Н. Севастьянов в своем очерке «Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819-1895 гг.». Его источником он видел предания казаков, их традиции, обычаи, обряды, песни и поговорки [634].

В газетах того времени появляются публикации о том, что в станичных школах воспитанием «природных» казачьих качеств должны заниматься исключительно лица, относящиеся к войсковому сословию, хорошо знающими не только психологию казачества, но и его *патриотические идеалы*, составляющие залог могущества России.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что в начале XX в. начальник Главного управления казачьих войск России генерал Щербов-Нефедович дал весьма высокую оценку развитию грамотности и образования в Оренбургском войске: «Вообще по развитию грамотности Оренбургское войско занимает выдающееся положение среди других войск» [180, С. 24]. Грамотность войскового населения Оренбургского казачьего войска была более высокой, чем в других казачьих войсках Российской империи. В Оренбургском она составляла 64,7 %, в Астраханском – 46 %, Донском – 37 %, Терском – 22 %, Кубанском – 17 %. от всего войскового населения [10].

Переходя к описанию развития образования в Уральском казачьем войске, следует отметить, что оно началось с открытия первого училища, которое состоялось в 1812 г., что «мало встретило сочувствия» как у простых казаков, так и в «классе офицерском и дворянском, для которого преимущественно и предназначалось» [188, С. 434]. Программа преподавания в нем предполагала курс уездного училища и включала Закон Божий, русский язык, чистописание, арифметику, геометрию, географию, историю, черчение и рисование [491]. Музыка в первой половине XIX в. не входила в учебные планы подобных училищ. В «Уставе гимназий и училищ» говорилось о том, что занятия пением должны осуществляться по желанию учащихся в свободное от уроков время [131]. В «Предварительных правилах» устройства учебных заведений 1803 г. признавалось желательным ежедневно в свободное время (с 12 до 13 часов) и по субботам обучение учащихся «церковному пению по нотам», т.к. «стройное духовное пение делает учащихся восприимчивее к истинам христианской религии» [503, С. 176]. Спустя 9 лет это училище сгорело и было открыто вновь лишь в 1831 г. атаманом В.О. Покатиловым. После окончания училищного курса учащимся присваивался чин урядника (унтер-офицера). Выпускниками этого училища были многие талантливые люди: И.И. Железнов – писатель, исследователь быта и истории уральских казаков, собиратель фольклора, этнограф, Н.Ф. Савичев – писатель, журналист, художник и др. К середине XIX в., в связи с тем, что дети офицеров получили право обучаться в столичных и провинциальных кадетских корпусах, училище пришло в упадок [188].

Элементарных начальных школ в станицах Уральского казачьего войска до середины XIX в. не существовало. К 1855 г. среди войскового населения лишь 14 % жителей считались грамотными. Воспитание и обучение казачат было отдано в руки так называемых «мастеров» и «мастериц» – отставных казаков-начетчиков, старых девиц и вдов, которых «Господь сподобил грамоте» [579]. Они учили казачат «по часовникам, псалтырям», пользуясь единственным приемом преподавания –

бессознательным зазубриванием на память. Тем не менее, «мастера» и «мастерицы» пользовались большим авторитетом среди казачьего населения.

В 1857 г., в связи с приездом в г. Уральск А.Д. Столыпина, образование в Уральском казачьем войске получает мощный толчок к своему развитию. Начальное образование для мальчиков становится обязательным. Преодолевая недоверие и инертность казаков-староверов, к 1859 г. в войске функционирует 91 учебное заведение, в 1861 г. – 100. «С высочайшего Государя Императора соизволения» в г. Уральске открывается Девичье училище и два его отделения в гг. Елецке и Гурьеве. В программе обучения училища были закон Божий, русский язык, история, география, музыка, рисование и французский язык [188].

В 1858 г. в Уральске открывается «войсковая консерватория» – музыкальная школа, где готовились молодые кадры для созданного Уральского войскового оркестра, «чтобы иметь возможность постоянно пополнять оркестр и иметь для того людей подготовленных к делу» [580]. Воспитанники музыкальной школы (в основном, сироты и дети из бедных семей) и музыканты Уральского войскового оркестра содержались на казенный счет. Из них же был организован хор певчих при православном Александро-Невском соборе. Н. Бородин, исследователь уральского казачества, отмечал, что в этой музыкальной школе учащиеся не обучались ни грамоте, ни общеобразовательным предметам [90, С. 242]. Современные же исследователи утверждают, что учащимся в этой музыкальной школе «сначала давали ... начатки грамоты, затем учили музыке и пению» [217].

В 60-е годы XIX в., благодаря А.Д. Столыпину, в г. Уральске открывается типография, первым серьезным изданием которой стал «Сборник для чтения в форпостных училищах Уральского казачьего войска», состоящий из произведений самого А.Д. Столыпина, М.К. Курилина, И.И. Железнова и других войсковых писателей [217].

Мужское Войсковое училище получает новую жизнь – в нем сменяется состав преподавателей, к программе обучения прибавляются новые предметы – французский язык и лесоводство. Открываются отделения училища в гг. Самара, Илецк, Гурьев и на Чижинской дистанции. Помимо прочего, А.Д. Столыпин, признавая необходимость создания, в целях просвещения населения, библиотек, открывает их по всей территории Уральского казачьего войска. В числе прочих, казаки и казачки могли там познакомиться с произведениями Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Н.И. Костомарова и др.

К 1868 г. в Уральском казачьем войске функционировали мужские учебные заведения: пятиклассное войсковое училище, духовное училище, школа певчих, музыкальная школа, 30 войсковых народных школ и женское пятиклассное войсковое училище. Помимо этого, работали 134 народные школы, где обучались мальчики и девочки вместе. Кроме того, уроженцы Уральского казачьего войска учились: в 1-ой Московской Военной Гимназии, 1-ой Военной Павловской гимназии, Воронежской гимназии, 1-ой Казанской гимназии, Казанском университете, Санкт-Петербургском Технологическом институте, Московском коммерческом училище, Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, Санкт-Петербургских гимназиях, Николаевской академии Генштаба, Оренбургской военной гимназии, Оренбургском Николаевском девичьем институте, Оренбургской фельдшерской школе [578].

Однако, не смотря на все усилия А.Д. Столыпина, в конце 60-х годов XIX в. происходит «регрессивный упадок школьного дела» [90, С. 192]. К 70-м гг. XIX в. в Уральском казачьем войске была всего 41 школа, тогда как в Оренбургском действовали 143 [225]. Как отмечает Н. Бородин, принудительные меры по насильственному навязыванию «казенных» народных школ не принесли ощутимых результатов. Возможно, здесь сказался вольнолюбивый характер уральского казачества, не привыкшего к давлению. Несколько позже, благодаря полному отсутствию каких-либо принудительных мер «в сфере умственного и религиозного просвещения», школа приобретает больше приверженцев. В некоторых станицах жители сами составляли «приговоры» об открытии станичной школы. Музыкальное воспитание в данных школах сводилось к церковному пению. Репертуар школьных хоров состоял, в основном, из духовных сочинений, хотя разучивались и исполнялись светские произведения и народные песни [131].

В 1870 г. в г. Уральске была открыта классическая гимназия, в г. Гурьеве – мореходный класс. Понимая, насколько необходимы для социального развития люди с высшим образованием, наказной атаман открывает для молодого поколения казаков, закончивших начальные школы, стипендии в высших учебных заведениях. Выпускники училищ поступают в разнообразные учебные заведения – Оренбургский и Санкт-Петербургский кадетские корпуса, Московское коммерческое училище, Казанскую, Петербургскую гимназию, Санкт-Петербургский университет и др. (И.И. Железнов).

Что касается преподаваемых дисциплин в войсковых школах, то в 1885-1886 учебном году было введено обучение чтению, письму, Закону Божию, арифметике, русскому языку, славянскому чтению, чистописанию. Кроме того, по данным Н. Бородина, в 3-х школах Уральского казачьего войска преподавалось пение, в одной – география и история, в одной – рисование, в одной – гимнастика и в 3-х женских школах – рукоделие. В 5-ти школах осуществлялась подготовка юных казачат в области столярно-токарного и кузнечно-слесарного ремесел. Н. Бородин в своем статистическом отчете писал, что «нет никакого сомнения в том, что преподавание таких предметов, как пение, география и история, рисование и обучение ремеслам, разнообразя само учение, делая его более интересным, приносит в то же время значительную пользу» [90, С. 215]. Но преподавание подобных дисциплин зависело от многих факторов – заинтересованности руководителя учебного заведения, материального положения, наличия квалифицированных специалистов и т.д. [131]. В 1889 г. при школах открываются ремесленные отделения – переплетное, слесарное, сапожное, столярное, отделения рукоделия, садоводства и огородничества.

В целом, по мысли Н. Бородина, в 1885-1886 гг. стремление к грамотности среди населения Уральского казачьего войска было очень велико, но школы не вполне удовлетворяли требованиям самих казаков. Это было связано, во-первых, с недостаточным доверием к ним населения, во-вторых, с неугасающим авторитетом «мастеров» и «мастериц». В-третьих, в ряде станиц школ вообще не было, в других, густонаселенных станицах, они были слишком малы.

К 1886 г., кроме начальных школ, в Уральском казачьем войске имелись следующие учебные заведения: двухклассные (г. Уральск, г. Гурьев) и одноклассное (г. Илецк) русско-киргизские училища; Кирилло-Мефодиевская церковно-приходская школа (г. Уральск); школа при Мариинском приюте (г. Уральск); частное училище г. Карповой (г. Уральск). Но, не смотря на все усилия, к 1883 г. Уральское казачьей

войско занимало одно из последних мест в области начального образования. Лидирующее положение среди казачьих войск Российской империи занимало Оренбургское казачье войско.

Вторая волна развития образования в Уральском казачьем войске началась с назначением атаманом генерала Н.Н. Шипова. Он не только осуществлял контроль за качеством образования, нуждами школ, но и открывал новые (им было открыто около 30 новых школ). В 1889 г. одно из средних учебных заведений г. Уральска было преобразовано в Уральское войсковое реальное училище, 52 % учеников в котором было из казачьих семей. Судя по кратким отчетам о его состоянии 1901 и 1903 гг., музыка и пение были неизменными участниками учебного и воспитательного процесса в данном учебном заведении. Здесь проходили детские танцевальные вечера, вокально-музыкальные вечера, концерты (так называемые «акты») в честь различных юбилейных дат. Даже праздник древонасаждения, устроенный Уральским обществом друзей леса, сопровождался музыкой. Сохранились сведения о том, что 12 мая 1902 г. в зале училища был устроен литературно-вокально-музыкальный вечер для ознакомления «Господина Окружного Инспектора Чеховича с тем, насколько ученики умеют декламировать, петь и играть на музыкальных инструментах» [303, С. 18].

В конце XIX в. в г. Уральске начинает развиваться дошкольное образование. В 1898 г. была основана общественная «Комиссия детского сада». В 1899 г. начинает свою работу первый детсад-школа для малышей (по системе Фребеля) [182]. В это же время создается «Общество попечения о начальном образовании», целью которого была материальная поддержка нуждающихся учащихся, устройство бесплатных читален и библиотек и т.д. К 1909 г. в Уральском казачьем войске насчитывалось уже 127 войсковых начальных училищ: 7 двухклассных и 120 одноклассных.

Таким образом, образование в Оренбургском и Уральском казачьих войсках прошло в своем развитии большой путь и было подчинено условиям материальной жизни казачьих общин, общественно-политической обстановки в стране, проводимым в России военным и образовательным реформам и т.д. Его содержание шло в ногу со всеми новейшими достижениями российского просвещения. Оно отвечало специфическим задачам сословного воспитания – подготовка подрастающего поколения к предстоящей армейской службе, воспитание у него чувства патриотизма, чувства гордости за принадлежность к казачеству, сохранение и развитие казачьих сословно-этнических традиций и т.д. Содержанием музыкального образования в казачьих учебных заведениях, направленного на религиозное и художественно-эстетическое развитие учащихся, являлось церковное и светское хоровое пение, народный фольклор и инструментальное исполнительство.

Выводы по второй главе

1. Ведущими институтами социализации и инкультурации, в процессе которых подрастающим поколением казаков осваивались традиционные для казачества культурные ценности, идеалы и нормы, являлись семья, станичная община и казачье войско.

2. Семья и семейные ценности были основой казачьего социума. Целью традиционного воспитания детей в казачьей семье и общине являлся казачий воспитательный идеал, представлявший собой нравственно целостную личность,

сочетающую в себе функции семьянина, труженика, гражданина и воина. В основе ментальности данной личности лежали такие традиционные народные ценности, как гражданственность, патриотизм, Православие, семья, соборность.

3. В быту дети и молодежь в процессе общения со старшим поколением обеспечивалось нравственными идеалами и базовыми культурными ориентирами. Осуществлялась их идентификация с героями казачьих народных песен и казачеством в целом, принятие культурной роли, усвоение картины мира казачества, определяющей стереотипы поведения, осознание духовной самобытности казачества. Казачий музыкальный фольклор в бытовой среде являлся связующим компонентом казачьего менталитета, формой народной памяти об исторических событиях, закреплению и передачи социального опыта (бытовой культуры и боевых традиций), накопленного казачеством.

4. Освоение традиционных ценностей казачества, формирование сопричастности каждого представителя казачьего сословия к боевому прошлому войска, казачеству в целом осуществлялось посредством системы войсковых, полковых и сотенных праздников, символизировавших единство казачества. В этих праздниках соединялись официально-идеологические аспекты (молебен, торжественная речь, военный парад, вынос регалий) и компоненты традиционного быта (скачки, состязания, народные гуляния). Значимой частью данных праздников была музыкальная культура. Наряду с семейными, календарными обрядами, данные праздники способствовали осознанию подрастающим поколением казаков чувства единения с казачьей общиной (социальной солидарности), сопричастности личности единому ценностному миру казачества, регламентировали поведение казаков.

5. Порядок жизнеустройства в казачьих станицах был подчинен подготовке будущих казаков-воинов, готовых служить и отдавать жизнь «За Бога, Царя и Отечество». Освоению традиционных ценностей казачества способствовал весь уклад жизни казачьей общины, неотъемлемым и важнейшим элементом сложившегося порядка которого также была музыкальная культура казачества.

6. Историческое прошлое казачества свидетельствует об исключительно развитой музыкально-фольклорной среде, в которой воспитывалось подрастающее поколение казаков (музыкальная культура была неотъемлемой частью традиций, обычаев и обрядов, игровой и трудовой деятельности, системы войсковых и полковых праздников, системы казачьего образования). Находясь в постоянном соприкосновении с фольклором в его естественных, бытовых формах, дети осваивали народный музыкально-поэтический язык, постигали «плоть и кровь» традиционной культуры казачества, и усваивали картину мира казачества, его нравственные идеалы и систему ценностей.

7. В войсковых школах Оренбургского и Уральского казачьих войск осуществлялась духовно-нравственная преемственность поколений, транслировались ценности и нормы культуры казачества. Содержание образования в них отвечало специфическим задачам сословного воспитания, а комплекс организационных и социально-культурных мер был направлен на подготовку учащихся к предстоящей армейской службе, воспитание у них чувства гражданственности, патриотизма, гордости за принадлежность к казачеству, его воинские подвиги, сохранение и развитие казачьих сословных и культурных традиций. Кроме образовательных целей, данные школы были призваны готовить воспитанников к казачьей службе, развивая в

них воинскую дисциплину, соответствующие навыки, умения и качества характера. Музыкальное образование в данных учебных заведениях актуализировало воспитательный потенциал музыкальной культуры казачества. Устные предания, легенды и песни отставных офицеров, кавалеров Георгиевских крестов, посещавших станичные и поселковые школы, способствовали формированию у них базовых ценностей культуры казачества и позволяли юным казакам ощутить свою сопричастность к войсковому сословию.

8. Освоение подрастающим поколением казаков духовно-нравственных ценностей Православия осуществлялось в семье (основой воспитания в которой были православные каноны) и в станичных, церковно-приходских школах, кадетских корпусах и других учебных заведениях через обучение церковному пению, участие в богослужениях, знакомство с музыкально-духовными сочинениями отечественных композиторов.

9. В процессе воспитания и образования подрастающего поколения казаков Урала использовались учебные пособия, способствовавшие освоению детьми и молодежью традиционных ценностей культуры казачества: учебное пособие для станичных школ «В помощь школам и малолеткам казачьих войск» Д.Е. Серова, приложением к которому выступали военно-походные песни оренбургского казачества; «Сборник для чтения в форпостных училищах Уральского казачьего войска», состоящий из произведений наказного атамана и войсковых писателей.

Глава III.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ УРАЛЬСКОГО И ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ОСВОЕНИИ ДЕТЬМИ И МОЛОДЕЖЬЮ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

3.1. Особенности художественной культуры уральского и оренбургского казачества

В третьей главе раскрываются особенности художественной культуры казачества Урала, воплощающей традиционные ценности и идеалы данной субкультурной группы; выявляется ее педагогический потенциал в освоении современной российской молодежью традиционных ценностей; показывается, как культурные ценности уральского и оренбургского казачества отражаются, репрезентируются в его музыкальной культуре.

Народная художественная культура – сложное и многогранное явление. Помимо традиционных видов и форм художественной деятельности и ее результатов, она включает систему воплощенных в художественных образах базовых духовно-нравственных ценностей и идеалов народа, отражает его мировоззрение и миропонимание, содержит сложившиеся в этносе и передающиеся от поколения к поколению формы и способы создания, сохранения и распространения художественных ценностей, формы бытования произведений народного творчества.

В художественной культуре казачества наиболее репрезентативным элементом, воплощающим традиционные для казачества ценности, идеалы и нормы, является именно музыкальная культура, как форма народной памяти, средство сохранения и передачи бытовой культуры и боевых традиций казачества.

Песенный фольклор казачества, как первооснова его музыкальной культуры, современными культурологами рассматривается как кумулятивная база этнокультурной среды, компонент этнической и культурной идентификации средство познания этнической картины мира казачества, в структуру которой входят этнические константы и ценностные доминанты [163, 444, 445, 482, 483]. Именно «в песенном фольклоре казаков складывается... самобытный комплекс культурных репрезентаций» [163, С. 17].

Исходя из вышеизложенного, ниже будет представлена художественная культура казачества в ее музыкальном преломлении. Будут раскрыты интонационные, темпоритмические, стилистические и жанровые особенности музыкального фольклора уральского и оренбургского казачества, особенности исполнительской манеры, свойственной казакам Урала, специфика бытования казачьих танцев.

Наиболее раннее музыкально-фольклористическое собрание уральских казачьих песен, опубликованное в журналах «Русский вестник», «Библиотека для чтения», в работе «Уральцы. Очерки быта уральских казаков» (1888, 1910 гг.), принадлежит И.И. Железнову. Более поздние публикации осуществлялись в журнале «Яицкая воля», сборниках Железновых «Песни уральских казаков» [192], Н.Г. Мякушина «Сборник уральских казачьих песен» [394], которые были изданы в связи с 300-летием Уральского казачьего войска. Большой пласт песен уральских казаков содержится в сборниках собирателя русского песенного фольклора П.В. Киреевского и др. [153, 429, 642].

Значительную роль в активизации собирательской деятельности на Урале сыграл Н.Г. Мякушин, создавший программу для собирателей казачьего фольклора – учителей народных школ в войске, атаманов, фельдшеро́в, писарей и др. В его сборник вошли 162 песни и 18 стихотворений Уральского и других казачьих войск. В предисловии автор пишет о молодежи, которая остается «непосвященной», «чуждой своего родного», «а между тем, у нас на Урале очень много песен, так называемых местных, никому иному, кроме уральцев, не принадлежащих и ни до кого иного, опять-таки кроме уральцев, не касающихся ... песни эти должен знать и чувствовать каждый уралец, иначе он не уралец, не сын родного Горыныча¹⁰» [394, С. V].

«Песни уральских казаков» А. и В. Железновых¹¹ были итогом ряда поездок по станциям и поселкам Уральского казачьего войска в 1896-1898 гг. Основная идея сборника – сохранить, спасти от забвения уцелевшие сокровища народной поэзии: «с каждым днем старинные песни все более и более забываются, вытесняются другими – современными (солдатскими и фабричными), а иногда мотив переделывается или заменяется каким-либо другим, слышанным где-нибудь на стороне. Сохранить хотя бы часть того немногого, что осталось еще в памяти у некоторых казаков от той массы песен, которые пелись нашими предками» [192, С. 3]. Ценность сборника состоит в том, что авторы смогли записать и сохранить образцы древних жанров эпического характера – былин, исторических, балладных, лирических, военно-бытовых, тюремных, свадебных, колыбельных песен. Записанные «на слух», песни были гармонизированы в «русском народном духе» профессором Санкт-Петербургской консерватории А.А. Петровым и по стилю гармонизаций близки к сборникам М.А. Балакирева «40 русских народных песен» (1866 г.) и Н.А. Римского-Корсакова «Сто русских народных песен» (1876-1877 гг.), в которых соединяются условно-восточные и западноевропейские гармонические обороты с элементами русской песенной стилистики [641]. Данное издание стало предметом оживленной полемики. В «Уральских Войсковых Ведомостях» его редактор В. Бородин писал о том, что в нем лишь небольшой процент песен с верным мотивом, который не дает адекватного представления об особенностях музыкальной традиции уральских казаков, «той своеобразной мелодии, которой отличаются наши старинные песни». Причиной неверности мотивов он видел в певцах – запевалах, которые, «как молодежь, не точно знают мотивы своих родных песен, хорошо известных только нашим старикам–казакам». Также в заметке указывается на необходимость услуги фонографа, с которым следовало бы объехать все войско, записывая один и тот же мотив – «и в Гурьеве, и в Бударине, и в других станицах войска ...». Только тогда появится возможность уловить все оттенки данной народной традиции. «Старики умирают, а вместе с ними умирает и старинная песня, ... поэтому с этим делом нужно торопиться... В Гурьеве, в 1895 году, мне пришлось (В. Бородину) слышать трех стариков, певших «Яикушку» и замирать от удовольствия, а если послушать этого же «Яикушку» в наших хорах служивых казаков, то не получается почти никакого впечатления» [584]. Сборник был рассмотрен Художественным советом Петербургской консерватории под председательством Н.А. Римского-Корсакова и получил положительные отзывы. Свои рецензии и отклики представили Е.Э. Линева,

¹⁰ «Горыначем» уральские казаки называли реку Яик (Урал).

¹¹ А.В. Железнова – одна из первых женщин-композиторов, внесших определенный вклад в русскую музыкальную культуру к. XIX – нач. XX в. Ее муж – В.Ф. Железнов, по происхождению уральский казак, закончил Петербургский археологический институт, служил в казачьих частях Уральска и Петербурга, был членом Отделения этнографии Русского географического общества и Русского военно-исторического общества.

Н.И. Привалов и В.Ф. Миллер. Позже к сборнику обращались многие фольклористы, музыковеды и композиторы.

Современные записи музыкального фольклора уральских казаков опубликованы в сборниках Е.И. Коротина, О.Е. Коротина, В.М. Щурова [290, 291, 293, 429]. Его музыковедческий анализ содержится в исследованиях Т.И. Калужниковой [429], Е.И. Коротина, О.Е. Коротина [289, 290, 291, 292, 293]. В работе Б.П. Хавторина [604] он рассматривается в неразрывной связи с музыкальной традицией оренбургского казачества.

Самым распространенным фольклорным жанром казачества была песня. Особенностью ее бытования является сохранившаяся традиция исполнения песен хором, чему способствовало своеобразие бытового уклада жизни казаков – совместная жизнь в походах, сборах, выполнение сельскохозяйственных работ «всем миром» и т.д. [533]. Сольное исполнение присутствовало только в однопольных жанрах – колыбельных и плачах [290].

У уральских казаков существовала своеобразная манера пения: наличие в вокальном интонировании специфического «носового» призвука»; присутствие некоторых черт диалекта¹²; использование своеобразной формы глаголов мужского рода единственного числа прошедшего времени («выезжаил», «собираил»); существование тенденции к выравниванию гласных «под обций звук»; осуществление распевания слогов текста, игра гласными звуками («в поводу (ае)»), огласовка согласных («повыд (ы)»); присутствие в исполнении волевого накала, экспрессивности, энергичности, привнесения в любую слоговую музыкально-ритмическую форму элементов равномерной акцентности [183, 429].

Современные фольклористы отмечают: «манера пения уральцев – типично казачья – открытая, яркая, свободная, экспрессивная. Все голоса звучат в грудном регистре. Отличает казаков-уральцев энергичное, разудалое, неистовое исполнение, причем песен не только веселого и подъемного характера, но и протяжных, лирических, исторических, баллад. В этом, возможно, сказывается соседство с южными, более темпераментными народностями (татарами, башкирами, казахами)» [290, С. 13]. Многонациональный состав уральского казачества, особенности исторического развития войска повлияли на то, что даже в одной станице исполнение одной и той же песни может отличаться по манере пения и характеру исполнения [290].

Обратимся к особенностям многоголосия казачьих песен уральского региона. Здесь встречается: гетерофония (характерная для календарных обрядовых песен, распространенных в южных и западных областях); подголосочная полифония на двухголосной основе. Для уральских казачьих песен, как и для донских, сибирских и оренбургских, характерно органичное сочетание полифонического и вертикально-гармонического строя [290].

В отличие от донских казачьих песен, подголоски уральских казачьих песен в большей степени подчинены основному напеву. Высокий подголосок у уральских казаков, в отличие от донского дишканта, не обладает самостоятельностью. «Песня как

¹² За время существования Уральского казачьего войска сложился уникальный уральский диалект русского языка, в который входит ряд тюркских и монгольских слов. Данный диалект описан в работах В.И. Даля, И.И. Железнова, А.Б. Карпова и Н.М. Малечи. В.И. Даль писал: «У уральцев если и нет особого наречия (т.е. языка), то по крайней мере свой выговор. Уральца повсюду узнать с первых слов. Он произносит буквы н, д, р, т тверже и острее, почти как англичанин, говорящий по-русски» (Письма Даля, «Северная пчела. 1833 г., № 230, С. 920).

бы фонтанирует разными подголосками. Сменяя друг друга, голоса выводят орнаментальные фигурки, коленица, соревнуясь в умении импровизировать. От этого песня «бурлит», «кипит» и вот голоса сходятся в полный или октавный унисон (кульминация напева), который длится 6-7 долей» [290, С. 16]. Нижний голос выполняет функцию «скрытого баса». Его мелодическая линия опекает опорные ступени лада. Наибольшее развитие получает верхний подголосок, который украшает основную мелодию различными ритмическими и мелодическими рисунками. Если на Дону этот подголосок распевается без слов, но у уральских казаков он исполняется исключительно со словами. Яркой особенностью подголосочного многоголосия уральских казаков является полиритмия. В песенном тексте присутствует большое количество вставных слов, междометий, гласных, частиц, которые не несут смысловой нагрузки, но имеют большое значение в музыкальной организации песни [290].

Для песен уральского казачества характерны широкообъемные диатонические лады, что связано с взаимопроникновением различных песенных традиций, распространенных в европейской части России. Наиболее близкими к уральскому стилю в ладовом отношении являются сибирская и оренбургская казачьи традиции, что проявляется в широком распространении натуральных диатонических ладов миксолидийского, дорийского наклонения, натурального минора и мажора, ладовой переменности. Частым является смена параллельного мажора и минора, связанного в смене настроения содержания песни [290]. В отличие от других певческих стилей, в песнях уральских казаков каждый куплет песни, независимо от жанра, имеет сольный запев, в конце которого певец может оборвать мелодию на полуслове, после чего все голоса после сброса могут вступить одновременно.

Вслед за исследователем музыкальных традиций донского казачества А.М. Листопадовым [340], современные музыковеды делят песенные жанры казачества соответственно жизненному назначению на две группы: жанры «внешнего быта», связанные с условиями исполнения и содержанием поэтических текстов с воинской службой казаков (данные жанры представляют сферу мужского песнетворчества); жанры «внутреннего быта», отражающие особенности мирной жизни и деятельности казачьей общины (данные жанры исполняются как мужчинами и женщинами отдельно, так и смешанными ансамблями).

Для казачьей уральской традиции характерна жанровая контаминация. Например, в строевой песне «Молодцам казакам не о чем тужить» существует запевная часть в жанре строевой, а припевная часть переходит в жанр плясовой. Историческая песня «На Дарье мы долго жили» включает в себя строевую и плясовую части [290]. Особенностью является взаимопроникновение жанровых черт. Например, баллада «Вы не вейтесь черные кудри» включает в себя черты строевых песен «Встала проснулася зоренька алая», «Наши лихие уральские кони».

Центральное место в системе песенных жанров уральского казачества принадлежит жанрам «внешнего быта». Это лирические, лиро-эпические, исторические, военно-бытовые, баллады и песни с текстами литературного происхождения [429]. Данные жанры делятся на три музыкально-стилевых слоя: а) ранний, реализующий свойства традиционной крестьянской протяжной песни; б) поздний, связанный со стилем городской песенности; в) поздний, связанный с «моторными» прообразами и поздней инструментальной музыкой (строевые).

К песням раннего музыкально-стилевого слоя относятся лирические, лиро-эпические, исторические песни «внешнего быта», былины, относящиеся к жанрам «внутреннего быта».

Хранителями и творцами-исполнителями былин в уральской казачьей музыкально-песенной традиции были мужские хоры и ансамбли. Исполнители с детства вбирали в себя манеру и форму исполнения, свойственную предкам. Эта традиция передавалась «из уст в уста», от отцов, дедов и стариков-песельников. В связи со специфическими условиями жизни и воинской службы (военные походы, рыбные промыслы, служба на форпостах и пикетах), традицией хорового исполнения былин, сказительское мастерство у уральских казаков не получило должного развития. Эпические песни уральского казачества связаны с общерусской былинной традицией. Их особенностью, в отличие от севернорусской традиции, является сжатый, динамичный сюжет, минимум детализации и краткость формы. Наиболее популярным героем былинным героем у уральских казаков был Добрыня, посвятивший свою жизнь защите Родины. Былины в традиции уральских казаков представлены следующими сюжетами: «Добрыня и Маринка», «Отъезд Добрыни», «Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле», «Дюк Степанович», «Ставр Годинович», «Казак наезжает на разбойников», «Спор коня с соколом», «Устиман-зверь», «Индрик-зверь» [292].

Особенностью напевов протяжных песен уральских казаков является сочетание двух типов мелодики – «слоговой» (без распевания слогов) и «внутрислоговой» (с распеванием слогов), выразительность ритмически и темпово свободных декламационных сольных запева. «Слоговой» тип мелодики применялся в сольных запевках, а «внутрислоговой» – в ансамблевых разделах. Орнаментальность, которую приносят игра гласными звуками, огласовка согласных, мелизматические мелодические фигуры, является одной из колоритнейших особенностей мелодики песен уральского казачества [429].

Многоголосие протяжных песен образуется с помощью двух голосов. Особое внимание исполнители уделяли подголоску, что придает особую прозрачность звучанию. Т.И. Калужниковой отмечается ассоциативная связь многоголосия и орнаментированности мелодики протяжных уральских казачьих песен с фольклором тюркоязычных народов и инструментальной музыки туркмен, казахов и киргизов [429].

Былинные и лиро-эпические казачьи песни сюжетны. В центре – конфликтная ситуация, разрешаемая в процессе развертывания сюжета героями. Диалог и монолог служат развитию сюжета и раскрытию образа. Так, встречаются: диалог-обращение («Об отъезде Добрыни»); диалог-спор; диалог-насмешка («Спор сокола с конем»); косвенный диалог («Ставр»); многоплановый диалог («Отец с сыном на сенокос пошли»). Пример косвенного диалога можно проследить в «Ставре Годиновиче»: *«Как возговорит надежа Володимир-князь: «Уж и что же ты, Ставр, сидишь, не хвалишься, / Ты не хвалишься, Ставр, все улыбаешься? / Али не чем-то тебе, Ставру, похвастати?» / Как возговорит Ставр да таковы слова: / «Уж ты ласковый надежа Володимир-князь! / Уж дозволь ты мне, надежа, слово вымолвит, / Слово вымолвить, боярам правду сказать: / -Уж вы, глупые бояре, неразумные, / Да вы сильные, могучи неразсудливые! / Да нашли же чем бояре похвалятся, / Да нашли же вы чем могучи величатися / Да кто бы из вас какой город брал? / Да кто бы из вас каку силу отогнал?»».*

Встречаются различные виды монолога: монолог-обращение; монолог-переживание («Уж конь ты наш серый»); монолог-раздумье, размышление (былина «Казак наезжает на разбойников»); монолог-наказ; монолог-насмешка; монолог-оправдание и т.д. (Е.И. Коротин). Пример монолога-обращения можно увидеть в былине «Как доселева про Киян-море не слыхано», когда Добрыня Никитич обращается в Илье Муромцу: *«Ты названный брат Ильа Муромец. / Вынь из налучня свой тугой лук, / Наложика свою каленую стрелу / Убей сиза орла во белу грудь»*. В одной из былин Добрыня обращается к коням: *«Уж вы, гой еси, мои кони добрые, / Кони добрые, все иноходные! / Сослужите мне службу недельную и неближнюю...»* [191, С. 230]. Данный мотив обращения к коню – один из самых популярных в казачьем фольклоре. В обряде проводов на службу исполняются песни, содержанием которых является просьба-обращение матери к коню о том, чтобы он сберег сына на поле брани: *«Уж конь ты наш серый, / Конь сероопегий, / Не покинь ты млада-выюноша, / Сына мово милова. / Не дай ты взять верху над собой / Коню басурманина. / Вывези мово сына / На родимую сторонку»* [191, С. 101]. Некоторые исследователи предполагают возможность исполнения былин во время казачьих проводов на войну [642].

Основные промыслы уральских казаков (охота, рыболовство) нашли отражение в былинах – в былине «Харко» упоминается «Яик-реченька», «рыба красная, пужливая, прихотливая» [191, С. 131].

Поэтические сравнения выявляют отношение к герою: «Дюк сидит на добром коне, как ясный сокол», «Добрый конь, что лютый зверь». Эпитеты характеризуют образ – «ретиво сердце», «бела грудь», «очи ясные», «сильный могучий богатырь» и т.д. [293].

К мужским песням *второй стилевой группы* относят поздние лирические, баллады, песни с текстами литературного происхождения. Популярными в казачьей среде были переделки литературных произведений XVIII-XIX вв.: С.Т. Аксаков «Уральский казак», А.Н. Амосов «Хас-булат удалой», П.Г. Горохов «Изменница», Е.П. Гребёнка «Казак на чужбине», В.А. Жуковский «Кольцо души девицы», А.В. Кольцов «Последний поцелуй», В.В. Крестовский «Ванька-ключник», А.Ф. Мерзляков «Среди долины ровныя», Н.А. Некрасов «Катерина», Н.С. Никитин «Ехал из ярмарки ухарь купец», М.И. Ожегов «Меж крутых берегов», «Колечко», «Отворите окно, отворите», А.С. Пушкин «Под вечер осенью ненастной», «Черная шаль», И.З. Сурков «Казнь Степана Разина» и др. Данные переделки песен и романсов известных русских поэтов проникали в казачью культуру различными путями. Их перенимали от казаков, возвращавшихся с внешней службы, через выходцев из центральной России – торговцев и ремесленников, заселявших казачьи станицы, через крестьян близлежащих губерний, нанимавшихся к казакам на сенокос и т.д. [304]. Общеизвестна песня литературного происхождения «Уральское войско» А.Б. Карпова. Она стала поистине народной: *«На краю Руси обширной, / Вдоль Урала берегов, / Проживает тихо-мирно / Войско кровных казаков / Знают все икру Урала / И уральских осетров. / Только знают очень мало / Про уральских казаков»*¹³.

¹³ В среде оренбургского казачества был распространен другой вариант текста: *« На краю Руси обширной, / Вдоль Урала берегов, / Проживает тихо, смирно / Войско храбрых казаков / Они живут вокруг Урала, / Ловят рыбу осетров, / Только знают очень мало / Про оренбургских казаков. / Было нас бы тысяч сорока – / Мы не хуже бы донцов, / - Золотник хоть мал, да дорог / - Поговорка стариков. / Наши прадеды и деды / Со времен были Петра, / Они маху да не дали, / И Россию сберегли»*.

Она представляет собой яркий пример казачьих музыкальных традиций: многоголосная фактура, сольный запев и хоровой подхват, большой звуковой объем, ладовая переменность, трихордовые попевки, текстовые словообрывы, огласовка [604].

Строевые песни, относящиеся к *третьей музыкально-стилевой группе песен «внешнего быта»*, исполнялись в строю во время походов, военных смотров и учений [292]. Они служили для того, чтобы поднимать воинский дух казаков перед боем и снимать усталость во время многоверстных переходов [218]. В группу строевых песен входят исторические, военно-бытовые песни и баллады. Они связаны с условиями своего исполнения: «пешие» («пехотные») поются «под шаг»; «кавалерийские» – поются под ход коня. Одна и та же песня могла бытовать и как «пешая», и как «кавалерийская», что зависело от темпа и характера ее исполнения.

Темпоритм данных песен обусловлен физиологическими факторами – частотой дыхания, характером телодвижений всадника и коня или пешего война. Темп в этом случае является началом, организующим движение. Ритм и темп регулируют в этих песнях процесс их исполнения. Воинским песням свойственна мерность ритмической пульсации, ясное структурное членение мелостроф, чеканное произнесение слов, что снимало страх, психически расковывало и вселяло в воинов боевой дух [483]. Некоторые исследователи [290] указывают на вытеснение в песнях военной тематики ритмическим началом мелодического. Т.С. Рудиченко указывает на фатическую функцию темпа и ритма, которая проявляется в объединении, сплочении, моторном контакте воинов [483].

Источником данных темпо-ритмических особенностей называют как близость хороводным и плясовым песням, так и кантам – ансамблевому жанру, распространенному в России, Украине и Белоруссии в XVII-XVIII вв. [239]. В песенном пласте, связанном с темами службы и быта казаков, который был сформирован в период XVIII – начале XIX вв., основной стилистической базой является кантовость. Причем, с кантами ассоциируются как ритмическая организация строевых песен, так и конкретные ритмические фигуры. Это признак оригинального казачьего песенного стиля [429].

Звуковысотная организация строевых песен гармонична – движение мелодии осуществляется по звукам аккордов в их тесном расположении. Существует опора на терцово-трезвучную вертикаль, но аккорды представлены не в полном виде (например, развернутое трезвучие без терции или без квинты, сектаккорд, октава с надстроенной терцией и т.д.). Существует много песен, в которых мелодия опекает доминантсептаккорд, но в вертикальном изложении данный аккорд не встречается [290]. То есть мелодическое развитие осуществляется типовыми гармоническими оборотами, что определяется близостью к кантам, воспринявшим ладовые принципы русско-украинского фольклора и европейской профессиональной музыки, и к гармошечным и балалаечным наигрышам [429]. Многоголосие строевых песен организовано: с подголоском (нижняя партия исполняется в унисон или в терцию несколькими певцами); без подголоска (верхний голос – главный, нижний – основа гармонии).

Функциональная гармония строевых и походных песен уральских казаков ограничивается, в основном, функциями S, D, T. Так, например, в походно-строевых песнях «Встала, проснулася зоренька алая», «Наши лихие уральские кони», исторической строевой «На Дарье мы долго жили» осуществляется нисходящее движение мелодии запева по звукам D, которое затем разрешается в I ступень. Казачьи

традиции Урала, Сибири, Дона и Оренбуржья сближает гармоническая последовательность, которая лежит в основе многих песен – D-T-D-T-S-T-D-T [290].

Особенностями строевых казачьих песен также является: исполнение нескольких текстов с одним напевом (мелодией); пение в строю песен других жанров (например, плясовых).

Арсенал используемых средств выразительности в эпических песнях уральского казачества довольно большой – противопоставление, символика, поэтические сравнения, эпитеты, метафоры и т.д. Примеры использования символики: «разорвавшаяся узда», «распаявшееся кольцо», «част-ракетов куст», «млад-сизой орел», «бела рыбаца», «черный ворон», «сера утица», и т.д. В лироэпической песне «Уж вы горы мои, горы высокие» символика достигает особого лиризма: *«...Никто к телу тому не подступится, / Прилетали только три ласточки, / Как три ласточки, три касаточки. / Как и первая ласточка – его родна матушка, / Вторая ласточка – родная его сестрынька, / Как и третья-то ластынька – его жена. / Первая ластынька плачет, как река быстра течет, / Вторая ластынька плачет, словно с гор ручьи текут, / Третья ластынька плачет, словно утренняя роса...»*.

Особое место в фольклоре уральского казачества занимают разбойничьи песни. Наибольшее свое распространение они получили на Дону и Волге, где они создавались беглыми людьми. На Урале также существуют примеры подобных песен. Имея независимый и решительный характер, они раскрывают исторические аспекты жизни казачества, промышлявшего, первоначально, разбоем.

К песням «внутреннего быта» относятся былины и былинные песни, рассмотренные выше. Еще одним жанром музыкального фольклора уральского казачества являются духовные стихи, интегрирующие в себе фольклорные и православно-культовые певческие традиции («Ходил старец по пустынюшке», «Уж вы, голуби»).

Обрядовый фольклор у уральских казаков занимает, в отличие от фольклора других локальных казачьих традиций, периферийное положение [429].

Традиционный календарь уральских казаков как целостный годовой фольклорно-этнографический цикл, к сожалению, до нас не дошел. Сохранились лишь отдельные песни тех праздников, которые продолжали бытовать в советское время и которые возрождаются сегодня. К календарным и обрядовым песням относятся: трудовые, покосные, жнивные, песни весеннего периода (заклички, веснянки), колыбельные песни и др. Так, Зимние святки начинались с обхода юношами, девушками, мальчишками и девчонками дворов и изб. Они исполняли «божественный стих» – рождественский тропарь «Рождество Твое, Христе Боже наш» и др., за что им подавали угощения. В новый год исполнялись «посевальные песни» («Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю») и «сеялась» (разбрасывалась) пшеница. Молодежь и дети надевали яркие одежды, украшали их лентами, цветами и монистами. Носили на шестах изображение солнца, а также Вифлеемскую звезду – символ Рождества, чем показывали, о какой яркой и красивой жизни они мечтают. Во время Крещения молились, затем шли на речку, где во льду прорубали прорубь в виде креста, и купались в ней, пили освященную воду. На Масленицу строили снежные городки, надевали маски старика, старухи, медведя, козы, волка (так называемые «харюшки»), катались на лошадях и собаках. Еще одним развлечением были «Рыбачьи челны» – ряженые садились в старые лодки,

привязанные к лошадиным хвостам, и разбрасывали сети, в которых барахтался человек, изображавший осетра [429]. В *День весеннего равноденствия* дети и подростки закликали весну: пекли из теста жаворонков, вставали на крыши домов и пели: «*Жавороночки, прилетите-ка, / Красно лоточко принесите-ка, / Холодну зиму унесите-ка, / Нам зима надоела, / Все сенцо переела*» [293].

Интерес представляет *свадебный обряд уральских казаков*. В его основе лежит южнорусский тип свадьбы [153, 429]. Отличие составляют отдельные местные элементы и общий веселый тон свадьбы, что связано с социальным положением и историческими судьбами казачества, их нравственно-бытовыми и семейными традициями. Женщины-казачки, на чьи плечи ложились семейные заботы во время военных походов и рыбных промыслов мужей, пользовались большим уважением и семейными правами. Девочек-казачек даже называли «родительницами», а жен – «любящими». Девушки-казачки имели право сами выбирать себе мужа, а браки совершались, в основном, по любви. Казачий свадебный обряд включал в себя следующие элементы: сватовство – «просватанье», «смотрины», «запой», «сговор», «рукобитель»; приготовление к свадьбе – девичник, баня (здесь происходила сцена «деления косы» – расплетения у невесты косы, символа ее молодости, после чего косы уже укладывались на голове казачки двумя рядами венцом и покрывались головным убором – платком, сорокой или плахой; песни, сопровождающие этот обряд, напоминали плачь; приезд поезда в дом невесты и привоз каравая (ритуального символа девичества); встреча молодых после венца у жениха, привоз приданого (здесь исполнялась песня «Ой, вьюн над водой», когда жениху предлагают сначала коня, потом «сундук с добром, с золотым замком», а жених отвергает это все словами: «Это не мое, и не суженое, и не ряженое!»), и лишь когда ему выводят невесту, он соглашается: «Это все мое! Мое суженое, мое ряженое!»); пир у жениха, «поклон», «похмелье». Традиционный свадебный обряд как целостное действие в казачьей среде уральцев сегодня не бытует, он распался. Сохранились лишь его фрагменты – сватовство, большой пир в доме жениха и малый пир в доме невесты.

Свадьбы у уральских казаков справлялись очень пышно, гуляли по неделе. Песни же во время свадеб звучали в станицах сутками [599]. Песни, звучавшие на казачьих свадьбах – в основном, беседные (способствующие единению семьи), лирические, «припевки» и «скоморошины» (плясовые). В них пелось, в основном, об удалом добром молодце, они наполнены социальными мотивами. В них много юмора и сатиры.

В казачьей среде бытовали, наряду с собственно казачьими, и песни общерусского фольклора – общеизвестные русские плясовые «Во лузях», «Во кузнице», «Уж вы, сени мои, сени», «Как на Волге-реке, да на Камышенке», «У нас-то было на батюшке, на тихим Дону», «По морю было, морю синему», «Помутился, возмутился наш славный тихий Дон», «Того месяца сентября» и т.д. [429, 642].

Таким образом, песенная традиция уральского казачества – это часть общерусского фольклора. В ней существует четкая дифференциация мужских и женских жанров. Ядром, фиксирующим ключевые признаки, являются мужские жанры. Стилизованными доминантами, в которых формируются ритмические, ладомелодические, тембровые, фактурные модели, которые распространяются на другие жанры, являются «моторная» строевая песня и протяжная.

Казачьи песни отличают особенности ритма, которые определяются физиологическим и артикуляторным ритмом всадника и хода коня или ассоциацией с ним. Именно это служит прообразами ритмических структур казачьих песен. Также важны в восприятии ритма слуховые и кинестетические ощущения. Регулятором ритма служат разнообразные рисунки ударов копыт, их равномерный цокот, толчки и раскачивание тела (что было связано с ходом коня). Темп и ритм являются важнейшими факторами индивидуализации казачьей певческой традиции [483].

Самобытность музыкального фольклора уральского казачества проявляется также в тематике, отражающей условия исторической, социально-экономической жизни, нравственно-бытовых устоев, казачьего мировоззрения, мироощущения и их бытовой культуры [290].

Перейдем к бытованию в казачьей среде казачьих танцев. Исследователи [527] отмечают, что потребность казачьих общин в песенных жанрах была значительно выше, чем в инструментальных и танцевальных, что характерно для всех локальных казачьих традиций. Если доминирование мужских ансамблевых и хоровых песен было обусловлено «потребностью в воинской идентичности, выступало знаком солидарности, взаимопомощи, мощной коллективной силы», то представление о танце как об элементе праздника препятствовало его активному развитию, так как «в этом значении танец не вписывался в военизированную культуру казаков [527, С. 2].

На Кубани в казачьей среде бытовали военные игры, представлявшие собой синтетические действия, в которых воедино сливались элементы военной (боевой) гимнастики, скачек, пешего хода, джигитовки, совместные маневры детей и молодежи со взрослыми казаками, возгласы и пение, рубка, драматические элементы и танец. В процессе своего бытования на различных казачьих общественных празднествах, соревнованиях в джигитовке, в скачках на конях, бытовали танцы в честь победителей, которые исполнялись большим количеством участников, но с включением сольных танцев. Это были танцы, по своей форме близкие к плясам-сюитам, включающим сцены народных праздников, соревнований, возвращения казаков из военных походов [626]. Пляс в казачьих войсках Юга России жил повсеместно: дома он гармонично вплетался в казачий быт, в станичные и войсковые праздники. Во время сражений бывали случаи, когда казаки под музыку, с пляской ходили в бой. Казачья хореография являлась не только атрибутом традиционно-бытовой культуры, средством физического воспитания, но имела и военно-профессиональную направленность, которая дополняла военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения казаков [273]. Практикуясь в плясе, у казаков вырабатывались необходимые двигательные навыки, выносливость и, в конечном счете, характер. «Сольный мужской казачий танец становился источником получения воинской энергетической подпитки... Мировая практика знает сотни примеров того, как танец использовался в качестве подготовки к военным действиям, тренировки тела и специфических телодвижений [527, С. 2]. «Лезгинка», исполнявшаяся с быстрыми движениями и жестами, иногда с обнаженными кинжалами, давала казакам возможность развить навыки владения холодным оружием. «Гопак», в котором видна боевая первооснова, давал навыки самообороны без оружия. Многие элементы движений народной мужской казачьей пляски передают характер езды на лошади. Так, например, танцевальные движения «галоп», «лампасы», «галоп внизу» напоминают скачку на лошади, другие движения в пляске являются подражанием джигитовке.

Популярнейшим танцевальным элементом казачьей хореографии является пляска «в присядку», что связано с боевыми ситуациями столкновения всадников и пехотинцев, в процессе которой и осуществляются способы боя в присядку. Во время битвы всадники нередко теряли коней. Жизненной необходимостью тогда было продолжить драться и вернуть инициативу в свои руки. Здесь и появлялась необходимость навыков боя в присядку, включающего в себя четыре основных уровня: кувырки, применявшиеся как способ перемещения и самостраховки при падении; ползунки – вид перемещений на корточках и четвереньках, из которого можно наносить удары, прыжки (удары и подсечки ногами, руки в это время дают дополнительную опору либо держат оружие); можно было проскакать под брюхом вражеского коня с саблей на плече и убить коня (что было редкостью, поскольку конь стоил больших денег и считался богатым трофеем) или нанести всаднику удар оружием или сдернуть его с седла, покалечить; удары (преимущественно ногами, поскольку в руках находится оружие) и передвижения стоя; прыжки и колеса [626].

На Урале в казачьей общине бытовали старинные, русские и украинские танцы «Русская», «Казачок», «Журавль», «Круговая», «Метелица», «Трепак», популярные европейские танцы XIX в. кадриль, полька, городские танцы, танцы городского происхождения «Деревенский вальс», «Краковяк», «Золотистый танец», круговая полька, «Казачек» и «Карапет» [429].

Остановимся на инструментальной музыке, бытовавшей в казачьей среде. Одним из самых популярных в казачьей среде инструментов была гармонь (иногда с колокольчиками). Также находились в употреблении дудочки, свирели, пищики, бубны, трещотки, балалайка, скрипка, некоторые из оркестровых военных инструментов, кларнет, флейта, медные духовые. Также для музыкального сопровождения использовались предметы домашнего обихода: валики для глажения белья, гребенки, ложки и др. [319]. Уникальным представителем семьи народных инструментов у казаков являлась донская лира (по местному «рыле» – переделанное от «лиры» или «гудок», получивший это название в связи с постоянно звучащей третьей струной-баском, к которой не прикасаются «ребра ладов», которая поэтому только «гудёт»).

В 1711 г. указом Петра I было введено положение о «Военных хорах музыки»¹⁴, узаконившее статус хоров в полках и их штатную структуру. Каждому пехотному полку предписывалось иметь небольшой состав музыкантов – одного гобоиста-иностранца и восьми гобоистов русских [441, С. 590-621]. Музыкально одаренные воины служили певчими в составе войсковых капелл, исполняя певческие обязанности наряду с воинскими [482]. Именно в это время началось развитие военно-оркестровой службы в России. Во время правления Екатерины II увеличивается штатная численность военных оркестров, широкое развитие получает главный жанр военной музыки – марш. При императоре Павле I возрастает роль сигнальных и ударных инструментов. В XIX в. взгляды военной администрации на роль музыки в армии отражались в положениях о войсковых хорах. В разное время изменялся их численный состав, сроки службы, размеры довольствия и т.д. [482]. В это время вводятся изобретенные В.В. Вурмом хроматические медные инструменты, вследствие чего расширяются их исполнительские возможности [261, 367].

¹⁴ «Военными хорами музыки» называли в XVIII-XIX вв. военные оркестры.

Великие русские полководцы и военачальники Петр I, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, П.И. Багратион, М.Д. Скобелев и др. придавали участию музыки в сражениях большое значение, видели в строевой музыке важный элемент организующего, эмоционального воздействия на солдат. А.В. Суворов говорил: «Музыка удваивает, утраивает армию», «Музыка в бою нужна и полезна, надобно, чтобы она была самая громкая. С распущенными знаменами и громогласной музыкой я взял Измаил». По мере возможностей, русские полководцы создавали музыкантские команды, духовые оркестры не только в армейских, но и в казачьих полках Дона, Терека, Урала, Оренбуржья и т.д. [516].

В связи с начавшейся в 1862 г. реформой русской армии был затронут вопрос о положении военных оркестров, который обсуждался в одном из комитетов, созданных для разработки конкретных мер по реорганизации армии. В результате, «признавая музыку необходимой... для поддержания в нижних чинах бодрости и воинского духа», было предложено «усилить средства для содержания ее, приготовления учеников и найма капельмейстеров» [571, С. 63].

В 1866 г. в школах солдатских детей из числа наиболее способных в музыкальном отношении воспитанников предписывалось готовить для замещения вакансий музыкантов в своих частях. То есть, можно говорить о зарождении традиций профессионально ориентированного музыкального образования, осуществлявшегося в общеобразовательном учебном заведении [263, 498].

В 1870 г., в целях поддержания высокого уровня музыкантских хоров в гвардейских войсках, было разрешено иметь 10 человек вольнонаемных музыкантов из числа уволенных в запас или в отставку, а в 1872 г. – и из иностранных подданных. Русское музыкальное общество, заботясь о подготовке военных музыкантов и «оживлении» музыкально-культурной жизни в отдаленных местностях России, в конце 60-х годов обратилось к Военному Министерству с предложением организовать подготовку военных музыкантов при музыкальных школах отделений Русского музыкального общества, Петербургской и Московской консерваториях [402].

В XIX в. в русской армии пристальное внимание начали уделять состоянию сигнальной службы, которая была связана с организацией и методикой обучения войск. В обязанности сигналиста входило знание всех положений и уставов, порядка проведения всех церемониалов, поэтому обучение и подготовка сигналистов и барабанщиков занимали много времени [402]. В казачьем музыкальном фольклоре Южного Урала до наших дней дошла песня: *«Вспомним, братьцы, мы, кубанцы, / 21 сентября да как дралися / Мы с поляком от рассвета до темна / Ой, да как дралися мы с поляком / От ... рассвета до темна / С нами музыка играла, / Барабаничик громко бил. / Ой, да, с нами музыка играла, / Барабаничик громко бил / Да сигналисты заиграли...»* [234, С. 99-100].

Для подготовки трубачей в некоторых полках казачьих войск были сформированы «трубаческие сотни». Так, в утвержденном «Положении о трубаческой сотне Донского учебного полка» указывалось, что «сотня учреждена для обучения положенных по штатам Донских полков трубачей правильному игранию на трубах сигналов» [617, С. 36].

Частью музыкальной культуры уральского казачества являлся войсковой оркестр, который прочно вошел в жизнь столицы Уральского казачьего войска, способствуя культурному росту казачества. В его репертуаре были сочинения

Штрауса, увертюра к опере «Сорока-воровка», серенады Ф. Шуберта, «Камаринская» М.И. Глинки, фрагменты оперы Крейцера «Ночлег в Гренаде», увертюра из оперы «Фенелла» Д. Обера, «Кадриль-Мария» Фюрстно, водевили и т.д. Кроме этого, в репертуаре оркестра были сочинения и самого маэстро В.А. Бодэ – марш «Приветствие Оренбургу», вальс «Уральский вокзал», «Серенада», «Галоп Уральской пожарной команды». К сожалению, ни одно них до наших дней не сохранилось.

Оркестр часто выступал в драматическом театре, построенном по распоряжению наказного атамана А.Д. Столыпина. Им же было написано либретто и музыка (совместно с А.С. Даргомыжским) к оперетте «Кетти и Бетти», которая была поставлена на уральской сцене. Одну из ролей играл сам автор, остальные – любители из казаков и иногородних. Вот как описывалась музыка к оперетте в «Уральских войсковых ведомостях»: «Увертюра оперетты, прекрасно оркестрованная уральским капельмейстером Бодэ, начинается мотивом, который напоминает собою всем известные грациозные мелодии швейцарцев, в конце увертюры мотив этот утихает и оканчивается уже на сцене ...такую музыку, как музыка этой оперы, не скучно услышать даже в провинциальном театре, и потом во всех ариях сохранены чрезвычайно верно основанный мотив, несмотря на его многочисленные варианты... не можем забыть сильный баритон Л.М. Назарова, который пел партию Альберта» [575]. Сценическое искусство и музыка, по мысли автора журнальной заметки, «приучали уральскую публику к эстетическому удовольствию» [583]. Н.Ф. Савичев также писал об оркестре: «Теперь благородное собрание находится в цветущем состоянии и составляет необходимую потребность обществу. Оркестр, под управлением г. Бодэ, превосходит и превышает достоинством своим оркестры очень многих губернских городов, благодаря знанию дела капельмейстера и поддержке со стороны наказных атаманов» [577]. Вся городская культура того времени вращалась вокруг театра, где проводились светские рауты в войсковом собрании, отдельные концерты в благотворительных целях и т.д. Все эти мероприятия не мыслились без оркестра.

Нельзя не упомянуть об одном факте, когда в музыке, исполняемой уральским военным оркестром, слились верноподданнические и патриотические чувства, наполняющие сердца уральских казаков. 4 апреля 1866 г. на императора Александра II в Петербурге было совершено покушение. Уральские казаки были потрясены этим событием. Откликом этого стал спектакль, поставленный силами местных любителей, перед которым был исполнен государственный гимн страны. Вот как это событие описывается в «Уральских войсковых ведомостях»: «Взвившийся занавес открыл поставленный на сцене и украшенный красивыми гирляндами портрет Государя Императора; народный гимн, исполненный войсковым оркестром под руководством г. Бодэ, вызвал единодушные рукоплескания и при громких «Ура!» за долгоденствие нашего великого Императора был повторен два раза» [576].

Более 20 лет хор и оркестр Уральского казачьего войска считался лучшим коллективом Оренбургского края. В 1868 г. этому оркестру была оказана честь участвовать в торжественных мероприятиях, связанных с приездом в Оренбург князя В.А. Романова. Оркестр сопровождал князя во всех официальных мероприятиях: встреча, посещение театра, закладка гражданской гимназии и т.д. Газеты того времени писали: «Оркестр уральской казачьей музыки прекрасно исполнял весьма трудные пьесы и особенно хорошо «Камаринскую» Глинки...вспомнить, что каких-нибудь 100 лет назад

деды уральцев-музыкантов составляли необузданную свирепую вольницу яицких казаков... Нельзя не удивиться, что теперь потомки их услаждают даже самое изысканное музыкальное ухо прелестными, нежными мелодиями Глинки, Шуберта, Вьетана и других современных художников музыкального искусства... Капельмейстер оркестра К. Боде удостоился получить от Его Высочества подарок» [486]. Войсковой оркестр был не только участником военных парадов, смотров, и торжественных приемов. Его функции выходили далеко за рамки служебно-строевой деятельности. Своим творчеством он способствовал развитию на Урале военно-музыкальной культуры.

Перейдем к описанию музыкальной культуры оренбургского казачества. Первые примеры записи песен оренбургских казаков относятся к началу XX в. Это сборники А.И. Мякутина (1904, 1905, 1906, 1910 гг.) и Ф.Н. Баранова (1913 г.). Описание музыкального фольклора оренбургского казачества содержится также в работах И. Тихомирова (1912 г.) [562], А. Кривошекова (1915 г.) [305, 306, 307], И. Крашенинникова [304].

А.И. Мякутин, казачий офицер, посещавший по делам службы станицы Оренбургского казачьего войска, занимался сбором казачьего фольклора – песен, преданий и обрядов казаков. Ему были выделены средства на издание собрания песен оренбургского казачества, целью которого являлось сохранение «в памяти потомства» исторических песен оренбургских казаков «в том виде, в каком они поются поныне» [393, Т. 1, С. 1]. Всего было выпущено 4 тома: I том (1904 г.) содержал исторические песни – начиная с посвященной царю Ивану Грозному, заканчивая войной с Японией; II том (1905 г.) включал былевые песни (здесь же была впервые напечатана песня «Атаманушка», ставшая впоследствии гимном для белоказаков и эмигрантов из Оренбургского казачьего войска); III том (1906 г.) состоял из бытовых песен; IV том (1910 г.) включал песни обрядовые, духовные стихи, апокрифы, заговоры, очерки обрядов и т.д. Общая редакция издания принадлежит начальнику штаба Оренбургского казачьего войска генералу барону Ф.Ф. фон Таубе, впоследствии – оренбургскому губернатору и наказному атаману Оренбургского казачьего войска. Песни, собранные А.И. Мякутиным, публиковались в газетах и служили примером нравственности и патриотизма для молодежи.

Как указывалось выше, музыкальный фольклор оренбургского казачества рассматривается современными исследователями как отдельно (Н.М. Савельева) [489], так и в связи с музыкальной традицией уральского казачества (А.В. Глинкин, А.И. Лазарев, Б.П. Хавторин) [153, 604]. При безусловном родстве данных традиций, связанных с территориальной близостью и совместными военными походами, в песенной традиции оренбургского казачества присутствуют индивидуальные особенности: социально-историческая избирательность, связанная с особенностями исторического развития войска и ментальности оренбургского казачества (малую распространенность получили песни вольницы и песни о С. Разине и Е. Пугачеве, и, наоборот, большую популярность получили сюжеты, характерные только для оренбургского казачества и др.). Также здесь бытовали песни донского казачества (так как на Урал были сосланы донские казаки, не повиновавшиеся приказу о переселении на Кавказскую линию); кубанского и терского казачества (в связи с совместными походами); общерусские песни.

Конкретные условия формирования казачьих групп отразились на манере пения: в казачьих группах, возникших стихийно, манера исполнения отличается

«размашистостью» в системе украшения мелодии, в многоголосии, принципах сочетания голосов в ансамблевом исполнении, в произнесении песенного текста и подаче звука [489].

Жанровый состав песен оренбургских казаков многообразен. Это семейно-бытовые, календарно-земледельческие, хороводные, плясовые, исторические, эпические, протяжные. Повсеместное развитие получили песни, сопровождавшие проводы и возвращение казака на службу, боевые, строевые, разбойничьи, гулевые, штатские, детские песни, духовные стихи, песни бродяг и вольных людей [604].

Как и в фольклоре уральского казачества, уникальнейшим и самобытнейшим элементом жанрового ядра которого является протяжная песня. В фольклоре оренбургского казачества она также занимает главное место. Для данной региональной традиции характерен контраст быстрого речитативного сольного запева и очень «растяжной» хоровой части. Часто хоровая часть повторяется внутри строфы, что еще более увеличивает протяженность музыкально-поэтической строфы. Эти песни рассказывают о расставании с Родиной, о различных военных событиях, тяготах службы и походной жизни, тоске по дому, разлуке с любимыми, семьей, смерти на чужбине и т.д. [489].

Одним из старинных жанров являются эпические песни, излюбленными персонажами которых были богатыри Добрыня Никитич, Ставр Годинович, Владимир Красное Солнышко, Мастрюк Темрюкович.

Музыка оренбургского варианта былины о князе Мастрюке Черкасском синтезирует в себе стилевые особенности местного этноса: однострочная форма напева, строгий декламационный склад, однообразная мелодия, особая ритмика (синкопы, триоли, пунктир) сочетаются с типичным для казачьей традиции сольным запевом и хоровым подхватом. Также в оренбургском варианте главный персонаж переименован из Мастрюка в Кострюка Кострюковича, а борцы Мишка и Потанька в Андреев Андреевичей. Былина рассказывает о поединке Кострюка с братьями из галичного ряда [604].

Несомненный интерес представляют исторические песни оренбургского казачества, отражающие события, связанные с российской историей, историей Оренбуржья и казачьей общины. В среде оренбургского казачества встречаются сюжеты, характерные только для данной музыкальной казачьей традиции. Так, одним из людей, симпатией к которому проникнуты ряд песен, является Александр I. («Смерть Александра первого», «Как поехал наш царь Александр») [153]. Если в донских и уральских вариантах данной песни существует нейтральный тон: *«Вот по Питерской дорожке / Молодой курьер бежит / Молодой курьер бежит / - Помер, помер царь наш Александр, / В Таганроге жизнь скончал, / В Таганроге жизнь скончал»*. В фольклоре оренбургского казачества звучит неподдельная печаль: *«Как по Питерской дорожке, / По Московской столбовой / ...Ты постой-ка, погоди, / Всю нам правду расскажи. / Вы снимайте цветно платье, / Надевайте черноту / Надевайте черноту / Всю вам правду расскажу / ...Всю вам правду расскажу. / Как царь наш Александр / В Таганроге жизнь скончал... / Как двенадцать генералов / На главах царя несли. / Как двенадцать-то министров / Царско знамечко несли / А двенадцать есаулов / Ворона коня вели. / Развороний его конь / К земле голову клонил»* [153].

Кроме того, только в фольклоре оренбургского казачества мы найдем примеры песен о генерал-майоре Степцове – герое походов в Среднюю Азию; есауле Падурове,

ведущем оренбургских казаков против турецкого султана («Полк Падурова в походе»); полковнике Белякове, командире одного из полков, участвовавших в войне с Наполеоном и погибшего под Парижем; князе Иловайском, («Князь Иловайский проиграл Дон»).

В музыкальном фольклоре оренбургского казачества присутствуют песни вольницы («За Уралом, за рекой»), песни о С. Разине и Е. Пугачеве («Стенька Разин», «У нас то было братцы, на тихом Дону», «Вниз по матушке, по Волге», но, по сравнению с фольклором уральского казачества, их меньше, что связано с особенностями исторического развития войска. Песни, связанные с образом Пугачева в музыкальном фольклоре оренбургского казачества представляют его неоднозначно. С одной стороны, он – «атаман», «родной батюшка», «добрый молодец». С другой стороны, Пугачев – «вор-собака». Песня «Нас пугали пугачем» интересна своими ладовыми особенностями – бесполутоновыми трихордовыми попевами, что характерно для русской музыки. Данная часть пентатоники (в последовательности большая секунда – малая терция) придает данной мелодии азиатский колорит.

Также героями песен оренбургских казаков являются Петр I, Ермак, Суворов, Кутузов, Румянцев, Скобелев и другие русские полководцы. В исторических песнях описываются исторические события, в которых участвовали оренбургские казаки: набеги киргиз-кайсаков («Как за реченькой за Утвой», «Пыль клубится по дорожке»); семилетняя война с Пруссией («Прусский король ведет армию»); завоевание средней Азии и походы атаманов Нечая и Шамая на Хиву («Грянем грудью на неверных»); война 1812 года («Как двенадцатого года», «Французы в Москве», «Русские войска получают приказ готовиться к сражению»); война с Турцией («Поле чистое турецкое», «Татарские мурзы узнают о победах русских», «Взятие Измаила»); конфликт с Японией; война Петра I со шведами («По лужкам, лужкам, да по зелененьким») и др.

К врагам у оренбургских казаков присутствует ироническое отношение: «*Турки чаю, кофия сварили, / Трубки важны закурили*». После того, как на них напали казаки, «*Турки кофе не допили, / Трубок важных не скурили, / Кто куда попал! / Разбросав чалмы и шали, / Все кинжалы побросали, / Кой-как босиком*». В другой песне мы видим, что турки «*не собравши своих пушек, / Ускакали без подушек, / В Шумлу без седла*». А поляки «*Поступили дерзко, смело, / Стали строить чудеса, / Пошли прятаться в леса*» [562].

В военно-исторических песнях раскрываются драматические сюжеты: «*Когда месяц взошел, волки подняли вой. / Да, не даром пришлось и лихим казакам, / Не один лютый враг в этой битве погиб, / Ни единый казак не пришел на Яик – / Все погибли... Орел трупы с клетком терзал, / Да, как месяц взошел, волк голодный их рвал... / Даже в песне простой нет ни слова о том, / Как был страшен тот бой, как валился кругом / И ревел лютый враг, как гудел стон и гик / И как бился казак наш, неистов и дик*» [153, С. 38]; «*Казак умирает, друзей умоляет: / Насыпьте повыше курган в головах. / И пусть над курганом калина родная / Цветет и красуется в ярких цветах*» [153, С. 55]. В песнях «Хвала вам, уральцы, герои Икана» и «В степи широкой под Иканом» показываются воинская доблесть, удалство и храбрость оренбургских казаков: «*И трое суток с бусурманом / У нас кипел кровавый бой...»*; «*И ядра рвали нас в куски, / Но мы и глазом не моргнули, / Стояли насмерть, казаки...»*.

Военно-походные песни отражают военную жизнь казака, полную тревог и тягот: *«За лесом солнце воссияло, / Где черный ворон прокричал. / Слеза на грудь ему упала, / Последний раз «Прощай» - сказал / Благослови меня, мамаша, / Быть может на смерть еду я. / Быть может, скоро я вернусь, / Быть может, сроду никогда. / Быть может, шашка-лиходейка / Сразит меня из-за куста. / Быть может, пуля роковая / Убьет на поле молодца»* [234]; *«Забелели снежки, / Ой, забелели белые, да / Лес дубравынька. / Ой, заболело тело, / Ой, солдатское бело, / Шея, головынька / Ой, по этому телу, / По солдатскому / Ой, не поплачет мамка, / Ой, не потужит тятя...»* [234].

Темами военно-походных песен являются расставание с родным домом, с родными и близкими («Поехал казак на чужбину далеку», «Поехал казак», «Поехал казак на сером коне»), тоска по Родине («Как по синему по моречку»), раздумья умирающего казака перед смертью («Под ракитой зеленой») [153].

В песне «Как за батюшкой, за Яикушкой», повествующей о трагической встрече в плену матери и дочери, вышедшей замуж за киргиза, находим характерные черты, свойственные русской и восточной музыке (парно-периодичное строение, трихордовые попежки, ладовая переменность, плагальные каденции). Многоголосная фактура в виде подголосочной полифонии с двумя запевалями и хором характерна для казачьего фольклора [604].

Строевая музыка была очень распространена среди казачества. Это неотъемлемый атрибут военной службы. Ее содержание отражала все сферы жизни казачества. Например, в песне «Оренбуржцы-казаки» интонационно-ритмические особенности характерны для русских хороводных песен («Я на камушке сижусь», «Во саду ли, в огороде»). Она содержит характерные для строевого фольклора элементы: квадратный шестнадцатитактовый период, парно-периодическую структуру мелодии (АА¹ББ¹), четный размер 2/4, акцентируемую ритмику [604].

Социально-бытовые песни включают семейно-бытовую лирику. Это песни о счастливой и несчастливой любви («Со вечера дождь идет», «Летел ворон», «У ты, сад, ты, мой сад», «Со вечера дождик»).

В русской песенной традиции любовная тематика находит выражение в жанре баллады (песня-баллада «Что за Ваня за купец?») [153].

В семейно-бытовых и любовных песнях оренбургских казаков используются такие средства художественной выразительности, как психологический параллелизм («Со вечера дождь идет, / По утру да ну туман. / На меня на девицу / Все горе да ну печаль»); символика («Летел ворон по над садиком зеленым, / Да стал калину он клевать. / Любил парень молодую дивчину, / Да стал ее забывать») и т.д.

Обрядовый фольклор также был распространен в казачьей среде. Наиболее востребованными были зимние и весеннее праздники – Коляда, Масленица, Семик. На Рождество существовала традиция – дети обходили все дворы, пели тропарь и кондак. На Святках «ходили ряженками» - ходили по домам, пели, плясали.

Наибольший казачий колорит вобрал в себя обряд «Багренье», сопровождавшийся песнями. В начале исполнялись разбойничьи, плясовые песни («Мы не воры, не разбойнички»), а в конце исполнялся хвалебный гимн «Яик Горынович», представлявший собой пример старинной казачьей музыки. Мелодия широкого дыхания, миксолидийский мажор придают песне древний архаический колорит [604].

Историк Оренбургского казачьего войска М.Д. Голубых, описывая быт поселка Тимофеевского, Еткульского района, Челябинского округа, Уральской области, входившего до революции в состав станицы Еманжелинской Оренбургского казачьего войска, писал, что казаки учились петь песни в казачьей школе и на военной службе. Особенно много песен, по его словам, они разучивали на военной службе. «Там многие казаки становились полковыми «песельниками» (певцами). Они-то, главным образом, и привозили с собой в деревню новые песни» [155, С. 260-261]. В армейском быту у солдат вырабатывались навыки хорового пения. Как указывает Т.С. Рудиченко, иногда осуществлялось даже сложное наложение произведений, исполняемых хором и оркестром в процессе осуществления определенных воинских ритуалов (полкового и встречного марша, песен на фоне играющего марш оркестра и т.п.) [482].

Переходя к бытованию танцев в среде оренбургских казаков, следует отметить, что здесь были распространены кадрили, полька, казачек, краковяк, тамти, которые исполнялись под гармонь, балалайку или песни. «Играть песню» означало танцевать кадрили. Кроме парных танцев исполнялись и сольные – гупачек и др. [489]. Кроме кадрили под песни устраивались игры. Одна из вечерочных песен – «Не ходи, козел кудрявый», мелодия которой представляет собой соединение особенностей, свойственных казачьей и городской народно-бытовой музыке. Квинтовая основа, ладовая переменность, аккордовая структура напева, в основе которого стоит тоническое трезвучие.

Ип. Крашенинников в своей работе «Хороводные и плясовые песни казачьего поселка Сосновка Челябинского уезда Оренбургской губернии»¹⁵ [304] пишет о хороводах, которые водились в Петров день, на Троицу и в девятую пятницу после Пасхи. Иногда количество людей, участвовавших в хороводе, доходило до 200 человек. На Покров водили танок, в котором люди становились рядами и медленно шли вдоль улицы, держась за платочки. У дворов останавливались и плясали под гармошку [489]. Танцы исполнялись только в праздники. На святках пелись особые песни, плясались иные танцы, так называемые «рождественские».

Так же, как в среде уральских казаков, у оренбуржцев были распространены гармонь (иногда с колокольчиком) и балалайка, на которых играли «под пляску», аккомпанировали песням, частушкам и припевкам. Известен такой факт: казаки станицы Еткульской хорошо играли на балалайках, за что в войну получили прозвище «балалаечники».

Таким образом, музыкальный фольклор оренбургского казачества так же, как и музыкальный фольклор уральского казачества развивался на общерусской основе. Он обладает региональной спецификой, связанной со своеобразными условиями исторической, социально-экономической жизни, национальным составом населения и характером унаследования им певческих традиций, что проявляется в тематике, языковых и этнографических элементах, мотивах, образах, воспринятых из фольклора других народов и манере исполнения.

Перейдем к созданию и деятельности войскового оркестра Оренбургского казачьего войска. Учебная сотня в Оренбургском казачьем войске была учреждена в 1872 г. При ней состояла «трубаческая команда для обучения трубачей игранию кавалерийских сигналов и

¹⁵ Данная работа представляет ценность для учителей музыки и педагогов дополнительного образования, так как в ней автор описывает приемы, вождения хороводов, фигуры, песни, под которые выполняются движения. Не смотря на то, что в работе представлены лишь тексты песен, танец можно реконструировать.

маршей». Трубачи после обучения назначались по очереди в строевые части, посылаемые на полевую службу [502, С. 6].

В 1866 г. оренбургский губернатор Н.А. Крыжановский предложил войсковому наказному атаману К. Боборыкину учредить в Оренбургском войске «певческий хор и трубаческий бальный оркестр» по примеру Уральского войска. Но, в связи с отсутствием средств, положительного ответа не последовало. Позже, капельмейстер военного хора И.Ф. Гровес обратился в главную Дирекцию русского музыкального общества с предложением открыть в Оренбурге его отделение. Августейшая покровительница общества Великая княгиня Елена Павловна в 1868 г. ответила Н.А. Крыжановскому, что она надеется на его содействие в «деле столь полезном для развития вкуса к музыкальному искусству и самого искусства в нашем отечестве». В связи с недостатком средств, музыкальный хор, трубаческий и бальный оркестр начали свою работу лишь в 1881 г. [452].

В основном, участниками оркестра были юноши 14-17 лет. В состав оркестра входили духовые, ударные инструменты, струнные инструменты – скрипки, альты, виолончели, контрабасы. Капельмейстером коллектива стал Генрих Гербер, ранее работавший в Петербургской Императорской опере [451]. Оркестр осуществлял музыкальное сопровождение парадов, строевых занятий, танцевальных вечеров, увеселительных мероприятий. Оркестр выступал перед наследником Цесаревичем Николаем Александровичем (1891 г.), который во время своего пребывания в Оренбурге, имел возможность насладиться его искусством.

В начале 1894 г. оркестром стал управлять выпускник Московской консерватории Г.Ф. Эстеррейх (ученик И.В. Гржимали), чья деятельность способствовала совершенствованию исполнительской культуры оркестрантов. Согласно заключенному контракту, в его обязанности входило: обучение игре на соответствующих инструментах хора духовой музыки из 36 человек; обучение положенной при этом хоре временной трубаческой команды; обучение бального оркестра, составленного из казаков, участвовавших в хоре духовой музыки; проверка на учебных сборах в войске познания трубачей льготных полков и в случае неудовлетворительной подготовки доведение их до надлежащего состояния; подготовка состоящих при хоре малолеток к игре в оркестре.

В состав оркестра, согласно расходной ведомости, входили валторны, тромбоны, барабаны, тарелки, альты, корнеты, кларнеты, тенора, баритоны, басы, пикколо-флейты, фаготы, скрипки и контрабасы. В 1899 г. была приобретена американская фисгармония. В его репертуаре были популярные оркестровые произведения композиторов зарубежной и русской школы – Ш. Гуно, В.-А. Моцарта, И. Штрауса, Ф. Шуберта, А.Н. Верстовского, М.И. Глинки, М.П. Мусоргского, П.И. Чайковского.

Среди малолеток, состоящих в оркестре, был и С.М. Козолупов, ставший, впоследствии, народным артистом РСФСР, лауреатом конкурса виолончелистов, проводившемся в честь 50-летия Московского отделения Российского музыкального общества (1911 г.), одним из создателей отечественной виолончельной школы, солистом оркестра Большого театра, преподавателем Московской консерватории¹⁶. Первоначально он учился игре на корнете-а-пистоне и на скрипке, а с 13 лет – на виолончели. Уже в 1901 г., на гастролях военного оркестра в г. Кисловодске, он

¹⁶ Среди учеников С.М. Козолупова – С.Н. Кнушевицкий, Ф.П. Лузанов, В.Я. Фейгин, Н.Н. Шаховская, а также один из крупнейших виолончелистов и дирижеров XX в. М.Л. Ростропович, уроженец с. Краснохолм Оренбургской области.

солировал в ряде номеров концертной программы [124, 151]. Он часто замещал на репетициях капельмейстера оркестра, приобретая навыки дирижирования, инструментовки и знания симфонического оркестра [506]. В 1904 г. в одной из заметок «Оренбургского листка» писали: «Юный казак-виолончелист, музыкант казачьего оркестра С. Козолупов по дарованию своему представляет выдающееся явление, и местные любители музыки давно обратили на него свое внимание; между прочим, они представили юношу профессору А. Вержбиловичу, который, прослушав, взялся протезировать юноше и принять в свой класс (по виолончели). Начальник казачьего штаба генерал-майор, барон фон Таубе с своей стороны оказал содействие к получению даровитым юношей высшего музыкального образования, исходатайствовав ему небольшую стипендию из войсковых сумм» [422].

В конце XIX в. ни одно городское культурное мероприятие не проходило без участия оркестра. Музыканты выступали в залах Народного дома, Общественного, Военного и Коммерческого собраний, цирке, Женском институте, кадетских корпусах, юнкерском училище и т.д. Участвовали в концертах местного Музыкально-драматического общества. С 1894 г. постоянно играл в антрактах спектаклей в помещении Городского театра, являлся участником многочисленных концертов и бенефисов. Оркестром давались многочисленные благотворительные концерты (в пользу «недостаточных студентов Петербургского, Московского и Казанского университетов» [559, С. 108]). Оркестранты участвовали во всевозможных благотворительных лотереях, балах и т.д., принимали участие в церковном параде по случаю встречи иконы Табынской Божьей Матери¹⁷ и т.д.

Наиболее ярким примером могут служить сохранившиеся сведения о концертном кабаре в пользу семей казаков, убитых во время беспорядков. Концерт прошел 29 ноября 1917 г. На нем были исполнены марш «Погибшим героям» (автор музыки – казак войскового хора М.Г. Стариков, автор слов – А.С. Беленинов), музыка Ф. Мендельсона, Э. Грига и Ф. Листа. Коллектив был широко известен как в Оренбурге, так и за его пределами (Кавказ, Средняя Азия). Г. Эстеррейх постоянно стремился к обновлению репертуара оркестра, но малый его состав ограничивал его возможности. Тогда он увеличил его состав за счет любителей, вследствие чего имел возможность исполнять произведения Бетховена, Вагнера, Римского-Корсакова, Бородина. Шестеро казаков войскового музыкального хора были награждены в 1912 г. медалями Эмира Бухарского.

В 1917 г. на страницах «Оренбургского казачьего вестника» была опубликована информация о том, что войсковым секретарем А.И. Завалишиным был поднят вопрос о «своевременном преобразовании войскового хора Оренбургского казачьего войска в музыкальное училище», что и было одобрено войсковым правительством. Было написано письмо С.М. Козолупову, работавшему в то время в Москве, в котором выяснялось его мнение об открытии на базе оркестра музыкального училища. С.М. Козолупов в ответном

¹⁷ Табынская икона Божьей Матери – почитаемая в Русской православной церкви икона Богородицы, главная святыня Урала, покровительница всего Уральского края: Башкирии, Оренбуржья, Поволжья, Сибири, Казахстана. Первоначально икона находилась в Пречистенском монастыре, рядом с селом Табынским (Башкортостан). Отсюда происходит ее название. Икона является чудотворной. Ее возникновение тесно связано с великими милостями, оказанными Пресвятой Девой роду христианскому. Крестный ход с Табынской иконой Богоматери являлся самым продолжительным в истории России. Во время Гражданской войны отступавшими войсками атамана Дутова Табынская икона Божьей Матери была перевезена за границу и долгое время находилась в Китае. Сейчас ее местонахождение неизвестно.

письме поставил ряд вопросов о статусе училища и о содержании образования в нем: будет ли училище носить характер «училища русского музыкального общества» или оно будет иметь «какой-нибудь своеобразный характер»; по каким программам будут заниматься учащиеся; будут ли в этом училище обучаться только казачата или музыкальное образование будет доступным и детям неказачьего сословия (последнее, на его взгляд, было желательным). Он считал, что при училище должны были быть научные классы по общеобразовательным предметам, не ниже четырех классов средней школы и пансион для казачат. Также он считал необходимым открытие при училище регентских классов, по окончании которых выпускники будут работать преподавателями музыки, военными капельмейстерами, регентами в станичных и церковных хорах.

В 1918 году на базе оркестра было учреждено «Войсковое музыкальное училище» [421]. Тогда же «Оренбургский казачий вестник» сообщил о двух «симфонических концертах» оркестра Войскового музыкального хора Оренбургского казачьего войска под управлением и с участием С.М. Козолупова. Весь сбор от первого концерта поступил в пользу пострадавшего казачества. В 1919 г. в связи с расформированием войска это училище было закрыто. На этом история Войскового музыкального хора Оренбургского казачьего войска заканчивается. Его деятельность повлияла на деятельность других казачьих коллективов. К началу XX в. подобный оркестр появился и во Втором Оренбургском казачьем полку.

Таким образом, оркестры Уральского и Оренбургского казачьих войск занимают в истории русской культуры особое место. Они были не только участниками военных парадов, смотров и торжественных приемов. Их функции выходили далеко за рамки служебно-строевой деятельности. Они выполняли в обществе: ритуально-организационную (сопровождение воинских ритуалов, церемоний); организационно-мобилизирующую (использование музыки для подачи сигналов управления войсками и повышения боевого духа военнослужащих в период военных действий, концентрации воли и энергии); парадно-демонстративную (музыкальное сопровождение повседневной деятельности казачьих войск в мирное время); национально-патриотическую (формирование духовного мира казаков, воспитание их в духе преданности Отечеству; становление ощущения личной причастности к прошлому, настоящему, будущему своего народа, укрепление чувства ответственности за его судьбы, что является стимулом для исполнения долга перед Родиной); образовательно-просветительскую (воспитание художественного вкуса, повышение уровня художественных запросов и т.д. – являясь «документом эпохи» [608, С. 17], военная музыка призвана служить формированию у воинов тех мировоззренческих позиций и того комплекса профессионально-боевых знаний и навыков, которых позволят им исполнить свой воинский долг; концертно-театральную (организация досуга и отдыха населения казачьих войск) функции. Своим творчеством они способствовали развитию на Урале и в Оренбуржье военно-музыкальной культуры и подъему музыкальной культуры российской провинции в целом.

Эволюционные процессы в музыкальной культуре казачества Урала привели к созданию профессиональных и самодеятельных коллективов, например, Оренбургского и Уральского государственных академических русских народных хоров, являющихся центром сбора, обработки и популяризации казачьей народной песни. Созданные ими вокально-хореографические композиции «Пугачевская

вольница», «Багрень», «За Уралом за рекой казаки гуляют», «Сказ о казаках», «Сказ о казачьей станице» (которая впоследствии «переросла» в концерт-рапсодию «Казачий дозор»), народная сцена «Праздник оренбургских казаков», отразили историю и быт местного казачества в контексте современного художественного творчества.

Значимую роль музыкальная культура казачества сыграла в творчестве уральских композиторов – П. Бларамберга, Г. Пономаренко, А. Цибизова и т.д.

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы: наиболее репрезентативным элементом, воплощающим традиционные для казачества ценности, идеалы и нормы, является именно музыкальная культура, как форма народной памяти, средство сохранения и передачи бытовой культуры и боевых традиций казачества. Музыкальная культура уральского и оренбургского казачества является субкультурой в рамках целостной российской этнической музыкальной культуры. Это часть художественной культуры казачества, включающая музыкальный казачий фольклор, образцы казачьего музыкального искусства – любительское творчество, инструментальные и вокально-хореографические произведения, тематически связанные с казачеством; музыкальную символику войсковых казачьих обществ, которые содержат культурные ценности, идеалы, нормы, образцы и стереотипы поведения, присущие казачеству. Музыкальная культура казачества включает неказачий (состоит из общерусского репертуара и репертуара, воспринятого из культуры соседних этносов) и казачий слои (состоит из общеказачьего репертуара и репертуара, связанного с локально-региональной традицией, имеющей яркие музыкально-стилистические признаки, аккумулирующие в себе специфику местных условий, социально-исторические особенности региона, своеобразие его культуры).

3.2. Педагогический потенциал художественной культуры казачества в освоении детьми и молодежью традиционных культурных ценностей

Понятие «педагогический потенциал» подразумевает под собой источники, возможности, средства, которые имеются в наличии и могут быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенных целей, осуществления планов, решения каких-либо задач. Это интегральное образование с выраженной прогностической направленностью, дающее возможность специалисту транслировать культурный опыт и способствовать его присвоению субъектами культуры и образования [77].

Педагогический потенциал художественной культуры казачества состоит в его многофункциональной значимости. Чтобы его раскрыть, необходимо выявить функции культуры, реализуемые ею в обществе и соотнести понятия «культура», «художественная культура» и «музыкальная культура».

Существует ряд подходов к определению культуры: историко-просветительский, сложившийся в эпоху Просвещения под влиянием сочинений Вольтера, Ж.-Ж Руссо, Ф. Шиллера и др., видевшими культуру олицетворением разума, совокупностью знаний, определенным уровнем образованности и воспитанности; историко-этнографический, возникший в XVIII-XIX вв. в связи с археологическими открытиями и достижениями этнографии, работами Брюля, Моргана, Тайлора, в которых сравнивалась и сопоставлялась с наличной данностью цивилизации культура «диких» и «варварских» племен; социально-

деятельностный, сложившийся в середине XIX в. под влиянием трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых культура определялась как результат социально-значимой деятельности человека; образно-мифологический, сформировавшийся в начале XX в. благодаря работам Ф. Ницше [408], в которых культура не анализируется, а создается миф о ней; экзистенциальный, возникший в XX в. в связи с работами Н.А. Бердяева [63, 65], показавшими личностный характер существования культуры, в которой даны знаки и подобия иной духовной деятельности, а основными ценностями являются свобода, личное достоинство, творчество и духовность; семиотический, возникший в XX в. и представленный работами Р. Барта [48], рассматривавшего культуру как текст, считываемый через язык и образы. Знаковые системы в соответствии с данным подходом выступают средством реализации ценностей и смыслов культуры.

Настоящее исследование связано с рядом современных подходов к культуре. Личностный подход (Л.Н. Коган, В.М. Межуев, Э.В. Соколов и др.) предполагает актуализацию личностных смыслов культуры, как системы, выступающей мерой и способом формирования и развития сущностных сил человека в ходе его социальной деятельности, типа личности, соответствующей данной культуре. Это единственное средство социализации человека (его приобщения к «общественному целому») и индивидуализации (обретения им своего «Я») [265, С. 12]. В соответствии с данным подходом культура является «резервуаром», в котором накапливается, сохраняется, передается от поколения к поколению разнообразная информация, но, вместе с тем, это «жизненная стихия, которая одухотворяет человека» [526, С. 9]. Личность во взаимоотношениях с культурой выступает как объект культурного воздействия (так как усваивает культуру); носитель и выразитель культурных ценностей (так как функционирует в культурной среде); субъект культурного творчества (так как создает культуру) [524]. В рамках данного подхода осуществляется механизм персонализации.

Деятельностный подход к определению понятия «культура» (М.С. Каган, Э.С. Маркарян и др.) интерпретирует ее как совокупность программ духовной деятельности людей, отражающую их ценностно-организационный опыт, идеалы жизни, нравственности, социальных отношений, общения; совокупный способ и продукт человеческой деятельности, реализующейся в процессах опредмечивания и распредмечивания и предстающей в связывающей эти процессы предметной форме [227]; механизм приспособления человека к природной и социальной среде и, одновременно, механизм приспособления последней к человеческим потребностям [26, С. 19]. М.С. Каган в культуре выделяет три слоя – материальный, духовный и художественный. К материальному он относит результаты практически-преобразовательной и практически-коммуникативной деятельности людей. В духовную культуру входят, помимо вышеуказанных, продукты познавательной и ценностно-ориентационной деятельности. Пятым элементом человеческой деятельности по освоению мира является художественная деятельность, в которой сливаются воедино энергии четырех ее видов. В рамках данного подхода действует механизм экстерииоризации – обращение человеческих сил и способностей в социально-значимые продукты деятельности и ценности.

Социокультурный подход к культуре (М.С. Комаров, Л.И. Михайлова) интерпретирует ее как систему социально приобретаемых и транслируемых от поколения к поколению значимых символов, идей, ценностей, верований, традиций, норм и правил поведения, ориентирующих человека в его жизнедеятельности (поведении, деятельности,

взаимодействии с другими людьми) [270, 382]. Согласно данному подходу, в культуре выделяются: личностная система (культура личности), локальная система (культура какой-либо социальной группы, общности), социальная система (культура общества) [382].

В рамках диалоговой концепции культуры (М.М. Бахтин, В.С. Библер) культура осмысливается как диалог, встреча смыслов и существует как общение людей различных культур и взаимопорождение этих культур; форма свободного выбора личностью смыслов своей жизни. М.М. Бахтин выделяет три сферы культуры: науку как необходимое для освоения мира познание, живую событийную реальность, реализующуюся в поступках, морали, практическом поведении, и эстетическую деятельность (искусство, обладающее способностью ценностного уплотнения и оформления «события бытия») [284, С. 16-17]. В.С. Библер доказывает, что в жизни осуществляется постоянный диалог культур: например, народная культура духовно и интонационно общается с другими культурами, людьми различных эпох [72].

Аксиологический подход (М.М. Бахтин, Л.Н. Столович, Н. Чавчавадзе и др.) связан с ценностной трактовкой культуры и выявляет ее значимость с позиции ее потребителей (постижение индивидом духовных норм и ценностей). В рамках данного подхода культура представлена как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством; система достижений и ценностей (идеальных – бытующих норм, идей, представлений, образцов поведения и общежития, и материальных – результатов творческой деятельности и ее технологий) [313]. Соответственно классической триаде высших ценностей, определившейся в эстетике XVIII в. (Красота, Добро, Истина), исследователи выделяют три основных группы общечеловеческих ценностей – мировоззренческие, этические, эстетические [269]. Понимание культуры как идеалообразующей стороны человеческого бытия (Д.В. Пивоваров) позволяет анализировать различные формы культуры как способы формирования эталонов, которыми руководствуется человек в своей деятельности, схемы действия с этими эталонами, прояснить, как данный уровень или данный тип культуры вписан в целостное единство мира, социума и человека. Идеалообразование как создание культурных ценностей рассматривается современными исследователями в качестве инварианта моделирования социальной целостности в актуальном поле культуры [286]. В рамках аксиологического подхода действует механизм интериоризации культурных ценностей во внутренний мир личности.

Все описанные выше подходы выявляют существенные стороны культуры, дополняющие друг друга и способствуют выработке более целостного представления о ней, ее влияния на процесс становления личности человека.

Культуре свойственна полифункциональность. Общеизвестны «технические» (инструментальная, нормативная, сигнификативная, коммуникативная) функции, и функции, обеспечивающие различные виды социальных потребностей. Раскроем содержание некоторых из них, наиболее значимых для решения проблемы настоящего исследования.

Функция накопления, хранения и передачи культуры связана с тем, что она является памятью общества, кладовой накопленного им опыта, средством чего выступают память индивида, коллективная память, запечатленная в языке и духовной культуре, символические и вещественные средства сохранения информации и т.д. Все компоненты культуры (ценности, знания, нормы, обычаи и т.д.) предполагают преемственность, то есть,

осуществляют связь текущей деятельности и поведения с предшествующими образцами. Речь идет о механизме воспроизводства культурной деятельности – традиции, содержание которого сегодня распределено между такими понятиями, как самобытность, культурное наследие, культурное ядро, идентичность. Преемственность и устойчивость этнической культуры обусловлена действиями двух механизмов передачи традиций: внутр поколенных традиций, действующих на протяжении нескольких лет или десятилетий и охватывающих часть этноса (смежные возрастные группы); межпоколенных традиций (передача ценностей осуществляется от поколения к поколению). Коммуникативная функция культуры обеспечивает обмен информацией, в том числе посредством символов и образов, осуществляет интеграцию, внутреннюю дифференциацию общества и социальных групп и отделение общества и различных групп друг от друга в общении. Нормативная функция культуры регулирует поведение людей. Норма указывает на «пределы» и «рамки», в которых человек может действовать, поддерживает устойчивость традиций, сплоченность общественных групп, служат символами социальной и культурной принадлежности: «культура состоит из эксплицитных и имплицитных моделей поведения, которые получают символическую форму и отражают особенности различных человеческих групп, в частности, воплощаясь в артефактах... Часть культуры состоит из поведенческих норм и стандартов» [662, С. 181]. Аксиологическая функция культуры реализуется в том, что она, как система ценностей, формирует у человека определенные ценностные потребности и ориентации, которые определяют его сознание, обеспечивающего определенную преемственность культуры и мотивацию его поведения. Они выступают важнейшим фактором, регулирующим поступки человека. Функция целеполагания проявляется в том, что культура формирует эталонные, идеализированные ценности, вырабатывает идеалы, играющие роль стимулов и целеполагания для формирования и отбора целей в жизнедеятельности человека. Она типизирует данные цели, разрабатывает их содержание и делает достижением общества [286]. Эстетическая функция культуры проявляется в искусстве, в художественном творчестве, где раскрывается суть прекрасного, безобразного, возвышенного, низменного, трагического и комического.

Функциями, непосредственно связанными с личностью, является социализирующая функция и функция инкультурации, которые объединяются в человекотворческую функцию. Социализирующая функция предполагает вхождение индивида в социальную среду, усвоение им норм, ценностей и значений культуры данного социума, его языка, приучение его к социальным ролям и нормативному поведению. Составляющими данного процесса являются воспитание, общение и самосознание индивида (осмысленная установка на привязанность, сродненность со своей культурой, осознание сопричастности к своему этносу). Функция инкультурации предполагает процесс приобщения человека с детства к определенной специфической культуре в среде конкретного этноса. В целом человекотворческая функция культуры направлена на становление человека культуры – личности с заданными параметрами социального и культурного сознания, способной к обеспечению сохранения, передачи, воспроизводства и развития культуры, способного жить интенсивной духовной жизнью. Таким образом, полифункциональный потенциал культуры выявил ее значительные возможности в формировании ценностных ориентаций личности.

Деятельность по созданию, трансляции и потреблению культурных ценностей осуществляется в пространстве художественной культуры, представляющей собой совокупность художественных ценностей, исторически определенную систему их воспроизводства и функционирования в обществе [646]; сферу внутри пространства культуры, в которой производятся, распространяются и потребляются специфические идеалы [425, 286].

Этническая художественная культура, синтезирующая в себе социокультурную информацию, накопленную определенным этносом и являющаяся одним из традиционных способов регулирования поведения и деятельности людей через передачу накопленной информации в устной форме (обычаи, праздники, художественный опыт) – часть духовной культуры, способная с наибольшей достоверностью воплотить в своих образах национальный характер этноса. Данные возможности обусловлены природой художественного, способного в непосредственно-чувственной форме выразить национальный характер (его черты, духовные потенции, созданные этноисторическим опытом в процессе генезиса, механизмы и стереотипы поведения) и связаны с рядом факторов: единая ценностно-оценочная система, в рамках которой функционируют художественная культура этноса и этнический характер; целостный характер воздействия на реципиента в органической связи рационального и эмоционального; художественно-образные возможности различных видов искусства адекватного выражения черт национальной психики и деятельностного проявления национального характера [215].

Музыкальная культура, как конкретная музыкальная деятельность и ее продукты, в рамках духовной культуры, «вписана» в художественную культуру, с которой связана генетически, структурно-функционально и духовно-содержательно [200]. Ее рассматривают в качестве подсистемы по отношению к художественной культуре общества, его духовной культуре и культуре в целом; «выражения» художественной культуры человека на уровне конкретного вида искусства – музыки [560, С. 15-16].

Таким образом, необходимо отметить генетическое родство понятий «культура», «художественная культура» и «музыкальная культура». Обратимся к функциям музыкальной культуры казачества, которые позволяют говорить о ней как об эффективном средстве освоения личностью традиционных культурных ценностей.

Кумулятивная функция музыкальной культуры казачества реализуется в накоплении, хранении, обобщении в своих индивидуальных образах ценностно-познавательного кругозора культуры [236]. Отобранные и одобренные социумом, получившие внеличностный статус, размноженные в сетях межличностных коммуникаций квазисубъекты искусства оказываются моделями самого социума, самосознанием его как некоего целостного организма [647]. Содержащиеся в ней «материализованные символы», отражающие жизнедеятельность людей определенной эпохи, являются важными компонентами социокультурной жизни общества. Благодаря им, осуществляется неуловимая эмоционально-психологическая связь, поскольку эти символы остаются важным средством приобщения человека к духовной культуре [505]. По мнению А.В. Тороповой, музыка – это «внешняя память» человечества, сохраняющая в музыкальных произведениях антропологически значимые психические программы, состояния, процессы, образы, переживания, которые могут быть утеряны «внутренней» памятью», даже бессознательной, родовой памятью индивида [566, С. 132].

Коммуникативная функция музыкальной культуры казачества определяется тем, что она является универсальной системой общения людей. Это канал общения, по которому передаются мысли и чувства. Это общение двух видов: «индивид – произведение искусства» и «индивид-индивид», в процессе которых осуществляется переживание, заражение, воодушевление и единение реципиентов вокруг ярко позитивного идеала, что ведет к освоению индивидом культурных ценностей, заложенных в произведении музыкального искусства. Функция отражения действительности проявляет себя в отражении идей, эмоций и предметного мира [608]. В музыке отражается все сущностно-феноменальное богатство очеловеченного мира и сам человек. В художественной информации синтезирована вся полнота значимого опыта человечества, которая является основой для художественного отражения-освоения мира и воздействия на людей [200, С. 17]. Так, в песнях оренбургских и уральских казаков, несущих конкретно-исторический характер, звучит идея гражданственности, патриотизма казачества, гордости за принадлежность к русскому народу, к России, идеалы служения Отечеству «не за страх, а за совесть» и т.д. В них содержится идея воинской службы, показывается воинская доблесть, удальство и храбрость казаков. Эти песни наполнены переживаниями мыслей и чувств героев военных событий, непосредственными участниками которых были оренбургские и уральские казаки, трудом и кровью которых добывались победы и искупались все поражения [330]. Казачий музыкальный фольклор является источником различных сведений об исторических событиях русской военной истории и социальных движений, непосредственными участниками которых были казаки. Отражение предметного мира в казачьем фольклоре происходит в «пеших» («пехотных»), «кавалерийских», семейно-бытовых и др. песнях оренбургского и уральского казачества. В них отражена вся жизнь казачьей семьи в контексте времени и исторических событий [512]. Таким образом, функция отражения действительности позволяет расширить знания и представления исполнителей и слушателей о культурных особенностях оренбургского и уральского казачества. Функция отражения действительности связана с познавательной функцией музыкальной культуры. Используемые в ней типизации и обобщения стимулируют процесс познания человеком окружающего мира и его духовно-нравственных ценностей. В современных исторических условиях, когда в течение долгого периода была прервана «связь времен», музыкальный фольклор казачества является одним из немногих источников получения знаний о нравственных традициях данной субкультурной группы. Через него осуществляется передача социального опыта, нравственных норм и ценностей от одного поколения другому. Этическая функция проявляется в том, что музыкальную культуру казачества можно назвать школой духовно-нравственного воспитания. В ней содержатся культурные образцы данной субкультуры, она обеспечивает реципиента базовыми культурными ориентирами, самобытными образами. Социализирующая функция проявляется в том, что характерные для фольклорной культуры в целом межличностные отношения являются мощным средством социальной адаптации, механизмом формирования стереотипов поведения и социальных установок [16], то есть способствуют социализации члена социальной общности через усвоение им ценностей культуры, дает необходимые для осуществления социальной деятельности знания, умения, навыки, моральные принципы и т.д. Мировоззренческая функция

связана с картиной мира, мироощущением человека. В современных культурологических и музыковедческих исследованиях Е.М. Белецкой, А.Ф. Григорьева, Т.С. Рудиченко [58, 163, 482, 483] утверждается, что песенный фольклор казачества является моделью этнической картины мира казаков и средством ее формирования. Музыкальная культура казачества дает человеку представление о содержании базовых казачьих ценностей. Так, исторические песни уральских и оренбургских казаков отражают подлинные исторические события, изменение социально-экономических условий жизни и трансформацию (эволюцию) казачьего мировоззрения. Казачий музыкальный фольклор наполнен героями, представляющими собой определенный социальный эталон (так называемые «социальные образцы», «значимые персонифицированные образы», «значимые другие», «референтные личности»). Это «добры молодцы», «удалые», «лихие», «злые, храбрые», «герои все вместе и каждый отдельно», «слуги верные Царя-батюшки» и т.д. В образе казака раскрывается стержневая идея, определяющая суть казачества – архаическое отождествление мужчины и война [91]. Это атаман Ермак Тимофеевич, герой войны 1812 г. генерал М.И. Платов, атаман И.Ф. Некрасов, донской казак Ф. Агуреев, российские полководцы Петр I, А.В. Суворов, М.И. Кутузов и другие великие русские военачальники, под предводительством которых защищалась независимость России. Здесь организуется самосознание личности детей и молодежи, предоставляется им набор готовых символов, с которыми они могут себя ассоциировать и, тем самым, осознавать свои состояния. Музыкальная культура казачества обеспечивает реципиентов базовыми культурными ориентирами – образцами для положительных и отрицательных идентификаций. Необходимо выделить суггестивную функцию музыкальной культуры казачества, которая близка к эстетической функции. Через образные ассоциации она воздействует на воображение, эмоции и подсознание субъекта. Особую актуальность это приобретает сегодня, когда представление о большинстве традиций казачества не мыслимо вне образного ряда. Эмоциональное внушение рождает эмоциональную установку, нацеленность и готовность человека к определенным реакциям, поступкам, соответствующим идеальному образу казака. Нормативно-регулятивная функция музыкальной культуры казачества определяет нормы и образцы поведения человека в ходе процесса интериоризации культурных ценностей казачества. Синкретизм фольклора позволяет «погрузиться» в другое измерение, время, другую реальность, тем самым, способствуя обогащению и расширению индивидуального опыта личности. Здесь фольклор реализует главную задачу образования и воспитания – «вложить» в личность в сжатом, «свернутом» виде всю ту культурную программу развития, которую человечество уже «прошло». В народных песнях содержится пример, образец поведения, который, одновременно с этим, не сопряжен с непосредственным, прямым назиданием. Аксиологическая функция музыкальной культуры состоит в том, что она является аккумулятором и транслятором социально значимых мировоззренческих и нравственных ценностей, средством их воспроизводства, формирующим общественные идеалы. Л.А. Закс указывает, что музыка – это интонационный способ существования ценностей человеческого духа [199]. Музыкальная интонация и музыкальное интонирование являются одним из художественных способов осуществления духовно-ценностного осваивающего мироотношения, специфических способов образного моделирования, осмысления,

обобщения и коммуникации духовных ценностей действительности. Это способы бытия и развития конкретно-исторических систем ценностей и соответствующих им типов мироотношения [200]. Современные музыковеды доказывают, что музыкальная культура способствует всестороннему, синтезирующему все типы ценностей, духовно-ценностному освоению реципиентами мира «в соразмерных психике человека формах» и внедрении в их мировоззрение, усвоение ими полученной информации [200, С. 22].

Конкретное произведение музыкального искусства выступает онтологической формой культурных ценностей – таким способом существования, где их содержание максимально полно реализуется, позволяя сущности явиться во всей своей полноте [286, С. 25].

Традиционный песенный фольклор является квинтэссенцией ценностной системы этнической группы. Аккумулируя в своем содержании продукт и особую специфику жизнедеятельности этноса и творчески перерабатывая религиозно-мифологические представления и верования, содержит в себе совокупность духовно-нравственных мировоззренческих ценностных установок, ретранслирует ментальные характеристики, свойственные своему творцу, и органично взаимодействуя с культурным ландшафтом своего этноса, является...отражением, или «зеркалом» этнической картины мира» [163, С. 25].

Русскую народную песню рассматривают как полифункциональную культурологическую парадигму, «универсальный способ формирования национального самосознания, общечеловеческих ценностей, идеалов и трансляции их в социум, духовного развития человека, реализации его творческого и интеллектуального потенциала, гармонизации человеческих отношений в системе «человек-семья-природа-общество» [17, С. 84]. В соответствии с концепцией знаковости русской народной песни, она представляет собой «социокод» всей цивилизации, человечества в целом; «социокод» определенного народа, его историю, философию, вероисповедание, моральные и этические нормы жизнедеятельности; «социокод» личности, ее самосознание, ценностные ориентации, оценки, поведение в аспекте субъективного мировосприятия, умонастроения как результата осмысления антиномичных вечных и социокультурных явлений [17].

Воспитательный идеал народной педагогики казачества, представляющий собой человека, в основе ценностных доминант которого заложены такие традиционные ценности, как гражданственность, патриотизм, Православие, семья, соборность, закреплялся традицией и отражался в фольклоре. Проследим, как данные социально значимые воспитательные ценности, составляющие основу казачьего мировоззрения, отражаются в музыкальном фольклоре уральского и оренбургского казачества.

Патриотические чувства, которые редко встречаются в русском фольклоре, являются отличительной чертой казачьих народных песен. В них повсеместно поется о том, что кроме любви к своим родным, *«есть еще любовь иная: к России-Родине...»* [562]. Тема любви к Родине в песнях оренбургских и уральских казаков звучит постоянно: *«Люблю страну свою родную, / Люблю отца, старушку мать»; «Страна моя, сторонка, / Разродимая моя! / Скоро-ль, милая сторонка, / Вновь увижу я тебя?»; «Скучно жить сироте / На чужой стороне: / Все не мило, все постыло, / Нет веселья для меня. / Вспомню город родной, / Сам зальюсь слезой: / Всем был волен, всем доволен, / Нужды-горечи не знал»; «Люблю, люблю страну родную, / Летел бы к ней я всей*

душой, / Там есть деревня, в ней избушка, / В избушке той живет одна – / Родная мать моя, старушка»; «Я день тоскую, да ночь горюю / Об милой родине своей!».

В одной из песен оренбургских казаков мы находим сюжет, рассказывающий об умирающем казаке, который просит: *«Насыпать курган в головах, / И пусть на кургане калина родная / Красуется в ярких цветах! / Пусть вольные птички, садясь на калину, / Порой прощебечут они / Мне, бедному, вести в холодной могиле / О милой родной стороне»* [562, С. 5].

Символ Родины и символ свободы сливаются в песнях уральских и оренбургских казаков в одном образе – это река Яик (Урал). Река их кормила, защищала. Яик был дорог каждому уральскому казаку, поскольку был куплен ценой очень тяжелого труда и жизнями многих товарищей. С какой любовью поют о ней казаки: *«Яик ты наш, Яикушка, / Яик сын Горынович, / Про тебя, про Яикушку, / Идет слава добрая, / Про тебя, про Горыныча, / Идет речь хорошая. / Золочено у Яикушки / Его было доньишко, / Серебряны у Горыныча / Его круты бережки»* [192]. Находясь при смерти, в одной из песен уральский казак просит товарищей: *«А кому из вас придется быть на Урал-реке, поклонитесь ему, Горыновичу...»*. А коню умирающий казак приказывал: *«Ты беги-ка, мой конь, на родной Яик...»*.

Таким образом, патриотизм в песнях казаков Урала интерпретируется как любовь к России, своей малой Родине, которая неотделима от любви к родителям; служение Отечеству.

В песнях уральских и оренбургских казаков звучит мотив гордости за принадлежность к казачеству, к воинскому сословию, которое призвано защищать свою страну: *«Мы с крепким ремнем за казацкую славу / Помрем иль вернемся домой мы в седлах»; «За честь и Родину поляжем / В руках с оружием, – в бою; / Тогда врагам своим докажем / Казачью храбрость мы свою»* («Наши лихие уральские кони», «Друзья, в едино соберемся») [394, 429]; *«Мы залегли ...свистели пули / И ядра рвали все в куски / Но мы и глазом не моргнули – / Стояли мы... мы – казаки»* («Иканский бой»); *«Посмотрите-ка бухарцы, / На оренбургских казаков. / Оренбургские казаки, / Одним словом, молодцы»* [155, С. 262]; *«Слава Платову-герою: / Победитель был врагам, / Победитель был врагам. / Слава русским казакам!»* [393, Т.1., С. 84]; *«Но мы, русские казаки / Не отвыкли от побед: / Бранной славой мы богаты, / Про то знает целый свет!»* («Штурм Ак-мечети 28 июля 1853 года») [393, Т. 1]. Отметим, что ни в одной песне казаков Урала не говорится об обособленности от российского государства и русского народа.

Уже в казачьей колыбельной песне звучит мысль о предназначении казака, о его гражданском долге: *«На благо ты краю родному / Вырастешь, душу свою положи / Государю и правде завету святому / Сколь будет сил послужи!»* [233]. Идеи гражданственности казачества также нашла отражение во многих песнях уральских и оренбургских казаков. В них слышится гордость за принадлежность к русскому народу, к России: *«Не родился тот на свете, Кто б Россию победил...»* [393, Т. 3]; *«Повелел нам Царь Великий / Под Хиву идти в поход / Раздались всюду крики: / «За Царя, за Русь, вперед!»... / Слава русскому народу! / Дети русской мы земли!»* («Хивинский поход 1873 года»); *«Постоим за Русь Святую / Да порадуем царя. / Бей врага напропалую, / Победителям – ура!»* [393, Т. 1, С. 229]; *«У нас казаки, право, не зевают, / Куда хочешь – хоть в огонь! / У нас казаки не зевают, / Лучшие русских нас не тронь»* / («Строевая

песня» [393]); «- *Смерть врагам!* – сказал Кутузов, со дружиною, братцы, вперед, / Начал потчевать французов по-казацки, без забот. / Вот как вся Россия, братцы, закипела / И знамена она подняла» («Как с двенадцатого года» [290, С. 76]).

Идеалы служения Отечеству «не за страх, а за совесть», даже ценой своей жизни, отражены в песнях «Ургенч», «Под ракитой зеленой» и др. В них звучит идея воинской службы: упоминается война с Пруссией («Прусский король ведет армию»), с Турцией («Татарские мурзы узнают о победах русских»), с Наполеоном («Французы в Москве»): «...*Поляков неугомонных / Колотили мы не раз, эх, / И французик беспардонный / Не видал добра от нас...*»; «*Что не соколы крылаты / Чуют солнечный восход. / Белого царя казаки / Собираются в поход. / Кровь их мужеством пылает, / Грудь отвагою полна, / Память славы вызывает / На поля Бородина*» [319]; «*Мы с гиком рванемся казацкою лавой – / Умрем иль вернемся домой мы со славой*» («Наши лихие уральские кони» [290, С. 110]).

Песни историко-героического цикла не только прославляют доблесть, мужество и смелость героев, их готовность умереть «за Царя и Отечество»: «*За Царя и за Россию / Мы готовы умирать! / За Царя и за Россию / Будем вас на штык сажать*»; «*Мы не напрасно в мире жили, / Нам смерть не может быть страшна, / Свое мы дело совершили, / Сибирь Царю покорена. / ...Тот думать должен лишь о том, / За Русь святую погибая*» («Песня о Ермаке»). В них показывается пример подрастающему поколению, сохраняется историческую память сословия: «...*Пред явною смертью вы духом не пали / Начальник сказал вам: «Умрем, иль уйдем!» / «Умрем все, но с честью!» вы дружно вскричали / И ринулись смело вперед, на пролом...*» («Иканским героям» [394]); «*Пойдем, братцы, за границу / Бить отечества врагов...Каждый воин отличился. / Вот, Суворов где сражался / Вот Румянцев, где разил! / Путь ко славе находил*» [366, С. 130].

В песнях «Хвала вам, уральцы, герои Икана» и «В степи широкой под Иканом» показываются воинскую доблесть, удалство и храбрость уральских и оренбургских казаков: «*И трое суток с бусурманом / у нас кипел кровавый бой...*», «*И ядра рвали нас в куски, / но мы и глазом не моргнули, стояли насмерть, казаки...*». В песне «Вот вспыхнуло утро» описывается героический подвиг юного прапорщика: «*А прапорщик юный со взводом пехоты / Старались знамя полка отстоять, / Но он остался один с полуротой, / Но нет, он не будет назад отступать. / Вот вспыхнуло утро, румянятся зори, / Атакой врага отогнали к реке, / А утром нашли его мертвое тело, / Державшее знамя в застывшей руке*» [290, С. 103]. Своеобразным гимном, прославляющим героев, павших в сражении, звучит песня «Героям Икана»: *Хвала вам, уральцы, герои Икана! / Вы славу умножили предков своих, .../ Начальник сказал вам: «умрем, иль уйдем!» / «Умрем все, но с честью!» вы дружно вскричали / И ринулись смело вперед, напролом .../ Хвала вам, Иканцы, и честь вам по праву! / Вы правы пред долгом и русским Царем, / И знамени войска доставивши славу, / Вы многое дали потомкам взаем*. Песни историко-героического цикла прославляют доблесть, мужество и смелость героев, их готовность умереть «за Царя и Отечество», гражданские чувства.

Казаки проявляли себя волевыми людьми, не позволявшими судьбе сломить их дух. Их оптимизм и смекалка способствовали адаптации к любым жизненным условиям, и эффективному служению Родине: «*Полно вам, снежочки, на земле лежать.../ Полно вам, казаченьки, горе горявать.../ Оставим печаль-тоску во темных*

лесах, / Будем привыкать к азиатской стороне, / Будем уважать чужой молодой жене... / Чужие бабёночки снаряжоннай... / А наши винтовочки заряжоннай...».

Гражданственность в песнях уральских и оренбургских казаков предстает как готовность защищать Родину «не за страх, а за совесть», ценой своей жизни; гордость за принадлежность к казачеству, русскому народу, России.

Православная вера определяла мировоззрение казачества и была неотъемлемой частью их жизни. В казачьих станицах существовала практика празднования религиозных праздников: *«На Михайлов день, / Собираются / Во единый круг / Казаки-братцы. / Они празднуют / Праздник войска... / Среди круга стоит / Знамя царское / Войсково знамя, / Георгиевское. / Казаки, братцы, / Старожилые, / Перед ним стоят, / Богу молятся... / За Царя и за Русь / Мы помолимся...»* [394].

Отправлявшиеся на службу полки благословлялись священником, отводились Божественные литургии о даровании казакам победы. Все это способствовало тому, что воины «отправлялись в действующую армию не как пушечное мясо, а осознавая свой долг защитника Родины» [4, С. 22]. В песнях о несении воинской службы мы видим, как казаки перед серьезным боем, перед лицом смерти уповают на Бога, обращаются к нему: *«...Распустили они полковое знамя, / Поставили они распятие-образ, / Чутко Богу молились, низко кланялись. / Помолвившись Богу, распростились, / Распростившись, на ударь пошли»* («Бой казаков с киргизами» [394]); *«С Богом, братцы оренбуржцы! / Уж вы бейте, не жалеите / Басурманина врага...»* [393, Т. 1, С. 262]; *«Тут восплакнулась, все возгаркнулась вся российска сила / - Вы не плачте, мои сенаторы, может Бог поможет»* («Выхвалялся злой французик» [290, С. 78]). Они говорят о глубокой вере казаков и их высокой духовности.

Приверженность Православной вере нашла отражение в исторических песнях казаков Урала: *«Жизни тот один достоин, / Кто на смерть всегда готов / Православный русский воин / Не считает бьет врагов»* [317, С. 62]; *«Как с двенадцатого года поседелые, братцы, орлы, / Православному, братцы, народу тут сказали славу нам»* («Как с двенадцатого года» [290, С. 76]); обрядах жизненного цикла и в духовных стихах, синтезирующих фольклорные и православно-культурные певческие традиции уральского казачества «Ходил старец по пустынюшке», «Уж вы, голуби» и др. [429]. Вера и Православие в песнях уральских и оренбургских казаков выступают их духовным стержнем в борьбе с врагом. В них звучит идея о исторической миссии казачества – защита «православного народа», «Святой Руси».

Тема любви к «родимой матушке», «милым деткам» и «молодой жене» повсеместно встречается в песнях оренбургских и уральских казаков. Как пишет один из исследователей культуры оренбургского казачества, И. Тихомиров, – «вот главнейшая привязанность казака у себя на Родине и предмет его родственной заботливости, когда он бывает на чужбине» [562, С. 14]: *«Вот пошли наши казаки из гор во туманы / Что из гор во туманы, во больши увалы, / За больши увалы, на большу дорогу, / На большу на дорогу, назад оглянулись, / Что назад-то оглянулись, три слова сказали, / Три словечушка сказали, слезно восплакали: / «Остаются наши дома, дома тесовые, / Остаются наши жены, жены молодые, / Остаются наши детки, детки-малолетки»* [562, С. 3].

В песнях казаки показаны заботливыми и любящими. Прощаясь с родными, они говорили: *«...Не плачь, мамынька родима да, / Не тужи-ка обо мне да, / Что не все*

же, дорогая, / Пропадают на войне. / А жену мою младую / Поберегите вы ее да, / Нападет тоска-кручина – / Развеселите вы ее». Тема беспокойства за свою семью свойственна целому ряду песен оренбургских и уральских казаков: «Не того казак боится, что идет он на войну – / Окружен казак детьми, жаль красавицу-жену» («С красным флагом повестили»). Тяжело раненый казак перед смертью обращается к товарищам с просьбой о том, чтобы они поклонились его родителям: «Вы друзья, боатцы, все товарищи, / Старопрежние вы приятели! / Понесет вас Бог на святую Русь. / На святую Русь, в свою сторону, / Вы скажите отцу с матерью / Разнизкой поклон до сырой земли, / Молодой жене все почтеньице / А малым детушкам – благословеньице» [562].

Таким образом, в народных песнях уральского и оренбургского казачества отражается значимость семьи и семейных ценностей. В них отражается их любовь к женам, детям, уважение и забота о родителях. Как представлен как член семьи (в системе добрачных и семейных отношений) и глазами матери, сестры, жены.

Соборность сознания казачества, идущая от общинного характера его жизни (совместные походы, сборы, выполнение сельскохозяйственных работ «всем миром», «гуртом» [533], проявляется как в содержании их песен, так и в их форме. Песенной формулой является клише «*всё донские, гребенские да яицкие они казаки*», которое встречается довольно часто в репертуаре всех локальных казачьих традиций, в том числе казаков Урала (например, в песне «На реченьке было на Камышинке» и др.) [58]. Также братство казаков по духу закреплено в форме обращения «братцы», которое мы можем наблюдать во многих исторических казачьих песнях. Данному обращению сопутствуют собственные местоимения («мы», «нас») [58]. В сюжетах исторических песен казаки предстают как единый коллектив – в сражениях с внешними врагами (хивинцами, турками и т.д.), в отношении к атаману или военачальнику.

Соборность мыслилась казаками как социальная солидарность, единение, символом которого был казачий круг, традиции которого сохранились в редуцированном виде в казачьей культуре до XX в. Во многих песнях повествуется о важных решениях, которые принимаются казаками сообща, на круге. Например, в песне «Как не ясные соколики» эта идея находит свое отражение: «*Как не ясные соколики солетались, / Не хивинские лезервушки только соезжались. / Вот сходились, ребятушки, они только во единый круг. / За единую, ребятушки, они только думу думали: / - Ну кому из нас, ребятушки, атаманом быть? / Ну кому из нас, ребятушки, есаулом слыть?»* [290, С. 67]. Также одним из аспектов соборности казачьего сознания является товарищество и взаимовыручка. В музыкальном фольклоре казачества Урала часто встречается сюжет о тяжело раненом казаке, который обращается с просьбой к своим «друзьям-товарищам».

Проявлением соборности сознания казачества является хоровое исполнение песен (в традиции уральских казаков даже эпические песни исполнялись не а capella, а в ансамбле), диалогической природе казачьих песен [480, 483]. Традиционное для казаков-уральцев исполнение песен напоминает беседу, каждый участник которой высказывает свою мысль-интонацию, прислушиваясь к собеседнику, но, не прерывая в то же время, течения собственной речи. Своеобразие этой беседы проявляется в относительной самостоятельности голосов и наличии моторного контакта между поющими, реализуемого посредством темпоритма песни [429].

Данный воспитательный идеал, выражающийся в виде художественных образов, в которых совмещены социальные идеи, моральные нормы и эстетические ценности данной субкультурной группы, осваемый личностью, превращается в его личный опыт и органические черты его характера.

Выводы по третьей главе

1. Художественная культура с наибольшей достоверностью воплощает в непосредственно-чувственной форме в своих образах национальный характер этноса, что обусловлено природой художественного, способствует всестороннему, синтезирующему все типы ценностей, духовно-ценностному освоению человеком мира и внедрению полученной информации в его мировоззрение в наиболее оптимальных для психики человека формах. Именно в пространстве художественной культуры осуществляется концентрация деятельности по созданию, трансляции и потреблению культурных ценностей. Народная художественная культура – сложное и многогранное явление, включающее, помимо традиционных видов и форм художественной деятельности и ее результатов, систему воплощенных в художественных образах базовых духовно-нравственных ценностей и идеалов народа.

2. Музыкальная культура генетически, структурно-функционально и духовно-содержательно связана с художественной культурой. Музыкальное искусство – это аккумулятор и транслятор актуальных, социально значимых мировоззренческих и нравственных ценностей, средство их воспроизводства, способ общения людей, формирующий общественные идеалы. Конкретное произведение искусства выступает онтологической формой культурных ценностей – таком способе существования, где их содержание максимально полно реализуется, позволяя сущности явиться во всей своей полноте.

3. В художественной культуре казачества наиболее репрезентативным элементом, воплощающим традиционные для казачества ценности, идеалы и нормы, является музыкальная культура. Музыкальная культура казачества – часть его художественной культуры, включающая музыкальный казачий фольклор, образцы казачьего музыкального искусства – любительское творчество, инструментальные произведения, тематически связанные с казачеством; музыкальную символику войсковых казачьих обществ, которые содержат культурные ценности, идеалы, нормы, образцы и стереотипы поведения, присущие казачеству.

4. Музыкальная культура казачества включает неказачий (состоит из общерусского репертуара и репертуара, воспринятого из культуры соседних этносов) и казачий слои (состоит из общеказачьего репертуара и репертуара, связанного с локально-региональной традицией, имеющей яркие музыкально-стилистические признаки, аккумулирующие в себе специфику местных условий, социально-исторические особенности региона, своеобразие его культуры). Она воспроизводит этнические, локальные, региональные, социальные типы творчества, и их составляющие – систему ценностей, норм и способов деятельности.

5. Музыкальный фольклор оренбургского и уральского казачества, являющийся первоосновой его музыкальной культуры, возник и развивался на общерусской фольклорной основе. Он имеет локально-региональную специфику, связанную со

своеобразными условиями исторической, социально-экономической жизни, нравственно-бытовыми устоями, мировоззрением, мироощущением национальным составом населения и характером унаследования им певческих традиций: четкая дифференциация мужских и женских песенных жанров; наличие ядра (мужские жанры), двух стиливых полюсов – протяжная и «моторная» строевая песня. В рамках данных полюсов складываются ритмические, ладогармонические, тембровые, фактурные модели, воспринимаемые другими жанрами данной традиции. Он связан с самобытными традициями, характерными для казачества Урала (например, с обычаем «взятия городков», возникшим в связи с положением, которое занимали казаки на пограничной Оренбургской линии и напоминающим действительную оборону оренбургских и уральских казаков при линейной крепости от нападающих на нее киргиз-кайсаков, обрядом «Багрень» – особым видом зимнего рыболовства, характерным только для уральского казачества), с географическими особенностями – уральское и оренбургское казачество неотделимо от реки Яик (Урал).

6. Специфика музыкальной культуры уральского и оренбургского казачества, определяющая ее ценностный потенциал, обусловлена самобытными традициями, характерными для казачества Урала. В ней репрезентируются такие ценности, как: *гражданственность* (готовность защищать Родину «не за страх, а за совесть», ценой жизни; гордость за принадлежность к казачеству, русскому народу, России), *патриотизм* (любовь к России, своей малой родине, которая неотделима от любви к родителям; служение Отечеству; символ Родины и символ свободы слиты в образе Яика); *Православие* (выступает духовным стержнем в борьбе с врагом; осмысливается идея об исторической миссии казачества – защита «православного народа», «Святой Руси»), *семья и семейные ценности* (любовь к жене, детям, уважение и забота о родителях), *соборность* (социальная солидарность, единение, товарищество и взаимовыручка). Конкретным воплощением данного идеала являются образы Ермака Тимофеевича, героя войны 1812 г. генерала М.И. Платова, атамана И.Ф. Некрасова, донского казака Ф. Агуреева, героя походов в Среднюю Азию генерал-майора Степцова, есаула Падурова, ведущего оренбургских казаков против турецкого султана, героя войны с Наполеоном полковника Белякова, полководцев А.В. Суворова, М.И. Кутузова, М.Д. Скобелева и др.

7. Педагогический потенциал художественной культуры казачества в освоении детьми и молодежью традиционных культурных ценностей обусловлен следующими положениями: а) она является системой порождения, накопления, хранения, обобщения и трансляции в индивидуальных образах традиционных ценностей, свойственных культуре казачества; б) в ней отражается воспитательный идеал народной педагогики казачества, представляющий собой человека, в основе ментальности которого лежат такие традиционные ценности, как гражданственность, патриотизм, Православие, семья, соборность; это вольный человек, проявляющий стойкость, отвагу и храбрость, исполняющий свой долг перед Родиной; в) через образные ассоциации она воздействует на воображение, эмоции и подсознание человека, а эмоциональное внушение рождает эмоциональную установку, нацеленность и готовность человека к определенным поступкам, соответствующим идеальному образу казака, воплощающего в своих поступках традиционные ценности.

Глава IV. КОНЦЕПЦИЯ И МОДЕЛЬ ОСВОЕНИЯ ДЕТЬМИ И МОЛОДЕЖЬЮ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

4.1. Концепция освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей: теоретические основы

В данной главе будут представлены теоретические и методологические основания концепции освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей. На примере системы казачьего образования, как части российского образования в целом, включающей казачьи кадетские корпуса, школы, классы, клубы и молодежные организации казачьей направленности будет показана модель освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей, как проект вышеназванной концепции.

Однозначной трактовки понятия «концепция» в современной научной литературе нет. В психолого-педагогических исследованиях под ней подразумевают стратегию педагогической деятельности, определяющую разработку соответствующих теорий [83]; цель, сущность, структуру, движущие силы, способы и закономерности функционирования учебного процесса [195]; ведущую идею, основную мысль чего-нибудь или синоним теории [409]; сложную, целенаправленную, динамическую систему фундаментальных знаний о педагогическом феномене, полно и всесторонне раскрывающих его сущность, содержание и особенности [653] и т.д. Проанализировав представленные выше и ряд других определений данного понятия [81, 329], мы пришли к выводу, что в целом оно трактуется учеными как базовая идея исследования или как форма представления его результатов. В настоящей работе мы будем опираться на следующее определение концепции: это комплекс ключевых положений, достаточно полно и всесторонне раскрывающих сущность, содержание и особенности исследуемого явления, его существования в действительности или практической деятельности человека [539, С. 366]. Данный выбор обусловлен тем, что в настоящей диссертации представлена разработка единого направления решения проблемы освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей – от концепции (как ряда положений, раскрывающих сущность, содержание и особенности исследуемого явления) – к ее проекту-модели.

Концепция освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей развивает основные принципы культурной и воспитательной политики в России, определенные в Законе РФ «Об образовании», государственной программе «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2011-2015 гг.», «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» «Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в РФ на 2008-2015 гг.» и «Концепции художественного образования в РФ», «Национальной доктрине образования в РФ до 2025 г.», «Стратегии государственной молодежной политики в РФ».

Целью концепции освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей является теоретико-методологическое обоснование данного процесса. Основанием концепции служит ряд положений:

Положение первое. Мировоззрение личности, выражающееся в ее системе ценностей и идеалов, формируется в конкретных социокультурных условиях –

условиях региональной культуры как варианта общенациональной культуры и одновременно самостоятельного явления, обладающего собственными закономерностями развития и логикой исторического существования [389, С. 8].

В культуре конкретного региона выражены особенности выработавшейся в процессе исторического развития адаптации культурной общности к природным условиям, воплощающиеся в формах духовного освоения мира и в материальных артефактах; особенности межкультурной коммуникации; специфика транслируемой обществом и усваиваемой индивидом ценностно-нормативной системы [389]. Своеобразие региональных культурных традиций складывается из географических, экономических и социальных особенностей территории. В них отражается социально-исторический опыт живущих на данной территории людей, социальных групп, национальностей, вероисповеданий.

Региональная культура является продуктом коллективной деятельности людей, но ее практическими творцами и исполнителями являются конкретные личности. Личность в данном контексте выступает в нескольких ипостасях: как «продукт» региональной культуры, усвоивший в процессе социализации и инкультурации ее нормы и ценности; как «потребитель» культуры, осуществляющий свою социальную практику в соответствии с усвоенными нормами и ценностями; как «производитель» культуры, ее создатель, порождающий культурные формы; как «транслятор» региональной культуры [77].

Фольклорная культура также обладает своей региональной спецификой. Рассмотрению такой фольклорной культуры посвящены работы многих авторов, в числе которых – Б.Н. Путилов, В.М. Щуров и др.[] Само понятие региональности они сводят к наличию специфики в различных конкретных проявлениях (конкретной фольклорной культуры или ее составляющих), которая выражается через внефольклорные факторы [463]. В этой связи В.М. Щуров выделяет ряд «внешних» моментов: различие в природном окружении (степь и лес, суровый север и теплый юг, горы и открытое поле); различные исторические обстоятельства (характер миграционных процессов, этническая обособленность одних районов и живые контакты, межэтнические влияния в других); хозяйственный и бытовой уклад (различия в хозяйственно-культурной типологии); особенности творческой деятельности самих носителей фольклорной культуры. Региональная специфика, по мнению вышеназванных исследователей, отражается в вербальном и музыкальном начале, в акциональных элементах (танец, пантомима, игра), в функционировании.

Географическая среда вырабатывает систему символов, влияющих на формирование народной культуры и дает представление об этносе. Элементы ландшафта в виде зрительных образов (например, береза как символ русской культуры), в сочетании с особенностями топонимики (реки, горы), являются символами этнической принадлежности. Хозяйственные традиции этноса также обусловлены географическими особенностями. Для одного народа наиболее характерным видом деятельности является земледелие, для другого – скотоводство, для народов, проживающих в непосредственной близости от больших рек или морей – рыболовство, мореплавание, кораблестроение и т.д. Географический фактор находит выражение и в формировании характера народа. Это наглядно показывают исследования Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Д.С. Лихачева и других отечественных

мыслителей [64, 223, 343]. Так, «фундаментально важные природные условия человеческой жизни, сказывающиеся и на социальном укладе, и на вековых культурных традициях, оказывают мощное воздействие на эмоциональный строй и колорит произведений искусства» [608, С. 48].

Одним из результатов деятельности индивида по освоению ценностей культуры является символизация пространства жизни, как наглядное представление ценностно-значимых явлений [389].

Региональной спецификой, связанной со своеобразными условиями исторической, социально-экономической жизни, обладает и художественная культура казачества, включая ее локально-региональные варианты (например, художественная культура уральского и оренбургского казачества).

В изложении первого положения концепции освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей обратимся к художественной культуре уральского и оренбургского казачества в ее музыкальном преломлении. Здесь отметим, что музыкальная культура каждой локальной казачьей традиции обладает своими особенностями, описанными в исследованиях современных культурологов и музыковедов: сибирское казачество (Е.М. Бородина, Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский [92, 599]); терско-гребенское казачество (А.Ф. Григорьев, Г.Н. Марахтанова [163, 357]); донское казачество (В.А. Бахвалова, А.П. Листопадов, А.В. Пономарев, Я.А. Пономарев, Т.С. Рудиченко [50, 340, 445, 482, 483, 484, 485]); уральское казачество (Т.И. Калужникова, Е.И. Коротин [239, 289, 290, 291, 292, 293, 429]); оренбургское казачество (А.В. Глинкин, А.И. Лазарев, Н.М. Савельева, Б.П. Хавторин [153, 489, 604]) и т.д. Каждая из них является частью региональной культуры, частью культуры казачества и частью народной художественной культуры в целом и «как бы видит себя одновременно в разных контекстах: не только в контексте своей специфики (в ряду смежных или противостоящих ей иных локальных культур), но и в грандиозном зеркале мировой культуры как целого» [215, С. 146].

Как указывалось в предыдущей главе, музыкальная культура каждой локальной казачьей традиции включает казачьи и неказачьи слои. Казачий слой, в свою очередь, состоит из общеказачьего репертуара, и репертуара, связанного с локально-региональной традицией, имеющей яркие музыкально-стилистические признаки. Здесь находят выражение этнические константы, ценностные доминанты, природный ландшафт, особый тип сознания людей, связанный со своеобразными условиями исторической, социально-экономической жизни, нравственно-бытовыми устоями, мировоззрением, мироощущением, национальным составом населения и характером унаследования им певческих традиций, что проявляется в тематике, языковых и этнографических элементах, мотивах, образах, воспринятых из фольклора других народов [163, 290, 429].

Традиционные для казачества культурные ценности (гражданственность, патриотизм, Православие, семья, соборность и т.д.) здесь воплощаются в преломлении вышеназванных условий. Это можно проиллюстрировать на примере казачьей народной песни, выступающей в качестве полифункциональной культурологической парадигмы (О.Н. Алексеева [17]), текст-кода (Ю.М. Лотман), который представляет бытие в трех семиотических аспектах: общечеловеческое бытие казаков; народное бытие (запечатление ментальности данной субкультурной группы, определенных ценностей,

идеалов, особенностей веры, ритуально-обрядовых традиций, обычаев, праздников); человеческое бытие (отражение моментов частной жизни казачества, индивидуально-личностных черт, отражающих ценности и идеалы культуры казачества) [17].

Так, наряду с общерусскими песнями, в репертуаре уральских и оренбургских казаков бытовали песни, связанные с самобытными традициями, характерными только для казачества Урала: обычаем «взятия городков», (у «уральцев» – «городов»), переросшим с течением времени в традицию, возникшую в связи с положением, которое занимали казаки на пограничной Оренбургской линии и напоминающую действительную оборону оренбургских и уральских казаков при линейной крепости от нападающих на нее киргиз-кайсаков [317] (у «донцов» данной традиции не существовало, что связано с особенностями их климата); обрядом «Багрень» – особым видом зимнего рыболовства, характерным только для уральского казачества и т.д. Уральское и оренбургское казачество было неотделимо от реки Яик (Урал, «Горыныч»), который они воспевали в своих песнях, называя его «кормильцем», «поильцем», «золотым дном»¹⁸; основными промыслами уральского и оренбургского казачества (земледелие, охота, рыболовство) и т.д.

В соответствии с предложенной О.Н. Алексеевой концепцией знаковости русской народной песни, в ней содержится, во-первых, «социокод» всей цивилизации, человечества в целом; во-вторых, «социокод» определенного народа (в данном случае субкультурной группы – казачества, его история, философия, вероисповедание, моральные и этические нормы жизнедеятельности, основой которой являются традиционные ценности); в-третьих, «социокод» личности, ее самосознание, ценностные ориентации, оценки, поведение в аспекте субъективного мировосприятия, умонастроения как результата осмысления антиномичных вечных и социокультурных явлений [17].

Как культурный текст, казачья народная песня, как и общерусская, разворачивается на вербально-мелодическом (исполнение песен), поведенческом (ритуальная ситуация) и ментальном (этническая рефлексия) уровнях, в которых воплощается характер данной субкультурной группы (созданные этноисторическим опытом казачества в процессе генезиса черты, духовные потенции, стереотипы поведения) [17].

Таким образом, народная художественная культура, характерная для определенного российского региона, обладает уникальным аксиологическим потенциалом, который определяется ценностями, воплощенными в ее художественных образах в преломлении своеобразных условий исторической, социально-экономической жизни, нравственно-бытовых устоев, мировоззрения, национального состава населения и в целом своеобразия культуры региона. Происходит освоение личностью традиционных культурных (свойственных русскому этносу и русской культуре в целом) и художественных ценностей посредством музыкальной культуры конкретной локальной казачьей группы как части региональной культуры.

Учебные заведения, находящиеся в любой точке России, являются частью регионального культурно-образовательного пространства, ключевыми компонентами которого выступают сферы культуры и образования, актуализирующие и

¹⁸ Для Донского казачества такими «символическими» были реки Дон и Донец, которым они посвящали свои казачьи песни.

транслирующие смыслы, созданные в процессе человеческой деятельности в регионе, обеспечивающие адаптацию, социализацию, инкультурацию жителей и определяющие их идентичность и образ жизни [388]. Чтобы образовательное учреждение воспринималось как компонент регионального культурно-образовательного пространства, в его учебно-воспитательном процессе должны транслироваться соответствующие смыслы [387].

Региональное своеобразие образовательной среды позволяет педагогам формировать эффективное воспитательное пространство в образовательном учреждении, поселке, городе, районе.

Содержание образования в учебных заведениях и учреждениях дополнительного образования должно быть этнофункционально согласовано с культурой, характерной для определенного российского региона. В учебных учреждениях с казачьим кадетским компонентом и учреждениях дополнительного образования казачьей направленности художественная культура казачества не должна восприниматься как некая «культурная универсалия». Она должна представляться в ее локально-региональном варианте. Так, в казачьих кадетских учебных заведениях и учреждениях дополнительного образования Краснодарского края должна транслироваться и, соответственно, осваиваться детьми и молодежью, прежде всего, художественная культура кубанского казачества, на Урале – художественная культура оренбургского и уральского казачества, на Дальнем Востоке и в Забайкалье – забайкальского, амурского и уссурийского казачества, на Северном Кавказе – терского (гребенского) казачества и т. д.

Следующим аспектом первого положения концепции освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей является обращение к проблеме восприятия реципиентом музыкальной культуры, интерпретации ее «интонируемого смысла», ценностного содержания. Она тесно связана с проблемой обусловленности воздействия искусства на человека особенностями его художественного восприятия, на что указывают многие исследователи (Н.Ф. Бучило, Р.А. Зобов, Б. Кубланов, В.В. Медушевский, А.М. Мостепаненко, Е.В. Назайкинский, Г.Г. Нежнов, О.Н. Органова, Б. Рунин, М. Сапаров, А. Ткемаладзе, В.Н. Холопова, Р.П. Шульга и др.).

Речь идет об апперцепционной обусловленности музыкального восприятия, о чем рассуждал в свое время Б.В. Асафьев. Согласно его теории, музыкальная интонация есть «осмысление звучания» и принадлежит конкретной социальной среде [30, С. 355]. Сознание слушателей содержит комплекс музыкальных представлений, в который входят различные фрагменты музыки. Он составляет «устный музыкально-интонационный словарь», представляющий собой интонируемый каждым человеком «запас» выразительных для него «говорящих ему» музыкальных интонаций, «на слуху лежащих» звукообразований, вплоть до характерных интервалов и напевов. При восприятии любого музыкального произведения, у человека происходит сравнение, осуществляющееся по общеизвестным «дорогам» [30, С. 271]. В связи с этим, Б.В. Асафьев указывал, что учитель должен избирательно подходить к выбору материала для слушания (наблюдения) музыки, так как среда, из которой вышли слушатели, играет важную роль. Музыкальный фольклор должен осваиваться теми группами людей, у которых есть для этого социогенетические предпосылки [29].

Е.В. Назайкинский, развивая идеи Б.В. Асафьева, указывал на связь восприятия музыки, ее слышания и понимания с жизненным опытом реципиента, в который входят сенсорный (опыт органов чувств), кинетический (моторно-динамический), социальный (речевой и коммуникативный) опыт [397]. Индивидуальный опыт, по Е.В. Назайкинскому, субъективен, так как хранилищем личных жизненных впечатлений, знаний, умений, навыков являются нервные клетки и нервная система с ее неповторимой «историей» развития. Но он объективен, так как приобретается в результате реальных взаимодействий человека с жизнью, с объектами и явлениями, окружающими его с момента рождения, с людьми, передающими ему свои знания [397]. Образы окружающей действительности, пережитые коллизии самоопределения своего «Я», ценности и нормы поведения ближайшего социального окружения, освоенные способы общественной деятельности – все эти компоненты личностного опыта органично присутствуют в процессе музыкального мышления наряду с опытом музыкальным [440]. При восприятии человеком произведения музыкального искусства образы прошлого опыта, хранящиеся в памяти, актуализируются. Прошлый опыт в музыкальном мышлении используется, с одной стороны, в качестве знаний из области теории музыки, а с другой – в качестве образов ранее пережитых психологических ситуаций. Если воспринимаемое музыкальное произведение не вступает в резонанс с бессознательным опытом, то проявляется феномен «вовлеченности» или «невовлеченности» слушателя в процесс восприятия музыки [566].

В.В. Медушевский, продолжая развитие данной проблемы, предлагает обобщенное понятие «адекватное восприятие», под которым он понимает прочтение текста в свете музыкально-языковых, жанровых, стилистических и духовно-ценностных принципов культуры, которое зависит от того, насколько личность вобрала в себя опыт музыкальной и общей культуры. Это идеал, эталон совершенного восприятия произведения, основывающийся на опыте всей художественной культуры [461].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, нами выделено *первое положение успешности освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей*: народная художественная культура, характерная для определенного российского региона, обладает уникальным аксиологическим потенциалом, который определяется ценностями, воплощенными в ее художественных образах в преломлении своеобразных условий исторической, социально-экономической жизни, нравственно-бытовых устоев, мировоззрения, национального состава населения; художественный опыт реципиентов «встроен» в «интонационное поле» наследия конкретного региона, что ведет к наиболее адекватному восприятию и интерпретации его «интонируемого смысла».

Положение второе. Оно основано на идеях, выдвинутых в содержании параграфа 1.3. настоящей монографии, в котором представлены психологические предпосылки и механизмы освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей. Ниже кратко изложим их суть.

Процесс ценностного ориентирования личности при общении с художественным произведением осуществляется не с позиций осмысления ценностей, заложенных в нем, а с позиций их «проживания» реципиентом, превращения в его личностную ценность, достояние индивидуального сознания. Как справедливо замечает Г.П. Выжлецов, «к ценностям невозможно просто приобщиться, их нужно сотворить

самостоятельно» [127, С. 79]. В связи с этим, условием усвоения личностью культурных и художественных ценностей современной наукой выдвигается целенаправленное воздействие на процесс художественно-эстетического отношения (В.П. Большаков, Г.Г. Коломиец, Н.П. Копцева, В.П. Лозинская, Р.П. Шульга) [80, 269, 286, 637]. Данное отношение реализуется посредством определенных психологических механизмов: идентификации, рефлексии, обособления и самореализации.

Согласно теории А.В. Тороповой, вхождение личности в интонационно-символическое поле общественного музыкального сознания на уровне личности в этносе и культуре подчинено действию механизмов идентификации и обособления. Через них осуществляется процесс общения общечеловеческих и индивидуальных смыслов-переживаний, который ведет к порождению индивидуальных смыслов и эффективной обработке информации, заложенной в произведениях музыкального искусства и приводит к чувству личности [566, 567].

Ценностно-смысловой контекст художественного сознания инициирует процесс, в котором, с одной стороны, происходит «исчезновение» субъекта, его погружение в мир художественного произведения, растворение в художественной действительности, созданной автором. С другой стороны, художественная действительность отчуждается, «внеполагается» субъекту, и художественное произведение предстает перед реципиентом как отстраненный и заверченный в себе мир [310, 311].

Диалектика данного процесса состоит в полной погруженности реципиента в мир художественного произведения и дальнейшем его возвращении в свой собственный мир. Процесс сопереживания, эмпатии неразрывно связан с диаметрально противоположным процессом созерцания художественной формы в ее гармонии, завершенности и совершенстве. Данные диалектически противоречивые процессы, опосредуя друг друга, создают стереоскопическое (бинарное) видение произведения искусства, которое и составляет суть художественно-эстетического отношения человека к произведению искусства [310, 311].

Воспринятый в произведении искусства материал осмысливается человеком этически, познавательно и эстетически (то есть, реализуется механизм рефлексии, когда у реципиента происходит соотнесение субъективно-индивидуальных предпочтений с общественно принятыми нормами оценки произведения искусства). Здесь следует отметить, что полноценное, художественное воздействие искусства на личность осуществляется лишь в результате опосредования, эмпатического сопереживания и созерцания (то есть, когда осуществились идентификация, рефлексия и обособление) [310, 311]. Затем происходит включение ценностей «другого» в художественный и жизненный опыт реципиента (рефлексия).

Далее следует процесс экстерииоризации – превращения внутреннего во внешнее, когда на основе приобретенных личностью психических образований осуществляется внешнее развертывание деятельности. То есть, осуществляется сознательная, волевая экстерииоризация сущностных сил в процессе достижения значимых для субъекта целей и задач – то есть самореализация (В.Ф. Сафин). Самореализация личности может осуществляться в художественной деятельности, создании художественных продуктов. Здесь отметим, что художественная деятельность в целом – это особый вид человеческой активности, сутью которой является создание, хранение, функционирование и передача духовных ценностей. Она включает в себя

художественное творчество и его результаты (художественные ценности), художественное восприятие явлений действительности и произведений искусства [80]. При этом художественная деятельность выступает средством обработки информации, заложенной в художественном произведении, которое является многоуровневой информационной структурой.

По Е.В.Бондаревской, человек может обрести свою духовную сущность и стать частью человечества, постигая культуру и творя ее [84].

В связи с тем, что освоение личностью культурных и художественных ценностей в рамках данного исследования осуществляется на материале народной художественной культуры, приведем слова И.И. Земцовского, который утверждал, что фольклорное исполнительство – «это единство единичного и типового, это формотворчество и коммуникация, это исполнительское общение и самореализация, это манифестация традиции, знак и репрезентация культуры в ее исторических метаморфозах» [174, С. 180].

В связи с вышеизложенным, обратимся к диалоговой концепции культуры М.М. Бахтина, согласно которой диалог является условием культурного бытия человека и способом нахождения им человеческих смыслов, так как размышление, совершаемое в диалоге, всегда неоднозначно, содержит в себе разнообразные подтексты, результатом такого общения является рождение эстетического чувства, эстетического и художественного понимания. Понимание в его интерпретации предполагает выход за пределы художественного отношения и «прорастания» в конкретность общежизненного процесса.

Диалог здесь выступает формой, обеспечивающей реализацию смыслопостижения и смыслопорождения ценностей культуры, которые ведут к интериоризации ценностей культуры, самоопределению личности в мире этих ценностей и становление позиции субъекта культуры.

Диалогичность воспитания в целом, направленного на постижение ценностей культуры, проявляется: в процессе актуализации ценностей эпох и культур прошлого и настоящего, когда качество диалога обеспечивает степень освоения ценностей; в ходе осуществления диалога между воспитателем и воспитанниками, что обеспечивает реализацию коммуникативной функции культуры; в процессе «внутреннего диалога» ребенка с самим собой, что выступает условием интериоризации личностью культуры, показателем уровня приобщения человека к культуре [480].

Как доказывают исследования в области психологии искусства (А.Л. Готсдинер, В.А. Мединцев, В.В. Медушевский, В.И. Петрушин, Г.С. Тарасов, О.А. Успенская, Г.М. Цыпин и др.) [161, 369, 371, 372, 555, 588, 461], музыкальная культура способствует межличностному (передача эстетической, этической, социальной, исторической информации на всех уровнях – от межиндивидуального до уровня поколений) и внутриличностному общению реципиентов (осуществление внутреннего диалога, происходящего в «Я-концепции» между «Я-реальным» и «Я-идеальным»).

На наличие в процессе восприятия музыки диалога сознания индивида и внешних сознаний в своей работе указывает В.А. Мединцев. В качестве внешних он рассматривает персоналии (человеческое окружение) и сознание, запечатленные в произведениях музыкальной культуры [369]. Существование ситуаций со-бытийного диалога обыденного сознания с символическим искусством, в процессе которого сознание

человека «трансформируется в самосознание подлинной личности» доказывает К.В. Андреева [21, С. 63]. О восприятии музыки как о постижении человеком другой индивидуальности через сопереживание ей «ценой эмоционального напряжения», которое приводит к «постоянному возрождению ...чувственных сил» пишет Г.С. Тарасов [555, С. 132]. Это эмоциональное сопереживание, проявляющееся как идентификация эмоционального настроения реципиента со смысловым развертыванием произведения искусства, является способом этического воздействия на человека и обуславливает его культурную самоидентификацию [608].

Таким образом, можно заключить: художественная культура способствует межличностному и внутриличностному общению реципиентов; вхождение личности в интонационно-символическое поле общественного музыкального сознания подчинено действию механизмов идентификации и обособления; только идентифицируясь с художественными образами музыкального произведения у человека возникают индивидуально окрашенные ассоциации, осуществляется эмоциональный резонанс, происходит актуализация личного бессознательного опыта, результатом чего является эффект «повторного проживания», проявляющееся как идентификация эмоционального настроения реципиента со смысловым развертыванием музыкального произведения; воспринятый материал осмысливается человеком этически, познавательно и эстетически (реализуется механизм рефлексии, когда у реципиента происходит соотнесение субъективно-индивидуальных предпочтений с общественно принятыми нормами оценки произведения искусства); в момент идентификации происходит погружение субъекта в мир музыкального произведения, его слияние с его «коллизией», а затем осуществляется механизм обособления, когда художественная действительность отчуждается, «внеполагается» субъекту, в процессе чего художественное произведение предстает перед реципиентом как отстраненный и завершенный в себе мир (на основе взаимодействия механизмов идентификации и обособления происходит перенос из художественного мира в действительность); далее осуществляется включение ценностей «другого» в художественный и жизненный опыт реципиента; затем происходит экстерииоризация – превращение внутреннего во внешнее на основе приобретенных психических образований (осуществляется механизм самореализации) – в процессе освоения человеком музыкальной культуры осуществляется через музыкальную деятельность, которая выступает средством обработки информации, заложенной в музыкальном произведении, являющегося многоуровневой информационной структурой.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, нами выделено *второе положение успешности освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей*: освоение личностью традиционных ценностей осуществляется посредством включающихся последовательно механизмов: идентификации (с героем произведения, жизненным событием, описываемом в художественном произведении), рефлексии (осмысление поступков «другого», его ценностных позиций и проявление отношения к ним), обособления (отстранение личности от художественных событий, чувств, мыслей героя, создателя художественного произведения, включение ценностей «другого» в собственный художественный и жизненный опыт), самореализации (воплощение полученного опыта в художественной деятельности, которая отражает традиционные ценности, освоенные в ходе ознакомления с артефактами культуры).

Положение третье. Основой выдвигаемого положения служат: идеи этнической психологии и социологии (С.А. Арутюнов, В.П. Левкович, Н.Г. Панкова, Н.С. Сарсенбаев) [25, 26, 27, 334, 501] об обрядах и ритуалах, выражающих определенные идеалы, как средство установления связи между прошлым и настоящим, предками и потомками, форме познания человеком общественных отношений; идеи в области общей психологии о трансформации социальных ценностей в личностные через включение субъекта в коллективную деятельность, направленную на реализацию соответствующей ценности (Д.А. Леонтьев [337]); идеи современных исследователей в области педагогики искусства А.Б. Афанасьевой, Е.Г. Борониной, И.В. Ржепянской [36, 37, 93, 477] о построении эффективной работы по освоению школьниками народной художественной культуры в ситуациях «проживания» и социальной востребованности, в процессе моделирования различных аутентичных ситуаций (обрядов, ритуалов и т.д.); идеи современной музыкальной психологии (В.М. Подуровский, Н.В. Сулова, Р.А. Тельчарова) [440, 560] об освоении личностью музыкальной культуры общества посредством музыкальной активности (деятельности).

В русле решения проблемы освоения личностью социальных ценностей и их превращения в ценности личностные Д.А. Леонтьевым указывается на три формы существования ценностей: общественные идеалы (выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни); предметное воплощение этих идеалов в деяниях или произведениях конкретных людей; мотивационные структуры личности («модели должного»), побуждающие личность к предметному воплощению общественных ценностных идеалов в своем поведении и деятельности. Данные формы переходят одна в другую: личность усваивает общественные идеалы, которые, в качестве «моделей должного», побуждают ее активность, в процессе чего осуществляется их предметное воплощение. В свою очередь, воплощенные ценности снова становятся основой для формирования социальных идеалов. Данный «круг» совершается по спирали бесконечно. Однако, как отмечает психолог, не все социальные ценности превращаются в достояние личности. Здесь недостаточно осознания или положительного отношения к ценности. Необходимо практическое включение индивида в коллективную деятельность, направленную на реализацию соответствующей ценности [337].

Социальные ценности составляют суть традиции, которая подразумевает под собой передачу в диахронном плане, от старших к младшим, от поколения к поколению устоявшихся форм поведения, навыков, понятий, всего, что составляет костяк культуры [27].

Более узким понятием, тесно связанным с традицией, является обычай, как исторически сложившиеся, стереотипные формы массового поведения, представляющие собой стандартные действия, воспроизводимые в неизменном виде в течение длительного исторического времени.

Традиции включают в себя историческую память этнической общности, в которой заключены ее ценности, идеалы и нормы. Формой проявления обычая является ритуал (обряд), в котором способ осуществления действия не обладает непосредственной целесообразностью и служит лишь обозначением (символом) определенного

социального отношения (существующего социального порядка, признания каких-либо ценностей и авторитетов) [334, С. 171].

Обычаи, ритуалы и обряды осуществляют не только функцию поддержания социального единства в данный момент времени, но и установления связи между прошлым и настоящим, предками и потомками. Через них осуществляется передача ценностных духовных основ культуры.

Освоение ценностной сферы культуры личностью осуществляется «в процедурах сопереживания, вчувствования, деятельной сопричастности, личностного участия в событийной процессуальности ...культуры...» [103, С. 1-2]. «Проживание» культурной ситуации позволяет ощутить вертикаль развития культуры от ее корней до современности [36]. Ребенок по мере социализации начинает понимать и осознавать ценностные ориентации общества, но не в состоянии принять эти ценности по вербальным основаниям. Ему необходимо прочувствовать, пережить на собственном опыте значимость тех или иных культурных ценностей в деятельности. Не погрузившись в эту деятельность, в отношения связанные с ней, ребенок не сможет интериоризировать предлагаемые ценности [348, 349].

В субкультуре казачества народная песня влияла на организацию всего строя повседневной жизни казачества, была неотъемлемой частью духовно-нравственного и военно-патриотического воспитания подрастающего поколения казаков. Она была важнейшим элементом всех публичных военных зрелищ и школьных праздников, содержания образования, в том числе строевой подготовки, что способствовало освоению подрастающим поколением казаков ценностей, свойственных культуре казачества, и формированию его культурной идентичности.

Следует также отметить, что в воинских ритуалах, целью которых является формирование у участников и зрителей определенных образов, мыслей, чувств, представлений и настроений, проявляется сочетание сознания и подсознания – слова-символы и определенные действия выражают их сознательную составляющую, а знаки-символы, замещающие реальные предметы, процессы и явления, являются их подсознательной составляющей. Именно воинские ритуалы наиболее устойчивы по содержанию, структуре, форме проявления традиций и обладают способностью сильного эстетического воздействия на сознание, отношения, чувства и идеалы человека [633].

Поэтому в учебно-воспитательном процессе учебных заведений/классов с казачьим кадетским компонентом, учреждений дополнительного образования казачьей направленности возможно включение детей и молодежи в культурные практики: реконструкцию обрядов и традиций, участие в ритуалах, свойственных казачьей культуре, что позволяет раскрыть их глубокое образно-смысловое, ценностное содержание.

В современных исследованиях в области музыкальной психологии указывается, что освоить музыкальную культуру общества, персонифицировать ее можно исключительно посредством музыкальной активности (то есть, деятельности) [452]. Именно музыкальная деятельность является «орудием», средством индивидуального вхождения человека в культуру и социум, посредством которого «личность в практической деятельности через музыкальное произведение общается с духовным опытом человечества» [358, С. 17].

Певческая интонация казачьей традиции сложилась в слиянии речевых, вокальных и двигательных поведенческих образцов. Поэтому в учебном процессе учебных заведений/классов с казачьим кадетским компонентом и воспитательном процессе учреждений дополнительного образования и молодежных организаций необходимо осуществление осмысления интонаций с помощью двигательной сферы – через «проживание» художественного образа, обогащенного двигательным выражением, что ведет к более глубокому познанию конкретного образа и типическому обобщению жанровых характеристик (так как позволяет погрузиться в ситуацию через связанные с ней движения – маршевые, танцевальные, обрядовые, выполненные с соответствующим эмоциональным настроением). Подобное осмысление музыкальных интонаций способствует выходу музыкального мышления детей и молодежи на уровень музыкальной коммуникации.

Можно заключить: трансформация социальных ценностей в личностные осуществляется через включение субъекта в коллективную деятельность, направленную на реализацию соответствующей ценности; обычаи, ритуалы и обряды являются средством установления связи между прошлым и настоящим, предками и потомками, через них осуществляется передача ценностных духовных основ культуры; воинские ритуалы (в том числе свойственные культуре казачества) наиболее устойчивы по содержанию, структуре, форме проявления традиций и обладают способностью сильного эстетического воздействия на сознание, отношения, чувства, ценностные ориентации и идеалы человека; освоение ценностной сферы культуры личностью наиболее эффективно осуществляется в процессах сопереживания, вчувствования, «проживания» культурной ситуации; поскольку певческая интонация казачьей традиции сложилась в слиянии речевых, вокальных и двигательных поведенческих образцов, то «проживание» личностью художественного образа музыкальных произведений, относящихся к культуре казачества, возможно через осмысление ими интонаций с помощью двигательной сферы.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, нами выделено *третье положение успешности освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей*: способами освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей является: а) «проживание» практически-духовного компонента культурного опыта народа, включение музыки в традиционные формы бытования народной художественной культуры; б) создание по освоенным образцам народной художественной культуры художественных продуктов и творческое воплощение в них традиционных ценностей.

Положение четвертое. Основой выдвигаемого положения служат: положения интонационного подхода Б.В. Асафьева и В.В. Медушевского; парадигма этнослухового музыкознания И.И. Земцовского [209, 210]; этнографическая парадигма школьного музыкального образования Л.В. Шаминой [625]; идеи Е.Г. Борониной, М.К. Бурьяк, О.В. Пивницкой, О.Н. Яшмолкиной [93, 100, 435, 659] об осуществлении музыкального воспитания учащихся на региональном народно-песенном (аутентичном, фольклорно-этнографическом) материале при учете его свойств и региональной специфики, на основе развития их этноинтонационного слуха, применения специфических методов, способствующих углублению восприятия учащимися национальной специфики музыки.

Ранее в психологии музыки музыкальный слух понимался как способность человека к восприятию звуковысотного качества музыкального звука (Н.А. Гарбузов, Б.М. Теплов). Понимание коммуникативного значения языка музыкального искусства привело к тому, что музыкальный слух сегодня исследуется с позиций интонационной теории Б.В. Асафьева, в соответствии с которой музыка воспринимается как искусство «интонируемого смысла», в интонациях которой «свернута» та или иная музыкальная культура, заключены функции выражения и воздействия. Он направлен на художественно-смысловое прочтение музыки, строящейся на высотной основе, чья эмоциональная природа позволяет через интонирование воссоздавать образную картину художественного мира [554]. Это способность различать и представлять характеристики и свойства звуков, созвучий, звуковых структур, имеющих выразительное и смыслообразующее значение в музыке [543, С. 14].

Согласно исследованиям Д.К. Кирнарской, отличительными особенностями интонационного слуха являются: направленность на выявление смысла музыки; воздействие на телесно-двигательные реакции человека (через ассоциации с движением, жестами, пантомимой), воздействие на речевой аппарат человека («подпевание» и речевое интонирование), инициирование пространственных и цветовых ассоциаций, и, в связи с этим, создание зримого, осязаемого и бесконечно разнообразного мира человеческих эмоций [258]. По мнению В.А. Школяр, интонация является основным свойством каждого художественного произведения, поэтому в любом виде искусства можно «услышать» или «увидеть» интонационные элементы (в концепции Д.Б. Кабалевского мы можем «услышать» живопись и «увидеть» музыку в картине). Здесь Д.Б. Кабалевский тоже имеет ввиду интонацию, но в живописи. Все это позволяет говорить об интонационном слухе очень широко, как о средстве восприятия любого вида искусства.

Слух занимает центральное место в теории И.И. Земцовского, в которой он представлен главным этническим идентификатором, от рождения встроенным в человека, который «развивает и создает нашу личность», делает музыку культурно значимой для нас [209, С. 6]. Этнография слуха, в свою очередь, является ключом к познанию всех музыкальных языков и наречий человечества. Этнослышание рождает музыкальное мышление и открывает дорогу к восприятию других культур. Это основа всей музыкальной деятельности [625]. Это «своего рода этнический компас в полиэтничном мире музыки..., в природу которого всегда (и почти всегда бессознательно) входит и способность к... этнической ориентации, вплоть до этнической опознаваемости и ...этнической самоидентификации (личности, семьи, половозрастной или социальной группы)» [209, С. 7].

В настоящем исследовании мы опираемся на понятие «этноинтонационный слух», данное О.В. Пивницкой. Это слух, воспитанный на музыкально-слуховых представлениях, присущих конкретному этносу, на развитие которого должно быть направлено содержание и методы музыкального образования, ориентированного на освоение народно-песенного материала конкретной народно-песенной традиции [435].

Таким образом, если интонационный слух является основой восприятия всех видов искусства, то можно говорить об этноинтонационном слухе как средстве восприятия культурных ценностей. Данное понятие учитывает направленность настоящего исследования на освоение детьми и молодежью Урала традиционных культурных и

художественных ценностей на основе художественной (в том числе музыкальной) культуры оренбургского и уральского казачества, составляющей содержание учебно-воспитательной работы учебных заведений/классов с казачьим кадетским компонентом, учреждений дополнительного образования казачьей направленности и деятельности молодежных организаций.

В диалектической связи с этнослухом находится этно-артикуляция, что обусловлено тем, что музыкальный фольклор обладает тремя видами знаковой отмеченности: сам факт пения; качество мелоса, «интонационный словарь»; тип и стиль интонирования, исполнительская манера, характер артикуляции (человек музицирующий, человек интонирующий и человек артикулирующий) [209].

Музицирование подразумевает определенный социально-бытовой контекст, типовую ситуацию «исполнения», характер исполнительского поведения и общения, обуславливающие соответствующую установку на восприятие. Интонирование определяет семантическую сторону музицирования. Артикулирование является художественно конкретной (звуковысотной, темпоритмической, темброрегистровой, пластичной) и психологически органичной реализацией данного интонирования в рамках данного музицирования. Артикулирование является инструментом фиксации музыки устной традиции, выработанным самой традицией, «артикуляторным генофондом этноса» [210, С. 155]. В нем аккумулируется собственно голосовая артикуляция этнофора, его исполнительское поведение (позы артикуляции – фиксированные или подвижные манеры исполнения), жанровая установка, тембровозвучной идеал (или ансамбль предпочтительных артикуляций), тип интонирования, пластически выраженное самочувствие и, шире – творческая и исполнительская память.

Каждая устная традиция, в том числе казачья, обладает системой артикуляторных¹⁹ типов, характеризующих собой то, чем одна этническая традиция отличается от другой. То есть, музыкально-фольклорная артикуляция через тип интонирования является знаком, ярко маркированным этническим показателем соответствующего локального стиля, диалекта, жанра, жанровой системы и, соответственно, «мостом» в культуру [210, С. 156]. Это интегрирующий элемент, аккумулирующий в себе антропологические, этнические, исторические приобретенные признаки самореализации этноса и его коммуникативного поведения, который связан с этнопсихологическими факторами (стереотипами общения, пластики, мимики, жестикуляции, речеобразования, строения гортани, резонаторов, то есть мускульной стороны фонации). «Культура пишет этнофором. Этнофор своей артикуляцией сигнализирует о культуре» [210, С. 157]. Этнофор в этом случае является не только носителем этнической культуры в широком смысле этого слова. Он выступает создателем «тела» песни, совершающим «песенное действие» [210].

Факторами формирования и воспитания этнослуха как инструмента музыкального мышления, по теории И.И. Земцовского, являются: поведенческие традиции, родной язык и интонация семейного общения, колыбельные песни и материнские звуковые игры с младенцем, синкретизм слуха, его связь с артикуляцией, мимикой,

¹⁹ Фольклорную артикуляцию делят на три основные группы: обрядовую (ритуальную, включая пение трудовых, календарных, свадебного и погребального обрядов, колыбельные), лирическую и сказительскую [210].

жестикуляцией и пластикой (моторность²⁰, характерные и часто фиксированные традицией позы артикулирования)²¹ (все это говорит о том, что ученый понимал этнослух в широком значении, не подразумевая под ним исключительно музыкальный слух); естественная, непроизвольная и специальная тренированность слуха всей окружающей музыкальной и языковой средой, инструментами и т.д. [209].

Музыкальный язык является основой познания художественного смысла и содержания любого музыкального произведения, музыкальной деятельности и музыкальной коммуникации. Это «инструмент», который представляет собой специфическое средство материализации, хранения и передачи музыкальной информации. Это сложившаяся в процессе исторического развития совокупность музыкальных средств, основанных на ладо-гармонической и метро-ритмической стороне музыки, обладающих семантикой и коммуникативными возможностями [371, 538]; система устоявшихся звуковых образований – формальных, ритмических, ладовых и других моделей, образующих «лексический фонд» музыки [461].

Через музыкальный язык общественное музыкальное сознание транслирует культурные нормы (процесс присвоения значений), сенсорные эталоны (интонемы) и эстетические стереотипы. Музыкальная речь, состоящая из ряда интонационных единиц, является образно-познавательной деятельностью сознания, связанной с выражением звукообразов и звукоидей [566]. Овладеть музыкальной культурой общества, по Р.А. Тельчаровой, – это значит овладеть ее музыкальным языком [560].

Таким образом, можно заключить: освоение молодежью традиционных культурных и художественных ценностей подразумевает интонационно-слуховое постижение художественной культуры и ее ценностей; «этнослух» является этническим идентификатором человека; музыкально-фольклорная артикуляция через тип интонирования выступает знаком соответствующей жанровой системы, локального стиля, диалекта и, соответственно, культуры, поэтому для эффективного освоения молодежью традиционных культурных и художественных ценностей необходимо целенаправленное развитие их этноинтонационного слуха; музыкальный язык является основой познания художественного смысла и содержания любого музыкального произведения, музыкальной деятельности и музыкальной коммуникации; овладение человеком музыкальной культурой общества предполагает овладение ее музыкальным языком; музыкальное произведение – это текст, принадлежащий определенной культуре; его адекватное восприятие и освоение молодежью предполагает прочтение текста в свете музыкально-языковых, жанровых, стилистических и духовно-ценностных принципов музыкальной культуры казачества.

Исходя из вышеизложенного, *выделено четвертое положение успешности освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей*: освоение личностью данных ценностей сопровождается развитием этноинтонационного слуха как главного этнического идентификатора, направленного

²⁰ Певческая интонация донской казачьей традиции, как указывает в своих исследованиях Т.С. Рудиченко, сложилась в слиянии речевых, вокальных и двигательных поведенческих клише, основой которых является разной природы моторика [482, С. 51]. Данные характеристики свойственны и музыкально-песенным традициям уральского и оренбургского казачества.

²¹ Т.С. Рудиченко в своих исследованиях указывает, что «казачьи песни «с подскоком играют». Этот факт интерпретируется не только в аспекте акцентирования слабых и относительно сильных долей в исполнении строевых казачьих песен, но и в контексте их исполнения этнофорами – «раскачиваясь и подпрыгивая» [483, С. 15]. Это и есть проявление артикуляционных особенностей.

на художественно-смысловое прочтение художественного и музыкального произведения, посредством которого осуществляется постижение реципиентом его ценностного содержания.

Положение пятое. Согласно современным исследованиям в области педагогики, психологии и культурологии (Т.И. Бакланова, Е.В. Бондаревская, А.П. Валицкая, Л.В. Ершова, В.В. Иванов, Н.Б. Крылова, К. Леви-стросс, Д.А. Леонтьев, Т.К. Солодухина, Э.Б. Тейлор, Т.Я. Шпикалова и др.) [44, 83, 84, 85, 101, 102, 215, 312, 313, 333, 337, 531, 532, 557], факторами, влияющими на освоение личностью культурных ценностей и на формирование личности в целом являются особенности культурной, этнической социализации в семье, школе и ближайшем окружении, особенности этноконтактной среды, интенсивность влияния и степень ее погружения в «этническое поле».

В области педагогики искусства осмысление роли художественной, музыкальной (музыкально-эстетической) среды в образовательном процессе как средства становления духовной культуры личности, развития ее творческого потенциала содержится в исследованиях И.Э. Кашековой, Э.П. Костиной, Р.А. Куренковой, Л.К. Савенковой, Л.И. Уколовой, Б.П. Юсова, Н.Н. Яковлевой и др. [255, 256, 295, 573, 651, 655]. Учеными делаются выводы о том, что данная среда способна оказывать комплексное формирующее воздействие на духовную сферу подрастающего поколения, что обусловлено такими ее качествами, как глобальный характер, интенсивность влияния на человека, способность к формированию его мировоззренческих позиций, способностью быть катализатором эмоционального воздействия. В ней осуществляется трансляция преемственности национальной культуры, содержательное наполнение которой может отражать достижения региональной, российской, а также в целом мировой культуры, содержащей в себе не только прошлый опыт, но и его переосмысление (Л.И. Мещерякова).

Историческое прошлое казачества, как было описано во второй главе настоящего исследования, свидетельствует о том, что институтами социализации и инкультурации подрастающего поколения казаков, в процессе которых им осваивались традиционные для казачества культурные ценности, идеалы и нормы, являлись семья, станичная община и казачье войско. Исключительно развитая музыкально-фольклорная среда, в которой воспитывались дети и молодежь, способствовала их постоянному соприкосновению с фольклором (связующим компонентом казачьего менталитета, формой народной памяти об исторических событиях, закреплению и передачи социального опыта, бытовой культуры, боевых традиций казачества) в его естественных, бытовых формах. Они осваивали культурные и художественные ценности с младенчества всем укладом семейной, станичной и войсковой жизни, особенностями воспитания на основе казачьих обычаев, обрядов и традиций, поддерживающих воинский дух. Происходило это с помощью игр, песен, на обычных «вечерках», «беседах», «посиделках» и т.д.

Освоение детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей казачества осуществлялось также посредством системы войсковых, полковых и сотенных праздников, в содержании которых соединялись официально-идеологические аспекты и компоненты традиционного для казачества быта (включая казачий музыкальный фольклор).

В войсковых школах осуществлялась духовная преемственность, транслировались ценности, идеалы и нормы культуры казачества: содержание образования в них отвечало специфическим задачам сословного воспитания, а комплекс организационных и социально-культурных мер был направлен на подготовку учащихся к предстоящей армейской службе, воспитание у них чувства патриотизма, гордости за принадлежность к казачеству, его воинские подвиги, сохранение и развитие казачьих сословных и культурных традиций. Кроме образовательных целей, данные школы были призваны готовить воспитанников к казачьей службе, развивая в них воинскую дисциплину, соответствующие навыки, умения и качества характера.

Музыкальное образование в данных учебных заведениях актуализировало воспитательный потенциал музыкальной культуры казачества. Устные предания, легенды и песни отставных офицеров, кавалеров Георгиевских крестов, посещавших станичные и поселковые школы, позволяли юным казакам ощутить свою сопричастность к войсковому сословию, способствовали формированию у них базовых ценностей казачьей культуры (гражданственность, патриотизм, Православие, семья, соборность), гордости за принадлежность к казачеству.

В современных учебных заведениях, учреждениях дополнительного образования, молодежных организациях казачьей направленности данная среда должна воссоздавать разрушенный механизм естественной культурной преемственности и утраченные элементы казачьей культуры; актуализировать культурную память казачества; обеспечивать детей и молодежь базовыми культурными ориентирами, самобытными образами идентичности, культурно окрашенными способами манифестации уникальности и самобытности культуры казачества; предоставлять подрастающему поколению казаков идеал-образ человека казачьей культуры; реализовать их потребность в укорененности и принадлежности к казачьей традиции через осознание и переживание единства с ней, способствовать идентификации себя с художественными образами, отраженными в художественной культуре казачества.

Исходя из вышеизложенного, выделено *пятое положение успешности освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей* – ядром всех компонентов культурно-образовательной среды учебных заведений любого типа и учреждений дополнительного образования является народная художественная культура.

4.2. Методологические основы концепции освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей

Концепция освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей разработана с опорой на культурологический, гендерный, личностно ориентированный, деятельностный, аксиологический, полихудожественный, интонационный *подходы и принципы* интеграции, единства художественного и технического на интонационной основе, освоения ценностного содержания художественной культуры в контекстных связях. Комплексность применения данных подходов и принципов связана со сложностью, многоаспектностью поставленной проблемы и взаимодополняемостью и органической связью общенаучных подходов друг с другом.

В данной работе мы будем придерживаться точки зрения И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина, подразумевающих под методологическим подходом принципиальную методологическую ориентацию исследования, как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), как понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования [74, С. 74].

Культурологический подход (Е.В. Бондаревская, А.Я. Данилюк, А.С. Запесоцкий, Н.Б. Крылова, Э.С. Маркарян и др. [83, 84, 85, 175, 176, 201, 312, 313, 360]) является основой культуроцентристской парадигмы образования. Это совокупность методологических приемов, обеспечивающих анализ любой сферы социальной и психической жизни (в том числе сферы образования и педагогики) через призму системообразующих культурных понятий, таких, как культура, культурные образцы, нормы и ценности, уклад и образ жизни, культурная деятельность и интересы и т.д.» [313, С. 65]. Он предполагает соотнесение изучаемого явления с пространством культуры, его «встраивание» в определенный историко-культурный контекст, нахождение связей, взаимодействий предмета изучения с различными областями культуры [201, С. 141].

Ряд современных ученых (Е.В. Бондаревская, А.С. Запесоцкий, Н.Б. Крылова, Н.Е. Щуркова) рассматривают данный подход в качестве ведущего методологического основания для построения наиболее адекватной современным условиям системы образования. В соответствии с культурологическим подходом выделяют «менталеобразующую» функцию образования, основанную на народных традициях, мировоззрении, ценностных ориентациях и идеалах [147]. Ментальность, включающая в себя ценностные ориентации, характеризует глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания и определяет направленность поведения и решений личности, ее выбор модели социального поведения, образцов мыслей и поступков [168, 443]. Именно сфера образования, по мнению Б.С. Гершунского, является наиболее технологичной и эффективной сферой влияния на ментальность как личности, так и социума в целом. Менталитет должен войти в структуру ценностей и целей образования, как явление, предопределяющее механизм социального наследования духовных ценностей социума.

Культурологический подход предполагает возможность осмысления роли народной художественной культуры казачества в процессе социализации и инкультурации подрастающего поколения казаков в прошлом и возможностей использования важнейших идей в процессе воспитания и образования современной молодежи, что позволит вывести его на глубинные процессы обретения развивающейся личностью смыслов, идеалов и ценностей, преемственную передачу культурных ценностей и социального опыта, в основе которого лежат отечественные духовные традиции русского народа.

Основными принципами культурологического подхода являются принципы культуросообразности и природосообразности.

Принцип культуросообразности предполагает создание в образовательном пространстве различных сред, составляющих в совокупности единое культурно-образовательное пространство школы, где осуществляется развитие ребенка, приобретение им опыта культуросообразного поведения и оказание ему помощи в культурной самоидентификации и самореализации творческих задатков и способностей [83].

Данный принцип позволяет в образовательном пространстве учебных заведений и учреждений дополнительного образования создать различные среды, составляющие в совокупности единое воспитательное пространство (специально созданные условия, способствующие формированию ценностного сознания, ценностного отношения и ценностного поведения личности) включающее: учебные заведения, семью, учреждения дополнительного образования и молодежные организации казачьей направленности.

Образовательно-культурная среда учебных заведений и учреждений дополнительного образования предполагает воссоздание разрушенного механизма естественной культурной преемственности и утраченных элементов культуры казачества; актуализацию культурной памяти казачества; обеспечение детей и молодежи базовыми культурными ориентирами, самобытными образами идентичности, культурно окрашенными способами манифестации уникальности и самобытности культуры казачества; предоставление подрастающему поколению идеала-образа человека казачьей культуры; реализацию их потребности в укорененности и принадлежности к казачьей традиции через осознание и переживание единства с ней, идентификацию себя с настоящими патриотами-казаками и их художественными образами, отраженными в казачьем музыкальном фольклоре. Элементы данной среды способствуют интеграции (объединению) детей и молодежи с казачеством и его культурой, выступают формой связи между прошлым, настоящим и будущим. Ее «культурным ядром» (термин Е.В. Бондаревской), выполняющим главенствующую, средообразующую роль, является художественная (в том числе музыкальная) культура казачества.

В соответствии с культурологическим подходом, базовым воспитательным процессом, и основным психологическим механизмом перевода внешних воздействий на личность в ее внутренние ценности, идеалы и нормы, по Е.В. Бондаревской [82, 84], является культурная идентификация, осуществляющаяся в учебно-воспитательном процессе и предполагающая отождествление детей и молодежи с героем художественного произведения, жизненным событием, описываемом в нем, что способствует их погружению в аксиосферу культуры казачества, присвоению ценностей, норм, готовых форм поведения, отраженных в художественных образах.

Современным прочтением принципа культуросообразности, по мнению А.Я. Данилюка, является принцип культурогенеза, реализующийся в интегративных образовательных технологиях и направленный не на сообразование человека с определенной культурой, а на «развитие его способности создавать новую культуру» [175, С. 9-10]. Культуросообразность предполагает репродуцирование, воссоздание и создание культуры содержанием, формами и методами образования [313]. Поэтому учебно-воспитательный процесс учебных заведений с казачьим кадетским компонентом и учреждений дополнительного образования казачьей направленности осуществляется как культуросозидающий процесс воспроизводства и созидания музыкальных смыслов, ценностей музыкальной культуры казачества, его содержание отражает и выражает ценности и идеалы казачьей культуры, образовательные формы соответствуют традиционным культурным образцам казачьей культуры и способствуют созданию художественных продуктов, получаемых в результате реализации вариативного метода освоения казачьего музыкального фольклора, метода досочинения песни и т.д.

Принцип природосообразности реализуется в опоре на возрастные особенности детей и молодежи.

Таким образом, культурологический подход позволяет: а) осмыслить роль художественной культуры казачества в социализации и инкультурации подрастающего поколения казаков и возможность использования важнейших идей в процесс воспитания современной молодежи; б) выстроить учебно-воспитательный процесс с учетом культурного наследия, ценностей, идеалов и норм культуры казачества; в) создать в учебных учреждениях и учреждениях дополнительного образования культурно-образовательную среду, «культурным ядром» которой является художественная культура казачества; г) реализовать основной психологический механизм перевода внешних воздействий на личность в ее внутренние ценности, идеалы и нормы – механизм культурной идентификации; д) выстроить учебно-воспитательный процесс в вышеназванных учреждениях как культуросозидающий; е) учитывать возрастные особенностей детей и молодежи.

Гендерный подход (Е.Н. Каменская, О. А. Константинова, Г.М. Коджаспирова, Л.В Штылева) предполагает такую организацию учебно-воспитательного процесса, которая предоставляет молодежи возможность самореализоваться с присущими им индивидуальными особенностями и усвоить социальный опыт, обеспечивающий их успешную социализацию в обществе и социальную идентификацию по признаку пола.

Казачество, по мысли С.Н. Лукаша, выступает носителем уникальной для России культуры гендерного типа, где центральное место занимает мужчина-воин [348, 349], поэтому в культуре казачества сложилась уникальная система воспитания истинно мужских черт характера: человека-воина, защитника Отечества и т.д. В связи с этим, в учебно-воспитательном процессе вышеназванных учреждений актуализируются эталонные традиционные представления о мужском гендерном образе, аккумулирующим в себе такие качества, как смелость, мужество, ответственность, упорство, любовь к Родине, жертвенность, товарищество, сила воли и т.д. Женское воспитание традиционно направлено на становление свободной, активной, всесторонне развитой личности, осознанно принимающей свою долю жизненной ответственности за продолжение рода, духовно-нравственную традицию, верность идеалам и ценностям культуры казачества.

Реализация гендерного подхода в учебно-воспитательном процессе вышеназванных учреждений отражена в ряде положений: в личностно-психологическом плане музыкально одаренные мальчики/юноши обладают тонкой чувствительностью, рефлексивностью, мечтательностью, наивностью, сильной эмоциональной зависимостью от матери, отца, педагога (то есть относятся к группе «феминных» детей, нахождение которых в кадетских казачьих школах/классах довольно проблематично из-за того, что «наличие андрогинности и маскулинности являются предпочтительными при отборе воспитанников в эти учреждения») [267, С. 28]; музыкально одаренные девочки/девушки проявляют независимость, упрямство, стремление к самоутверждению (то есть проявляют маскулинные качества, приветствующиеся в данных учебных заведениях/классах); в подростковом возрасте у девочек роль музыкальной памяти является более значимой, чем у мальчиков; невербальный интеллект у девочек-подростков взаимосвязан как с музыкальным слухом, чувством ритма, так и с музыкальной памятью, продуктивным музыкальным мышлением; компоненты креативности в структуре музыкальной одаренности

мальчиков-подростков, в отличие от девочек, тесно связаны с компонентами музыкальности [553].

При построении диалога о воспринимаемом музыкальном произведении учитель опирается на возникающий у мальчиков/юношей ассоциативный ряд, порой не связанный напрямую с услышанным музыкальным материалом, а имеющий более широкий спектр ассоциаций. На уроках/занятиях должна присутствовать частая смена видов музыкальной деятельности.

Наиболее эффективными видами учебной деятельности для девочек на уроках музыки является восприятие музыки, музыкально-двигательные упражнения, пение, ритмическая декламация. Восприятие музыки позволяет реализовать их потребность в общении, самовыражении. Музыкально-двигательные упражнения реализуют коммуникативную потребность девочек. Инсценировка казачьих песен позволяет девочкам/девушкам проявить свою врожденную способность к перевоплощению, образному мышлению.

Таким образом, гендерный подход дает возможность: а) построения такой организации учебно-воспитательного процесса, которая предоставляет подрастающему поколению ориентир на реализацию традиционных мужских и женских социальных ролей; б) учета гендерных особенности восприятия учащимися художественной (в том числе музыкальной) культуры; в) учета гендерной специфичности структуры музыкальной одаренности.

Общим способом построения культуросообразного образования является проектирование лично ориентированного образования [315], основанного на лично ориентированном подходе (Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков, И.С. Якиманская и др.). Некоторые исследователи [348, 349] его духовно-историческим истоком называют педагогику казачества²², что обусловлено исторически сложившимися принципами воспитания в культуре казачества.

В рамках данного подхода личность предстает сознательным субъектом, обладающим устойчивой системой индивидуальных черт (Л.И. Божович, В.И. Загвязинский, А.В. Петровский) [78, 198, 433]. Его реализация в современном образовании инициирована идеологическими (уровень государственной политики), теоретическими (уровень построения моделей образования в педагогике) и практическими (уровень деятельности педагогов-практиков) попытками преодоления отчуждения личности как ученика и учителя в традиционной системе образования [172].

В основе данного подхода лежит признание в казачьем социуме за ребенком статуса субъекта воспитательного процесса и общая направленность воспитания на его личностное развитие. Конечным «продуктом» в процессе воспитания молодого поколения казаков является личность, признающая гуманистические нормы и ценности, проникнутые идеалами служения Отечеству, духом патриотизма и коллективизма [156].

Таким образом, лично ориентированный подход позволяет: признать за юношей (девушкой) статус субъекта воспитательного процесса, когда из ряда воплощенных в

²² Стремление соотнести истоки современных педагогических подходов (в том числе лично ориентированного) с отечественными традициями образования и воспитания прослеживается в работах многих авторов. Однако следует подчеркнуть, что данный вопрос является дискуссионным.

художественном произведении ценностей они выбирают те, которые впоследствии воспроизводят в художественной деятельности и жизни.

Деятельностный подход, получивший свое развитие в работах А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, В.Н. Сагатовского и др., представляет собой методологическое направление исследования, предполагающее описание, объяснение и проектирование различных предметов, подлежащих научному рассмотрению с позиции категории деятельности [493, С. 149].

Данный подход позволяет создавать в учебно-воспитательном процессе учебных заведений и учреждений дополнительного образования ситуации «проживания» детьми и молодежью форм традиционной культуры казачества (реконструкция обрядов, торжественные военные ритуалы, события, казачьи военно-спортивные игры и т.д.), осуществлять совместную со взрослыми деятельность-сотрудничество по сохранению, развитию и пропаганде музыкальных традиций казачества. Различные культурные практики, осуществляемые через музыкальную деятельность (сочинение/досочинение детьми и молодежью песен, их «разыгрывание», реализация вариативного освоения музыкального фольклора, певческой и инструментальной импровизации, песнетворчества – сочинение попевок, тем, песен, мотивов на основе заданных стихотворных текстов и ритмов, составлении исполнительского плана песни) способствуют освоению современной молодежью традиционных культурных и художественных ценностей.

Специфика данного процесса состоит в том, что возникновение и активизация в сознании человека ценностей осуществляется в ходе той или иной формы деятельности ценностно-ориентированного субъекта по отношению к объекту, носителю ценности. То есть, данный процесс осуществляется через художественную деятельность, где она выступает средством обработки информации, заложенной в художественном произведении (являющегося многоуровневой информационной системой). Сутью художественной деятельности в целом, как особого вида человеческой активности, является создание, хранение, функционирование и передача духовных ценностей.

Таким образом, деятельностный подход позволяет осуществить процесс освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей посредством музыкальной и творческой деятельности, ситуаций «проживания» ими практически-духовного компонента культурного опыта казачества.

Аксиологический подход, положения которого развивались в работах А.В. Кирьяковой, Н.Д. Никандрова, З.И. Равкина, В.А. Сластенина и др. [259, 405, 466, 515], предполагает рассмотрение явления с точки зрения ценностей, связанных с возможностями удовлетворения потребностей людей [653, 654]. Воспитание, в соответствии с данным подходом, выполняет следующие функции: трансляция культуры; сохранение своеобразия национальных традиций в условиях глобализации, унифицирующей культурное многообразие; передача подрастающему поколению моральных норм и нравственных ценностей; социализация человека, его адаптация в условиях постоянно изменяющейся социальной реальности [515].

Одной из главных задач отечественного образования современные ученые видят в создании у подрастающих поколений фундаментальных начал не только тех духовных ценностей, которые традиционно выступали в роли непреходящего значения

стимулов человеческой жизни и деятельности, но и формирование новых, актуализировавшихся в современных условиях. Ценностный подход представляется ими в качестве «моста» от теории к практике, когда духовные ценности, выступающие в качестве цели или идеала, посредством образования «переводятся» в сферу формирующегося общественного сознания и, тем самым, оказывают действенное влияние на процессы, происходящие в духовной жизни общества, его экономики и политики. Механизмам такого «перевода» являются: интеграция духовных ценностей на уровне теоретического мышления, в процессе которого осуществляется анализ, осмысление в конкретно-историческом контексте и с точки зрения менталитета данного социума; приобщение подрастающего поколения к осмысленным нравственным ценностям, сложившимся в обществе, через содержание образования с использованием соответствующих его стратегическим целям методов и организационных форм педагогического процесса [466].

Аксиологический подход применительно к процессу освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей позволил прояснить вопрос о том, что собой представляла система ценностей культуры казачества в предыдущие эпохи, как она отражалась в его художественной (в том числе музыкальной) культуре, системе воспитания и образования казачества Урала.

Он позволяет в учебно-воспитательном процессе учебных заведений/классов с казачьим кадетским компонентом и учреждений дополнительного образования осуществлять актуализацию и трансляцию ценностных ориентиров, нравственных представлений и норм казачества – гражданственность, патриотизм, Православие, семья, соборность и т.д.; обеспечивать, тем самым, культурное наследование подрастающим поколением культуры предков (культурную трансмиссию). Также данный подход дал возможность осуществить в учебно-воспитательном процессе сохранение своеобразия этнокультурных традиций казачества – через проведение казачьих военно-спортивных игр, торжественных военных ритуалов, событий, осуществление реконструкции обычаев и обрядов, свойственных уральскому и оренбургскому казачеству, неотъемлемой частью которых являлась художественная культура казачества.

Таким образом, аксиологический подход позволил: а) осмыслить систему ценностей культуры казачества, отраженную в его художественной культуре; б) выявить, обосновать и актуализировать в учебно-воспитательном процессе учебных заведений, классов с казачьим кадетским компонентом и учреждений дополнительного образования традиционные ценности, заложенные в художественной культуре казачества – гражданственность, патриотизм, Православие, семья, соборность; в) осмыслить механизмы освоения личностью культурных и художественных ценностей; г) обеспечить культурное наследование, предполагающее приобщение молодежи к духовным ценностям культуры казачества, их участие в сохранении, освоении и обогащении культурных ценностей; д) сформировать у молодежи систему собственных, личных художественных ценностей.

Полихудожественный подход, основные положения которого раскрываются в работах Л.Г. Савенковой, Б.П. Юсова и др. [271, 651], «помогает почувствовать художественное явление в разном сенсорном облике, в переложении одного художественного события на язык другого» [271, С. 7]. Он базируется на положениях о

единой художественной природе всех искусств, наличии способностей каждого ребенка к занятиям всеми видами художественной деятельности и творчества, природной полихудожественности (многоязычии) ребенка и предполагает не частные виды художественной деятельности, а «...искусство как первоединую основу мышления человека по степени общности и значения для человеческого духа» [651, С. 214].

В свете исследуемой проблемы освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей данный подход позволяет включить подрастающее поколение в различные виды художественной деятельности, являющейся средством обработки информации, заложенной в музыкальном произведении (как многоуровневой информационной структуре) и, тем самым, способствовать освоению ими ценностного содержания художественной (в том числе музыкальной) культуры казачества.

Интонационный подход, получивший развитие в работах Б.В. Асафьева и В.В. Медушевского [30, 371, 372], предполагает обращение к идеям: о «свернутости» в интонации определенной культуры (народной, религиозно-духовной, светской); о типе интонирования, характерного для определенного типа музыкального творчества; о направленности учебно-воспитательного процесса на интонационное «проживание» реципиентом музыки в определенном виде музыкальной деятельности [461]. Он позволяет решать проблему «вхождения» личности в музыку и восприятия музыки как «живого искусства» (Э.Б. Абдуллин).

Интонация и музыкальное интонирование понимается современными культурологами как один из «художественных способов осуществления ...синтетического духовно-ценностного осваивающего мироотношения, ...образного моделирования, осмысления, обобщения и коммуникации духовных ценностей действительности» [200, С. 22]. По своим культурным истокам и по своей сути музыкальная интонация духовно-ценностна. Ее выделение, существование и развитие обусловлены выделением и развитием духовно-ценностной стороны культуры. Даже прикладное использование музыки строится на ее духовно-организующем, ценностно-направляющем воздействии [199, 200]. По мнению Л.А. Закса, «музыка есть интонационный образ мира, а осмысленность музыки – ее подлинная интонационность – это не просто ее внутренняя «переживательность» и способность заражать эмоциями, но осуществляемая в форме музыкальных переживаний (интонационно воплощенных состояний сознания) ценностная осмысленность определенного мира» [200, С. 26].

Интонационный словарь, по Б.В. Асафьеву, образуют виды и комбинации звучаний, обладающие относительной стабильностью в каждую эпоху, представляющие собой формальные (связанные с музыкальными формо-структурами), ритмические, ладовые и другие модели, образующие «лексический фонд» музыки. Музыкальная речь, состоящая из ряда интонационных единиц, является образно-познавательной деятельностью сознания, связанной с выражением звукообразов и звукоидей [560]. Музыкальный язык образует фундамент всей музыкальной деятельности и делает возможным акты музыкальной коммуникации [461].

Таким образом, интонационный подход позволяет: а) выстроить учебно-воспитательный процесс в учебных заведениях и учреждениях дополнительного образования на основе тезисов о «свернутости» в интонации народной музыкальной культуры, интонации, интегрирующей в себе все средства выразительности, и

открывающей путь постижения музыки в широком жизненном контексте; б) осуществить интонационное «проживание» детьми и молодежью художественной (в том числе музыкальной) культуры казачества.

Принцип интеграции разрабатывается в работах В.В. Краевского, А.В. Петровского, Н.Ф. Талызиной и др. и предполагает одну из сторон процесса развития, связанную с объединением в целое ранее разрозненных частей.

Данный принцип является для современного образования необходимым требованием (например, он выделяется в качестве одного из основных принципов в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» [278]). Его идеи коррелируют с одним из принципов, выделяемом в Проекте «Концепции развития поликультурного образования в РФ» [281], – принципом культурной целостности, согласно которому особого внимания требуют: концептуальное единство культурной основы всех учебно-методических комплексов, тесная взаимосвязь основного и дополнительного образования, централизованное проектирование культурных практик школы с учетом инициативы, интересов и мотиваций обучающихся. Именно междисциплинарность и межпредметная организация учебного материала способствует, по мнению современных ученых, акцентированию внимания на проблемности материала, а не на узкой тематике [312].

Эта же идея лежит в основе различных образовательных моделей казачьего образования, в которых указывается на несовместимость существующей в методологии преподавания учебного материала компоновки информации по различным предметам, что не позволяет выявить и оценить закономерности, происходящие на стыке научных дисциплин, и ведет к недостаточной сформированности у казаков-кадет целостной картины окружающего мира [542].

Принцип интеграции обеспечивает формирование целостного представления молодежи о художественной культуре казачества, ее комплексное освоение (художественная культура казачества интегрируется в единое образовательное пространство, составляющее: учебные заведения/классы с казачьим кадетским компонентом (уроки музыки и все блоки структуры казачьего кадетского компонента, внеклассная, внешкольная деятельность), семья, учреждения дополнительного образования (казачьи клубы, молодежные объединения).

Содержательная интеграция осуществляется посредством метапредметного компонента – художественной культуры казачества. Организационно-методическая интеграция осуществляется на отдельных уроках внутри содержания различных предметов. Она включается во все блоки, входящие в структуру казачьего кадетского компонента: военно-физический, духовно-нравственный, этнокультурный, художественно-эстетический, гражданско-патриотический.

В самом бытовании музыкального фольклора осуществляется интеграция видов художественной деятельности, различных видов искусства и т.д.

Таким образом, принцип интеграции позволяет формировать целостное представление молодежи о ценностях художественной культуры, осваивать ее комплексно, интеграция при этом осуществляется на уровне межпредметных связей, урочной и внеурочной, школьной и внешкольной деятельности школьников, различных ступеней образования, учитывает особенности бытования музыкального фольклора,

когда осуществляется интеграция видов художественной деятельности, различных видов искусства.

Принцип освоения ценностного содержания художественной культуры в контекстных связях предполагает комплексное изучение детьми и молодежью каждого фольклорного образца в соответствующем бытийном контексте, что препятствует дисперсному, раздробленному, калейдоскопическому представлению детей и молодежи о музыкальной культуре казачества.

Современные специалисты в области народного художественного творчества указывают на недостаточное владение современными людьми «языком» культуры, для чего необходимо изучение контекста, то есть всего того, что окружает культурный текст [398]. Ю.М. Лотман указывал на необходимость комплексного изучения культурных текстов и контекста, в который они включены, что позволяет освоить «язык» культурной традиции [347].

Особенность образцов музыкального казачьего фольклора состоит в том, что в них содержится лишь часть информации, которую они призваны передать. Остальную информацию содержит контекст. Только комплексное изучение культурных текстов и контекста, в который они включены, позволяет освоить «язык» культурной традиции. Как указывает Л.А. Закс, интонация выступает музыкальным коррелятом духовно-ценностной культуры, то есть, различные интонационные системы в истории музыки – это способы бытия и развития конкретно-исторических систем ценностей и соответствующих им типов мироотношения. Поэтому музыкальный образ как особая ценностно-смысловая реальность, как и музыкальный язык, не могут быть восприняты вне контекста – смыслового пространства порождающей основы музыкального сознания (системы ценностей эпохи создания, исполнения, восприятия произведения) [199, 200].

Таким образом, принцип освоения ценностного содержания художественной культуры в контекстных связях позволяет изучать фольклорные образцы в соответствующем бытийном контексте, освоить «язык» культурной традиции, так как музыкальный образ как особая ценностно-смысловая реальность, и музыкальный язык не могут быть восприняты вне контекста – смыслового пространства порождающей основы музыкального сознания

Положения настоящей концепции отражены в педагогической модели освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей.

4.3. Модель освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей

В работах современных педагогов (С.В. Дармодехин, Т.И. Бакланова, Л.В. Ершова, И.С. Кобозева, Т.Я. Шпикалова) указывается на необходимость разработки и внедрения современных вариативных моделей этнокультурного образования для различных типов образовательных учреждений, на основе разнообразных культурных традиций и специфики регионов России. Разработанная модель освоения современной российской молодежью традиционных культурных и художественных ценностей отвечает выдвинутым требованиям.

Данная модель, во-первых, реализует современные требования Федерального

государственного образовательного стандарта основного общего образования, в котором указывается, что изучение предметной области «Искусство» должно обеспечить: формирование интереса и уважительного отношения к культурному наследию и ценностям народов России, их сохранению и приумножению, а личностные результаты освоения основной образовательной программы основного общего образования должны отражать усвоение гуманистических, демократических и традиционных ценностей многонационального российского общества [592].

Во-вторых, разработанная модель направлена на достижение цели этнокультурного образования – освоение национально-культурных традиций, в которых воплощены высшие духовно-нравственные ценности этносов, их осознание и освоение, формирование культурной идентичности и целостной этнокультурной компетентности, включающей опыт овладения этнокультурными ценностями (А.Б. Афанасьева, Т.И. Бакланова, Л.В. Ершова, Т.Я. Шпикалова) [36, 37, 44].

В-третьих, в данной модели учитывается специфика учебных учреждений (разрабатывается содержание казачьего кадетского компонента образования) и учреждений дополнительного образования (кадетские казачьи клубы, молодежные объединения).

В-четвертых, содержание воспитания и образования молодежи, в соответствии с данной моделью, согласовано с традиционной культурой казачества конкретной локальной традиции, расположенной на территории Урала и предполагает освоение подрастающим поколением художественной культуры уральского и оренбургского казачества.

Разработанная модель освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей может реализоваться в системе казачьего образования как части российского образования в целом, учреждениях дополнительного образования и молодежных организациях казачьей направленности.

В системе казачьего образования, направленной на развитие культурно-регионального компонента, его связь с традициями казачества, объединение идей российскости образования, социокультурной адаптации казачества, многоуровневости и непрерывности образовательного процесса, созданы: модель духовно-нравственного воспитания на основе воспитательной работы, обеспечивающей приобщение учащихся к традициям казачества (С.Н. Даньшов [177]); модель системы военно-патриотического воспитания учащихся казачьих учебных заведений (В.Г. Визер [112]); модель воспитания на традициях казачества (Т.В. Левченко) [335]; образовательная модель начальной военно-казачьей подготовки казаков-кадет (А.В. Староверов [542]).

На базе ряда российских вузов создаются модели непрерывного казачьего образования. Одна из них создана на базе университетского комплекса Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского и включает в себя классы казачьей направленности и кадетские учебные заведения [453].

В 2012 г. создана Концепция Донского казачьего университетского комплекса на базе ФГБОУ ВПО «Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт)», в рамках которой также разработана модель непрерывного казачьего образования, целью которой является формирование и развитие казачьей системы образования, которая, наряду с образовательной и профессиональной подготовкой, обеспечивает воспитание и социализацию молодого

поколения казаков. Она включает в себя сеть казачьих учебных заведений четырех уровней (детские дошкольные учреждения, казачьи общеобразовательные школы, казачьи кадетские корпуса, казачьи профессиональные училища, колледжи, высшие учебные заведения), расположенные в районах компактного проживания казачества. Данная модель ориентирована на подготовку молодежи к служению Отечеству на военном и гражданском поприще, воспитание у нее патриотизма, сохранение исторической преемственности поколений, обеспечение трансляции и развития национальной культуры, и, в конечном счете, реализацию цели и задач «Национальной доктрины образования в Российской Федерации» [399].

Но ни одна из вышеназванных моделей не ставит своей целью освоение детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей в опоре на художественную культуру казачества.

Разработанная модель включает целевой, теоретико-методологический, содержательный, организационный и результативно-оценочный компоненты.

Целевой компонент отражает цель реализации данной модели – освоение детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей на основе художественной культуры казачества.

Задачи реализации данной модели:

- способствовать расширению знаний и представлений детей и молодежи об интонационных, темпо-ритмических, стилистических и жанровых особенностях музыкальной культуры казачества, развитию умения интерпретировать ценностное содержание художественных произведений (когнитивный компонент освоенности молодежью традиционных культурных и художественных ценностей);

- вызывать эмоциональный отклик детей и молодежи на художественные образы, содержащиеся в художественной культуре казачества, воплощающие традиционные ценности, формировать интерес к ним (рефлексивный компонент освоенности молодежью традиционных культурных и художественных ценностей);

- способствовать формированию готовности детей и молодежи к воссозданию и продуктивному воплощению традиционных ценностей, идеалов, норм, характерных для культуры казачества, в художественных продуктах (деятельностный компонент освоенности молодежью традиционных культурных и художественных ценностей).

Теоретико-методологический компонент модели включает обоснование методологических подходов (культурологический, гендерный, личностно ориентированный, деятельностный, аксиологический, полихудожественный, интонационный) и принципов (интеграции, освоения ценностного содержания художественной культуры в контекстных связях) к организации процесса освоения молодежью традиционных культурных и художественных ценностей, о которых говорилось в предыдущем параграфе данной главы.

Содержательный компонент педагогической модели включает художественную культуру казачества в ее музыкальном преломлении: музыкальный фольклор оренбургского и уральского казачества; образцы казачьего музыкального искусства – фольклор, любительское творчество, инструментальные произведения, тематически связанные с казачеством; музыкальную символику войскового казачьего общества, под патронажем которого функционирует учебное заведение с казачьим кадетским

компонентом, учреждение дополнительного образования, молодежная организация; музыкальную символику самого казачьего учебного заведения.

Музыкальный фольклор казачества является первоосновой его музыкальной культуры, одним из способов формирования его самосознания, особой ментальности, базовых ценностей, идеалов, норм и стереотипов поведения, присущих казачеству, способом их трансляции в современный социум. Именно в нем «складывается... самобытный комплекс культурных репрезентаций» [163, С. 17].

Образцы казачьего музыкального искусства, являющиеся результатом художественного творчества казачества (переработки и актуализации знаний, ценностей, норм, образов его жизнедеятельности), обладают художественно-образными возможностями адекватного их выражения.

Отождествление значимости музыкального фольклора и музыкального искусства казачества, проявляющееся в содержании нашей работы, вытекает из идеи И.И. Земцовского о том, что фольклорные и внефольклорные формы этнической культуры равно пронизаны этничностью [210]. Эта идея применима и по отношению к музыкальной культуре и музыкальному фольклору такой субкультурной группы, как казачество.

Музыкальная символика (Гимн войскового казачьего общества, под патронажем которого функционирует учебные заведения с казачьим кадетским компонентом, учреждения дополнительного образования, молодежные организации и Гимн самого казачьего учебного заведения) является мощным побудительным средством общественного сознания. Ее включение в различные социально значимые акции, церемонии и учебно-воспитательный процесс учебных заведений с казачьим кадетским компонентом и учреждений дополнительного образования казачьей направленности способствует не только переживанию детьми и молодежью чувства принадлежности к казачеству и его культуре, но и освоению ими таких традиционных для казачества ценностей, как гражданственность, патриотизм, соборность и т.д.

В данном случае она реализует культурологическую (существование объективной связи личности с культурой казачества как системой традиционных ценностей); образовательную (направлена на приобретение знаний молодежи о казачестве, практических навыков гражданско-патриотической деятельности); воспитательную (формирует патриотическое сознание молодежи, чувство гордости за принадлежность к казачеству и их культурную идентичность, ориентирует их в области социально значимых, общечеловеческих ценностей) функции. Так, «...символ, обладая особой образностью и выразительностью, не только несет в себе яркую и точную информацию, но и определенным образом влияет на мысли и чувства людей, подводя их эмоционально-волевой потенциал к той грани, где начинаются деяния. Деятельная природа символа предопределяет и его лидирующее место в ритуальности [246, С. 134].

В модель освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей включены клубные формы работы (тематическая встреча, традиционные казачьи праздники, полевые исследования) и выездные формы работы с молодежью (фольклорно-этнографические экспедиции, летние казачьи лагеря, военно-полевые сборы казачьих кадетских классов и клубов, смотры-конкурсы). Они направлены на организацию взаимодействия и общения между подростками,

молодежью и взрослыми членами казачьего сообщества; организацию досуга и создание условий для развития подрастающего поколения, основанных на гражданско-патриотических и духовно-нравственных ценностях российского казачества и Православия; содействие укреплению физического и психологического здоровья, преодоление возрастных кризисов; воссоздание истинного осознания человеком семейственности, казачьей традиции содружества подростков и взрослых, связанных едиными задачами, деятельностью и гуманными отношениями.

Также данные формы работы способствуют освоению детьми и молодежью музыкального фольклора казачества в контекстных связях (изучение фольклорных образцов в соответствующем бытийном контексте), позволяют «перенять» традиционную исполнительскую манеру, свойственную казачеству Урала, которая не фиксируется в нотной записи, а передается от поколения к поколению устным путем; расширить их «этноинтонационный словарь» в рамках музыкальной культуры казачества; ощутить свою сопричастность к культуре казачества. Музыкальный казачий фольклор здесь впитывается молодежью в его естественном виде – во время воссоздания конкретных казачьих традиций, ритуалов, во время участия в народных играх и т.д.

Формы работы с семьей (семейные творческие гостиные, выставки, конкурсы) включены в модель освоения молодежью традиционных культурных и художественных ценностей в связи с тем, что семья являлась основой казачьего социума, обеспечивающим механизмы преемственности в воспитании казачества, в том числе преемственности ценностей между поколениями, определяющей сознание человека. Семья была одной из традиционных ценностей – в казачьих общинах господствовал культ семьи, а отличительной чертой казака было стремление к семейственности, своему дому.

С одной стороны, семья транслирует нормы и ценности общества, с другой стороны, представляет собственные семейные нормы и ценности. Здесь закладываются основы этнонациональной культуры личности. Жизненный опыт старшего поколения, их воспоминания о народных традициях позволяют представить подрастающему поколению народную песню в системе культуры казачества, что способствует расширению их «культурного поля». Включение в учебно-воспитательную работу представителей старшего поколения, членов семей учащихся, являющихся в ряде случаев носителями культурных и духовных традиций российского казачества, способствует эффективному освоению молодежью традиционных культурных и художественных ценностей.

В модель освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей включен ряд форм уроков музыки (комбинированные, интегрированные, уроки-путешествия).

Комбинированные уроки позволяют совмещать познание подростками интонационных, ритмических, жанровых и стилистических особенностей музыкальной культуры казачества и элементы контроля за их освоением, работу с новым материалом, его закрепление, проверку усвоенного на уроке и рефлексия учащихся.

Включение интегрированных уроков в вышеназванную модель обусловлена неразрывной взаимосвязью элементов художественной культуры казачества и

целостностью структурной модели казачьего кадетского компонента образования²³. Данная форма позволяет сформировать целостное представление подростков о художественной культуре казачества, освоить ее комплексно и способствовать формированию у них «культурного поля» – части культурного пространства, которую освоил конкретный человек [101, 102, 103]. Форма интегрированных уроков используется на предметах «Музыка», «Литература», «История», «Художественный труд», «Основы религиозных культур и светской этики» и др.) и специальных дисциплинах – «Краеведение», «Казачество в истории России», «Основы традиционной казачьей культуры», «История и культура казачества» и др.

Уроки-путешествия способствуют «погружению» подростков в специфику традиционной народной культуры казачества, ее информационное поле, углублению их восприятия изучаемых фольклорных образцов. Это путешествия в казачью станицу (в процессе которого реконструируются элементы казачьих обрядов), на реку Яик (Урал) (для ознакомления учащихся с багреньем – особым видом зимнего рыболовства на Урале и обрядами, которыми он сопровождался), в г. Оренбург и г. Уральск для ознакомления с деятельностью войсковых казачьих оркестров и т.д.

В модель освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей входят формы внеучебной деятельности (в зависимости от решаемой задачи).

Познавательные формы (проведение школьных научно-практических конференций казачьей тематики, выпуск газет, радиогозет, специально организованный лекторий, проведение тематических классных часов казачьей тематики, работа этнографических кружков, фольклорных коллективов, участие в работе музея казачьей культуры, краеведческие и этнографические экскурсии, викторины и т.д.) способствуют освоению подростками знаний и представлений о содержании традиционных ценностей, идеалов и норм культуры казачества, нашедших художественно-образное отражение в его художественной культуре, развитию умений интерпретировать ценностный контекст художественных произведений.

Музеи казачьей истории и культуры, которые есть во многих учреждениях, реализующих казачий кадетский компонент на Урале (в гг. Екатеринбург, Ревда, Челябинск и др.) также способствуют освоению подростками и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей, так как там экспонируются не только предметы материальной (жилище, комплексы национальной одежды, орудия труда, домашняя утварь) и духовной культуры казачества (обычаи, обряды и праздники, религиозные и мифологические представления, поверья и приметы, народный календарь, традиционные знания), но и представлены особенности художественной культуры казачества (народная музыка и хореография, традиционное изобразительное и устное поэтическое творчество, игры, в том числе детские и спортивные), музыкальные инструменты, ранее популярные в казачьей среде – гармонь с колокольчиками, донская лира («рыле»), дудочки, свирели, пищики, бубны, трещотки, балалайка и т.д., которые использовались в быту, оркестровые военные инструменты – трубы, флейты, барабаны

²³ Высокая степень междисциплинарности казачьего кадетского компонента государственного стандарта общего образования отмечается в некоторых существующих проектах (например, проекте казачьего кадетского компонента образования Хабаровского края) [474].

и т.д. Также потенциал музея истории и культуры казачества способствует гражданско-патриотическому воспитанию казаков-кадет, формирует и развивает содержательные компоненты патриотизма: эмоциональный, интеллектуальный, деятельностный, потребностно-мотивационный и волевой.

Развлекательные формы (народные праздники, фольклорные концерты и театральные представления, соревнования по национальным видам спорта и народным играм, конкурсы на знатока народных обычаев ролевые игры, организационно-деятельностные игры и т.д.) включаются в модель освоения молодежью традиционных культурных и художественных ценностей в связи с тем, что они способствуют введению подрастающего поколения в культурные практики – реконструкцию обрядов и традиций, участие в ритуалах, свойственных казачьей культуре, что позволяет раскрыть их глубокое образно-смысловое содержание. В этом проявляется историческая преемственность – казачья народная песня была неотъемлемым элементом организации всего строя повседневной жизни казачества, частью духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения казаков, важнейшим элементом всех публичных военных зрелищ и школьных праздников, содержания образования, в том числе строевой подготовки, что способствовало освоению подрастающим поколением традиционных ценностей казачества.

Модель освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей, в связи с ее педагогической направленностью, включает ряд методов музыкального образования: художественных аналогий, музыкального обобщения, размышления о музыке, музыкальных коллекций, способствующих познанию подростками особенностей музыкальной культуры казачества, ее ценностного содержания, так как в основе процесса познания лежат мыслительные операции сравнения, обобщения, классификации и структурирования.

Так, метод музыкального обобщения (Э.Б. Абдуллин) (в контексте жанра, интонации, стиля) направлен на усвоение молодежью ключевых знаний о художественной (в том числе музыкальной) культуре казачества и предполагает реализацию на основе сопоставления или сравнения двух музыкальных образов, интерпретаций одного и того же произведения, двух художественных образов в разных видах искусства, двух музыкальных жанров, стилей и т.д. Метод размышления о музыке (Д.Б. Кабалевский) предполагает выбор проблемы учителем и ее самостоятельного решения обучаемыми (проблемы стилевых и жанровых особенностей музыкального фольклора уральского и оренбургского казачества, «встречи» в них песенных и маршевых интонаций), что позволяет каждому человеку осознать, что лично для него несет в себе конкретное музыкальное произведение, почувствовать, какие чувства оно вызывает. Может использоваться учителем в процессе реализации механизмов освоения традиционных культурных и художественных ценностей – идентификации, рефлексии и обособления. Метод музыкальных коллекций (Н.Л. Гродзенская), интерпретирующийся нами как метод проблемно-исследовательского портфолио (Г.К. Селевко), направлен на осуществление молодежью подборки казачьих народных песен, посвященных образам борьбы и победы, различным историческим событиям, в которых участвовали казаки, тому или иному казачьему герою и позволяет им лучше прочувствовать и познать

музыкальные образы, содержащиеся в музыкальной культуре казачества. Метод художественных аналогий направлен на расширение представлений молодежи об интонационных, темпо-ритмических, жанровых и стилистических особенностях музыкальной культуры казачества.

Метод художественного контекста (Л.В. Горюнова), в основе которого стоит выход за пределы языкового поля музыкального искусства, позволяет молодежи находить в разных видах искусства и в жизни художественные параллели с образным строем изучаемых музыкальных произведений. Как и метод живописного моделирования эмоционально-образного смысла музыкального произведения, он позволяет молодежи осознать закономерности музыкального языка и освоить традиционные культурные и художественные ценности.

Методы моделирования аутентичной ситуации и реконструкции, «погружения», музыкально-стилевого постижения музыки и моделирования художественно-творческого процесса, пластического интонирования содействуют «проживанию» молодежью практически-духовного компонента культурного опыта казачества. Так, метод пластического интонирования (свободное дирижирование, имитация игры на музыкальных инструментах, пластические этюды и т.д.) позволяет учащимся реализовать стремление к практической деятельности. Представляющий собой эмоциональный и целостный интонационный анализ музыки в простых и естественных движениях (В. Коэн), форму общения с музыкой, отражения слышимой интонации (Л.В. Школяр), любое движение человеческого тела, вызванное музыкой и выражающее ее образ (Т.П. Королева), он способствует осмыслению молодежью интонаций казачьих народных песен с помощью двигательной сферы – через «проживание» ими художественного образа, обогащенного двигательным выражением, что ведет к более глубокому познанию конкретного образа и типическому обобщению жанровых характеристик (так как позволяет погрузиться в ситуацию через связанные с ней движения – маршевые, танцевальные, обрядовые, выполненные с соответствующим эмоциональным настроением). Творческие этюды по пластической интерпретации молодежью музыкальных произведений – своего рода исполнительская деятельность, которая, наряду с пением и инструментальным музицированием, обеспечивает «проживание» ими музыки.

Метод моделирования художественно-творческого процесса (Л.В. Школяр), направленный на деятельностное освоение музыкального произведения человеком, позволяет детям и молодежи «прожить жизнь в музыке» [384, С. 121]. Предполагая выявление истоков происхождения изучаемого явления, проникновение в его природу, когда реципиент ставится в позицию творца, создающего музыкальное произведение, он обеспечивает «проживание» ими знания и понимание смысла своей деятельности, содействует «погружению» реципиентами в стихию рождения и естественного бытования тех или иных жанров музыкального фольклора казачества, целостному освоению молодежью традиционных культурных и художественных ценностей.

Метод моделирования художественно-творческого процесса предполагает прохождение молодежью этапов творческого пути создания художественного продукта и ведет к более целостному освоению молодежью традиционных культурных и художественных ценностей.

Метод «погружения» (О.Н. Яшмолкина), направленный на выявление человеком особенностей художественного восприятия мира казачеством, его психологических черт (черт характера, особой ментальности), способствует познанию молодежью особенностей музыкального языка музыкальной культуры казачества через «погружение» в интонационно-образный строй музыкального произведения, осуществляющегося посредством вслушивания, пластического интонирования, фиксации на бумаге с помощью графической записи. Таким образом, происходит комплексное взаимодействие всех каналов восприятия информации человеком [659].

Реализация метода моделирования аутентичной ситуации (А.Б. Афанасьева), представляющего собой создание (моделирование) учителем ситуации, приближенной к подлинности (ситуация из народной жизни – вечерка, элементы обряда, действия трудовой артели и т.д.), позволяет молодежи духовно «прожить» элементы этнической истории и соотнести личный художественный опыт с процессами развития культуры казачества. Фольклорный материал осваивается ими в синкретизме слова, напева, движения, исполняется в соответствии с реальной историко-бытовой ситуацией и может применяться при знакомстве молодежи с различными жанрами казачьего музыкального фольклора [36, 37].

Метод музыкально-стилевого анализа (О.Н. Яшмолкина), в процессе которого осуществляется поиск общего и отличного в интонационных мелодических структурах их музыкальных характеристик, особенностей их развития, позволяет на основе сопоставления и обобщения определять характерные особенности музыкального языка, стиля музыкальной культуры казачества и сформировать «интонационно-стилевой словарь» молодежи. Родственный предыдущему метод интонационно-стилевого постижения музыки (Е.Д. Критская, М.С. Красильникова) также направлен на развитие музыкально-слухового опыта молодежи в рамках музыкальной культуры казачества как начального этапа ее познания.

Метод одухотворения художественного произведения или его персонализации (А.С. Белкин, В.Г. Ражников, Г.Н. Кудина, З.Н. Новлянская, А.Н. Малюков), в основе которого лежат процессы антропоморфизации, субъективации и персонализации – одухотворения музыки [467], предполагает выделение субъектом восприятия искусства того или иного человека, причастного к художественному произведению – автора, интерпретатора-исполнителя и героя. Данный метод необходим для реализации в воспитательно-образовательном процессе механизмов идентификации, рефлексии и обособления.

Метод сопереживания (Н.А. Ветлугина, А.А. Мелик-Пашаев), в процессе реализации которого искусство открывается молодежи как «сокровищница духовных содержаний», воспринимаемых ими в преломлении собственного жизненного, эмоционального опыта, также применяется в процессе реализации механизмов освоения ценностного содержания художественного произведения – идентификации, рефлексии и обособления.

Согласно принципу культуросообразности, образовательные формы уроков должны способствовать созданию новых артефактов – продуктов и образцов. Например, продуктов музыкального творчества (художественных продуктов), получаемых в результате применения комплекса импровизационных методов (песнетворчества – сочинение попевок, тем, песен, мотивов на основе заданных

стихотворных текстов и ритмов, певческой и инструментальной импровизации, коллективного пересочинения), генетически связанных с музыкальным творчеством устной традиции. Их актуальность состоит в том, что до сегодняшнего дня сохранилось лишь немного нотированных сборников казачьего музыкального фольклора уральского и оренбургского казачества. Подлинные литературные тексты казачьих народных песен, попевок, закличек можно с успехом использовать в процессе реализации вышеназванных методов, что будет способствовать успешному освоению молодежью традиционных культурных и художественных ценностей.

Традиционные методы, свойственные казачьей музыкальной педагогике – подпевание, подхватывание, пение «за следом», включены в модель освоения современной российской молодежью традиционных культурных и художественных ценностей в связи с необходимостью овладения традиционной манеры исполнения народных казачьих песен с помощью средств, методов и приемов наследования подлинных народных традиций, с использованием видео-, аудиоматериалов, записи аутентичных исполнителей в ходе детских фольклорно-этнографических экспедиций; необходимостью учета свойств музыкального казачьего фольклора – устность (специфика организации и передачи фольклорного текста), вариативность (личностный исполнительский поиск, опирающийся на заданный традицией образец), коллективность (ансамблевая природа исполнения народного казачьего фольклора).

Метод «разыгрывания» песен, имеющий много общего с современным методом театрализации, позволяет раскрыть глубокое образно-смысловое содержание народных казачьих песен и особенность музыкального фольклора казачества – нерасчлененность (синкретизм). В учебно-воспитательном процессе он может использоваться в создании ситуаций «погружения» – через семейные фотографии, предметы старины, музыку, в процессе реконструкции обрядов, традиционных казачьих игр и т.д.

В процессе реконструкции обрядов и традиций, свойственных казачьей культуре, для эффективного эмоционального погружения молодежи в различные бытовые ситуации и образы казачьих песен, создания реального бытового фона для исполнения музыкальных произведений необходимо использовать средства художественной культуры: духовно-художественные (видео-, аудиоматериалы с записью аутентичных исполнителей, произведения изобразительного искусства и литературы казачьей тематики); материально-художественные (сабли, нагайки, предметы домашнего обихода, применявшиеся казаками в качестве элементарных музыкальных инструментов – валики для глажения белья, гребенки и т.д., музыкальные инструменты – ложки, барабаны, трещотки, бубны, дудочки, свирели).

Организационный компонент модели включает, во-первых, *механизмы* освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей – идентификация, обособление, рефлексия и самореализация, содержание которых было описано в первой главе настоящего исследования.

Во вторых, данный компонент модели включает ряд организационно-педагогических (создание в учебных заведениях и учреждениях дополнительного образования культурной среды, ядром которой является художественная культура казачества; учет ее региональных особенностей; включение подростков и молодежи в совместные проекты по воспроизводству, сохранению и распространению

художественной культуры казачества) и психолого-педагогических (создание в учебно-воспитательном процессе ситуаций «проживания» практически-духовного компонента культурного опыта казачества, реконструкции и создания художественных продуктов на основе культуры казачества; развитие этноинтонационного слуха подростков и молодежи) условий.

Данные условия были выведены из положений концепции освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей, которые были описаны в первом параграфе данной главы.

Результативно-оценочный компонент модели включает в себя критерии и показатели уровня освоенности детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей, которые будут описаны в следующей главе.

Данная модель внедрялась в период 2010-2013 гг. в ряде учебных заведений/классов с казачьим кадетским компонентом, клубов и молодежных объединений казачьей направленности Урала (гг. Богданович, Екатеринбург, Ревда, Челябинск и др.) и показала свою результативность, что было подтверждено диагностическими исследованиями.

Выводы по четвертой главе

1. Теоретическим основанием концепции освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей являются следующие положения:

- народная художественная культура, характерная для определенного российского региона, обладает уникальным аксиологическим потенциалом, который определяется ценностями, воплощенными в ее художественных образах в преломлении своеобразных условий исторической, социально-экономической жизни, нравственно-бытовых устоев, мировоззрения, национального состава населения; художественный опыт реципиентов «встроен» в «интонационное поле» наследия конкретного региона, что ведет к наиболее адекватному восприятию и интерпретации его «интонируемого смысла»;

- освоение личностью традиционных ценностей осуществляется посредством включающихся последовательно механизмов: идентификации (с героем произведения, жизненным событием, описываемом в художественном произведении), рефлексии (осмысление поступков «другого», его ценностных позиций и проявление отношения к ним), обособления (отстранение личности от художественных событий, чувств, мыслей героя, создателя художественного произведения, включение ценностей «другого» в собственный художественный и жизненный опыт), самореализации (воплощение полученного опыта в художественной деятельности, которая отражает традиционные ценности, освоенные в ходе ознакомления с артефактами культуры);

- способами освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей является: а) «проживание» практически-духовного компонента культурного опыта народа, включение музыки в традиционные формы бытования народной художественной культуры; б) создание по освоенным образцам народной художественной культуры художественных продуктов и творческое воплощение в них традиционных ценностей;

- освоение личностью данных ценностей сопровождается развитием этноинтонационного слуха как главного этнического идентификатора, направленного на художественно-смысловое прочтение художественного и музыкального произведения, посредством которого осуществляется постижение реципиентом его ценностного содержания;

- ядром всех компонентов культурно-образовательной среды учебных заведений любого типа и учреждений дополнительного образования является народная художественная культура.

2. Концепция разработана с опорой на культурологический подход, что позволяет создать образовательно-культурную среду учебных заведений и учреждений дополнительного образования, выстроить учебно-воспитательный процесс с учетом культурного наследия, норм и ценностей народной культуры, реализовать основной психологический механизм перевода внешних воздействий на личность в ее внутренние ценности, идеалы и нормы – механизм культурной идентификации. При разработке концепции учитывается гендерный подход, что дает возможность организовать учебно-воспитательный процесс, предоставляющий подрастающему поколению ориентир на реализацию традиционных мужских и женских социальных ролей, личностно ориентированный подход, позволяющий признать за юношей (девушкой) статус субъекта воспитательного процесса, когда из ряда воплощенных в художественном произведении ценностей они выбирают те, которые впоследствии воспроизводят в художественной деятельности и жизни. Деятельностный подход позволяет осуществить процесс освоения молодежью традиционных культурных и художественных ценностей в различных видах музыкальной, художественной деятельности, аксиологический – выявить, обосновать и актуализировать в учебно-воспитательном процессе традиционные ценности, заложенные в художественной культуре, сформировать у индивида систему личных художественных ценностей. Полихудожественный подход дает возможность включить подрастающее поколение в различные виды художественной деятельности, интонационный – позволяет через интонацию открывать путь постижения художественных произведений, воплощающих в своих образах традиционные ценности. Концепция опирается также на принцип интеграции, что дает возможность формировать целостное представление молодежи о ценностях художественной культуры, осваивать ее комплексно, интеграция при этом осуществляется на уровне межпредметных связей, урочной и внеурочной, школьной и внешкольной деятельности школьников, различных ступеней образования, учитывает особенности бытования музыкального фольклора, когда осуществляется интеграция видов художественной деятельности, различных видов искусства, принцип освоения ценностного содержания художественной культуры в контекстных связях, что позволяет изучать фольклорные образцы в соответствующем бытийном контексте, освоить «язык» культурной традиции, так как музыкальный образ как особая ценностно-смысловая реальность и музыкальный язык не могут быть восприняты вне контекста – смыслового пространства порождающей основы музыкального сознания.

3. Модель освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей (на примере системы казачьего образования как части российского образования в целом, клубов и молодежных организаций казачьей направленности) включает целевой, теоретико-методологический, содержательный,

организационный и результативно-оценочный компоненты. На ее основе проектируется урочная, внеурочная и досуговая деятельность подростков и молодежи, а также воспитательное пространство, которое охватывает школы, учреждения дополнительного образования, молодежные объединения, культурные центры. Модель включает клубные формы работы (тематические встречи, традиционные казачьи праздники, полевые исследования), выездные формы работы (детские фольклорно-этнографические экспедиции, летние казачьи лагеря, военно-полевые сборы казачьих кадетских классов и клубов, смотры-конкурсы), в рамках которых осуществляется совместная деятельность подростков и молодежи, формы работы с семьей (семейные творческие гостиные, выставки, конкурсы), формы уроков музыки (комбинированные, интегрированные, уроки-путешествия), формы внеучебной деятельности (познавательные, практико-ориентированные, развлекательные).

Результативность модели обеспечивается реализацией комплекса организационно-педагогических (создание в учебных заведениях и учреждениях дополнительного образования образовательно-культурной среды, ядром которой является художественная культура казачества; учет ее региональных особенностей; включение подростков и молодежи в совместные проекты по воспроизводству, сохранению и распространению художественной культуры казачества) и психолого-педагогических (создание в учебно-воспитательном процессе ситуаций «проживания» практически-духовного компонента культурного опыта казачества, реконструкции и создания художественных продуктов на основе культуры казачества; развитие этноинтонационного слуха подростков и молодежи) условий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретический анализ проблемы освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей позволили сформулировать следующие выводы:

1. Освоение детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей представляет собой целенаправленный педагогический процесс ее включения в активное восприятие, воспроизведение и творческое воплощение детерминированных ментальными установками народа значимостей (гражданственность, патриотизм, Православие, семья, соборность).

2. Художественная культура казачества обладает педагогическим потенциалом в освоении детьми и молодежью традиционных ценностей: а) она является системой порождения, накопления, хранения, обобщения и трансляции в индивидуальных образах традиционных ценностей, свойственных культуре казачества; б) в ней отражается воспитательный идеал народной педагогики казачества, представляющий собой человека, в основе ментальности которого лежат такие традиционные ценности, как гражданственность, патриотизм, Православие, семья, соборность; это вольный человек, проявляющий стойкость, отвагу и храбрость, исполняющий свой долг перед Родиной; в) через образные ассоциации воздействует на воображение, эмоции и подсознание человека, а эмоциональное внушение рождает эмоциональную установку, нацеленность и готовность человека к определенным поступкам, соответствующим идеальному образу казака, воплощающего в своих поступках традиционные ценности.

3. Основание концепции освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей составляют следующие положения:

- народная художественная культура, характерная для определенного российского региона, обладает уникальным аксиологическим потенциалом, который определяется ценностями, воплощенными в ее художественных образах в преломлении своеобразных условий исторической, социально-экономической жизни, нравственно-бытовых устоев, мировоззрения, национального состава населения; художественный опыт реципиентов «встроен» в «интонационное поле» наследия конкретного региона, что ведет к наиболее адекватному восприятию и интерпретации его «интонируемого смысла»;

- освоение личностью традиционных ценностей осуществляется посредством включающихся последовательно механизмов: идентификации (с героем произведения, жизненным событием, описываемом в художественном произведении), рефлексии (осмысление поступков «другого», его ценностных позиций и проявление отношения к ним), обособления (отстранение личности от художественных событий, чувств, мыслей героя, создателя художественного произведения, включение ценностей «другого» в собственный художественный и жизненный опыт), самореализации (воплощение полученного опыта в художественной деятельности, которая отражает традиционные ценности, освоенные в ходе ознакомления с артефактами культуры);

- способами освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей является: а) «проживание» практически-духовного компонента культурного опыта народа, включение музыки в традиционные формы бытования народной художественной культуры; б) создание по освоенным образцам народной

художественной культуры художественных продуктов и творческое воплощение в них традиционных ценностей;

- освоение личностью данных ценностей сопровождается развитием этноинтонационного слуха как главного этнического идентификатора, направленного на художественно-смысловое прочтение художественного и музыкального произведения, посредством которого осуществляется постижение реципиентом его ценностного содержания;

- ядром всех компонентов культурно-образовательной среды учебных заведений любого типа и учреждений дополнительного образования является народная художественная культура.

Концепция разработана с опорой на культурологический, гендерный личностно ориентированный, деятельностный, аксиологический, полихудожественный, интонационный подходы и принципы интеграции, освоения ценностного содержания художественной культуры в контекстных связях.

4. Разработана модель освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей (на примере системы казачьего образования как части российского образования в целом, клубов и молодежных организаций казачьей направленности). Она включает целевой, теоретико-методологический, содержательный, организационный и результативно-оценочный компоненты; На ее основе проектируется урочная, внеурочная и досуговая деятельность подростков и молодежи. Включает формы уроков музыки, формы внеучебной деятельности, формы работы с семьей, клубные формы работы, выездные формы работы.

5. Результативность модели обеспечивается реализацией комплекса организационно-педагогических (создание в учебных заведениях и учреждениях дополнительного образования образовательно-культурной среды, ядром которой является художественная культура казачества; учет ее региональных особенностей; включение подростков и молодежи в совместные проекты по воспроизводству, сохранению и распространению художественной культуры казачества) и психолого-педагогических (создание в учебно-воспитательном процессе ситуаций «проживания» практически-духовного компонента культурного опыта казачества, реконструкции и создания художественных продуктов на основе культуры казачества; развитие этноинтонационного слуха подростков и молодежи) условий.

6. Дальнейшие перспективы исследования связаны с изучением проблемы подготовки будущих учителей музыки, Мировой художественной культуры к освоению учащимися традиционных культурных и художественных ценностей; совершенствованием учебно-методического комплекса по музыкальному и художественному образованию в учебных заведениях с казачьим кадетским компонентом, теоретическими и практическими аспектами освоения культурных ценностей студентами казачьих факультетов российских вузов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумов Ю.Н. Воспитание подростков на традициях донского казачества конца XIX - начала XX веков : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М. , 2000. 23 с.
2. Абдуллин Э.Б., Николаева Е.В. Теория музыкального образования : учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2004. 336 с.
3. Абдуллин Э.Б. Утверждать роль подлинного искусства в жизни подрастающего поколения // Педагогическое образование и наука. 2011. № 4. С. 28-30.
4. Абрамовский А.А. Патриотическое воспитание и военная подготовка в оренбургском казачьем войске // Оренбургское казачье войско: Поиски. Находки. Открытия: сб. науч. тр. / Челябин. гос. ун-т; под ред. А.П. Абрамовского. Челябинск, 1999. С. 19-38.
5. Абрамовский А.А., Абрамовский А.П. Казачьи школы Оренбургского края в XIX веке. Челябинск : Пресс-мастер, 2008. 303 с.
6. Абрамовский А.А., Абрамовский А.П. Культурно-массовая работа в станицах оренбургского казачьего войска в конце XIX века // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычаи: сб. науч. тр. / под ред. А.П. Абрамовского. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 82-96.
7. Абрамовский А.П. Становление и развитие народного образования в оренбургском казачьем войске (1819-1900) // Оренбургское казачье войско: исторические очерки : сб. науч. тр. / под ред. А.П. Абрамовского; Челябин. гос. ун-т. Челябинск, 1994. С. 34-59.
8. Абрамовский А.П., Гехт И.А. Высшее начальное училище Еткульской станицы Оренбургского казачьего войска // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычаи: сб. науч. тр. / под ред. А.П. Абрамовского. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1996. С. 144-160.
9. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Во славу государства Российского (Начальное образование и военная подготовка в Оренбургском казачьем войске). Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1994. 181 с.
10. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в 3-х веках. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. 450 с.
11. Авдеев П. Историческая записка об оренбургском казачьем войске // Славянский базар. Оренбургская старина: историко-краеведческий сборник. 2007. № 6. С. 35-42.
12. Авдеева И.А. Формирование ценностей как философская, социальная и культурологическая проблема // Вестник ТГУ. 2012. Вып. 3(107). С. 257-267.
13. Адищев В.И. Музыкальное образование в женских институтах и кадетских корпусах России второй половины XIX – начала XX века: теория, концепции, практика : монография. М. : Музыка, 2007. 344 с.
14. Алеев В.В., Науменко Т.И., Кичак Т.Н. Музыка. 1-4 кл., 5-8 кл. : Программы для общеобразовательных учреждений. М. : Дрофа, 2003. 96 с.
15. Александров С.Г. Генезис, систематика и технология использования народных игр кубанского казачества в физической подготовке учащихся кадетских корпусов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 1999. 24 с.
16. Алексеев Э.Е. Фольклор в контексте современной культуры. Рассуждения о судьбах народной песни. М. : «Советский композитор», 1988. 240 с.

17. Алексеева О.Н. Русская народная песня как этнокультурный концепт : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Белгород, 2006. 25 с.
18. Алиев Ю.Б. Дидактический пролегомен о современном художественном образовании школьников // Педагогика. 2013. № 5. С. 63-71.
19. Алиев Ю.Б. Методика музыкального воспитания детей (от детского сада к начальной школе). Воронеж : НПО «МОДЭК», 1998. 352 с.
20. Альбрехт Е. К. О рациональном преподавании пения и музыки в школах // Педагогический сборник. 1870. Кн. XI. С. 1123-1155.
21. Андреева К.В. Психологические механизмы катарсиса // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1994. № 1. С. 63
22. Анисин А.Л. Принцип соборности бытия. – Тюмень: Тюмен. юрид. ин-т МВД РФ, 2006. 272 с.
23. Ануфриева Н.И. Феномен народной художественной культуры в профессиональной подготовке современного музыканта : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2012. 61 с.
24. Артановский С.Н. Некоторые проблемы теории культуры. Курс лекций / С.Н. Артановский ; ЛГИК им. Н.К. Крупской. Л., 1977. 83 с.
25. Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция // СЭ. 1981. № 2. С. 97-99.
26. Арутюнов С.А., Маркарян Э.С., Мкртумян Ю.И. Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса // Советская этнография. 1983. № 2 С. 18-22.
27. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М. : Наука, 1989. 247 с.
28. Арутюнян Э.А. Микросреда и трансформация общественных ценностей в ценностную ориентацию личности // Образ жизни и ценностные ориентации личности. Ереван : Изд. АН Арм.ССР, 1979. С. 49-61.
29. Асафьев Б.В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. Изд. 2-е. Л. : Издательство «Музыка», 1973. 142 с.
30. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Кн. первая и вторая. – Л. : Государственное музыкальное издательство, 1971. 378 с.
31. Асафьев Б. О народной музыке / сост. И. Земцовский, А. Кунанбаева. Л. : Музыка, 1987. 248 с.
32. Асафьев Б. Русская народная песня и ее место в школьном музыкальном воспитании и образовании // Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. Л. : Издательство «Музыка», 1973. С. 95-111.
33. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М. : Изд-во «Ин-т практич. психологии» ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. 768 с.
34. Асташова Н.А. Концептуальные основы педагогической аксиологии // Педагогика. 2002. № 8. С. 8-13.
35. Афанасьева А.Б. Метаметодика и ее реализация при освоении школьниками этнокультуры [Электронный ресурс] // Педагогика культуры. 2011. № 13. Режим доступа: <http://www.pedagogika-cultura.ru/13-2011-g/148-afanaseva-13>
36. Афанасьева А.Б. Модель этнокультуры в музыкальном образовании современного школьника // Музыка в школе. 2006. № 4. С. 9-17.

37. Афанасьева А.Б. Этнокультурное образование как проблема современной педагогической науки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 68. С. 100-116.
38. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта : в 3 т. М. : ФО СССР, 1991. Т. I. 318 с.
39. Ахмадеева Р.А. Формирование ценностного отношения к искусству в процессе педагогического общения (на материале музыкальной подготовки учителей начальных классов) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1996. 19 с.
40. Бабаков В.Г., Семенов В.М. Национальное сознание и национальная культура (методологические проблемы). М. : РАН, 1996. 70 с.
41. Баженова Н.Г. Этнопедагогические ценности Амурского казачества: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Якутск, 2000. 19 с.
42. Базов В.В. Культурные традиции и самоидентификация личности : автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 1994. 19 с.
43. Баканов В.П. Роль церкви в обучении грамоте населения казачьих поселков Оренбургского казачьего войска // Исторические чтения : материалы научных конференций «Неизвестный Челябинск» (1994), «Церковь и религия на Урале» (1995). – Челябинск : Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1996. С. 114-118.
44. Бакланова Т.И., Ершова Л.В., Шпикалова Т.Я. Концепция этнокультурного образования в РФ. Йошкар-Ола, 2005. 32 с.
45. Бакланова Т.И. Программа курса «Музыка». 1-4 классы. М. : АСТ Астрель, 2010.
46. Баранов Ф.Н. Песни оренбургских казаков с напевами. Вып. 1. Оренбург, 1913; Вып. 2, 3. Казань, 1913.
47. Барсегян И.А. О классификации форм культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 102-103.
48. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989.
49. Басин Е.Я. Теоретические проблемы искусства: Логика, психология, эстетика, социология. М. : КомКнига, 2010. 328 с.
50. Бахвалова В.А. Традиционная культура донского казачества : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Волгоград, 2009. 25 с.
51. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики Исследования разных лет. М. : Художественная литература , 1975. 504 с.
52. Бахтин М.М. К эстетике слова. М. : Контекст, 1974. 266 с.
53. Бахтин М.М. Проблема текста. Опыт философского анализа [Текст] / М.М. Бахтин // Вопросы литературы. – 1976. – № 10. – С. 122-151.
54. Бахтин М.М. Человек в мире слова / М.М. Бахтин ; сост., предисл. и примеч. О.Е. Оссовского. – М. : Изд-во Российского открытого ун-та, 1995. – 144 с.
55. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М. : Искусство, 1986. 445 с.
56. Башкатова Н.П. Система патриотического воспитания в народной педагогике казачества: история и современность: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Владикавказ, 2005. 22 с.
57. Безрукова Л.В. Формирование ценностного отношения к окружающему миру у старших дошкольников : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 1999. 22 с.

58. Белецкая Е.М. Казачество в народном творчестве и в русской литературе XIX века: монография. Тверь : Золотая буква, 2004. 250 с.
59. Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 208 с.
60. Белозерцев Е.П. О национально-государственном образовании в России // Педагогика. 1998. № 3. С. 30-35.
61. Бенин В.Л. Культуросообразное образование: структурно-содержательный анализ // Новые ценности образования: Культурная парадигма. 2007. № 4(34). С. 38-44.
62. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
63. Бердяев Н.А. Кризис искусства. М. : Интерпринт, 1990. 47 с.
64. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской традиции. М., 1990.
65. Бердяев Н.А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990. 173 с.
66. Бердяев Н. Собрание сочинений [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. Т. 4. Париж : YMCA-PRESS, 1990. Режим доступа : <http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/posleslov.html>.
67. Бердяев Н.А. Существует ли в православии свобода мысли и совести // Путь. 1939. № 59.
68. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря // Судьба России. М. : Издательство «Советский писатель», 1990.
69. Бернштейн Б.М. Традиция и социокультурные структуры // Советская этнография. 1981. № 2. С. 107-109.
70. Бессонов Б.В. Казаки и казачьи земли в Азиатской России // Азиатская Россия. Т.1. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. С. 345 -372.
71. Бестаева Э.Ш. Проблемы исследования культурной и этнической самоидентификации личности : монография / под ред. докт. филос. наук, проф. Т.П. Лолаева; Сев.-Осет. гос. ун-т. Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2012. 123 с.
72. Библер В.С. Две культуры. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31-42.
73. Бим-Бад Б.М. Педагогические течения в начале двадцатого века : Лекции по пед. антропологии и философии образования / Ун-т Рос. акад. образования. Психол.-пед. фак. М. : Изд-во УРАО, 1998. 112 с.
74. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М. : Наука, 1973. 271 с.
75. Бодина Е.А. Культурологические основы музыкального образования [Электронный ресурс] // Педагогика искусства: электронный научный журнал. art-education.ru/AF-magazine, 2013. № 2.
76. Боднева Н.А. Становление и развитие системы семейного воспитания в терском казачестве (вторая половина XIX – начало XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2008. 23 с.
77. Божинская Т.Л. Педагогический потенциал региональной культуры в современном Российском образовании : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2010. 32 с.

78. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. 1979. № 2. С. 27–34.
79. Болодурин В.С. Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. Оренбург : Оренбургское книжное издательство, 2001. 315 с.
80. Большаков В.П. Ценности культуры и время (некоторые проблемы современной теории культуры). Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. 112 с.
81. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия, 1970–78. Т. 23.
82. Бондаревская, Е.В. Воспитание как встреча с личностью : избранные педагогические труды: в 2 т., Т. II. Ростов-на-Дону, 2006. 504 с.
83. Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. Ростов-н/Д. : Творческий центр «Учитель», 1999. 560 с.
84. Бондаревская Е.В. Ценностные основания личностно ориентированного воспитания // Педагогика. 1995. № 4. С. 34–38.
85. Бондаревская Е.В. Школьное образование в контексте культуры [Электронный ресурс] // Ростовская электронная газета. 1999. № 23(29). Режим доступа: <http://www.pligin.ru/articles/bondarevskaya1.htm>
86. Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Аксиологическая проблематика педагогического образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uchebauchenyh.narod.ru/print/print5.htm>.
87. Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Аксиологический (ценностный) план рассмотрения воспитания и обучения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://uchebauchenyh.narod.ru/stat/strat_samoorg.htm.
88. Бондарь Н.И. Традиционная культура в системе образования и культурно-просветительской работы // Проблемы изучения и пропаганды казачьей культуры : мат-лы науч.-практ. конф. Майкоп : Адыг. респ. книжн. изд-во, 1998. С. 65–69.
89. Бондарь Н.И., Жиганова С.А. Фольклор и этнография кубанского казачества : учеб. пособие. Краснодар : Издательство Традиция, 2009. 128 с.
90. Бородин Н. Уральское казачье войско. Статистическое описание: в 2 т. Уральск : Типография уральского казачьего войска, 1891. 947 с.
91. Бородина Е.М. Особенности традиционной культуры казачества Западной Сибири : дис. ... канд. культурол. наук / Кемеровская гос. акад. культуры и искусств. Кемерово, 2004. 225 с.
92. Бородина Е.М. Песенные традиции восточнославянского населения Кемеровской области: Певческие стили : учеб. пособие для студентов высших и средних учебных заведений культуры и искусства / КемГУКИ. Кемерово : КемГУКИ, 2009. 196 с.
93. Боронина Е.Г. Музыкальный фольклор как средство приобщения к традиционной народной культуре детей старшего дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. 23 с.
94. Ботнер В.Д. Развитие народного образования в Оренбургском казачьем войске (вторая половина XIX – первая четверть XX века) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : тезисы докладов. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1995. Ч. 2. С. 119–122.
95. Боярченков А. Славянский мир. Воспитание казака [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slavs.org.ua/vospitanie-kazaka>.

96. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М. : Наука, 1973. 283 с.
97. Бромлей Ю.В. Этнические функции культуры // Этнознаковые функции культуры. М. : Наука, 1991. С. 5-22.
98. Быковский В.Н. Особенности воспитания учащихся на примере культуры казачества : дис. ... канд. пед. наук / Пензенский гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского. Тула, 2002. 268 с.
99. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 415 с.
100. Бурьяк М.К. Певческие традиции региона как фактор оптимизации художественного развития личности : на примере этнокультурных традиций новгородской земли : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб. , 1999. 23 с.
101. Валицкая А.П. Культуротворческая школа: концепция и модель образовательного процесса // Педагогика. 1998. № 4. С. 12-18.
102. Валицкая А.П. Основные тенденции развития российской школы и культуротворческая модель // Культуротворческая школа. Инновационная модель общего образования и ее кадровое обеспечение : мат-лы семинара Ассоциации культуротворческих школ России. СПб., 27-29 марта 2008 г. СПб. : УОО СПб ЛО: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 244 с.
103. Валицкая А.П. Урок-событие в культуротворческой школе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pedagogika-cultura.narod.ru/private/Articles/N_2009/Valickaya_09.htm.
104. Вальченко А. Опыт школ области войска Донского в передаче казачьих традиций // От фольклора до джаза : сб. науч. ст. Ростов н/Дону : Изд-во Ростовской гос. консерватории им. С.В. Рахманинова, 2002. С. 38-49.
105. Вальченко А.В. Хоровое пение в музыкальной культуре Дона: XVIII – нач. XX вв. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Ростов-на-Дону : [б. и.], 2004. 32 с.
106. Ванина Е.С. Формирование ценностных ориентаций подростков в системе общего музыкального образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Уфа, 2004.
107. Вафеев В. Уральский Штраус [Электронный ресурс] // Горыныч. Краеведческий сборник. Режим доступа: <http://old-gorynych.p.ht/Gorynych/out/Vafeev-StolypinGarden-3.htm>.
108. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. / РАО, Южное отд-ние, Международная акад. информатизации. Ростов-на-Дону, 2001. 280 с.
109. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М. : Советская Россия, 1988. 702 с.
110. Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа: Типо-литография тов-ва Соловьев и К°. 1912. № 1.
111. Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа: Типо-литография тов-ва Соловьев и К°. 1912. № 3.
112. Визер В.Г. Военно-патриотическое воспитание учащихся с учетом традиций сибирского казачества : дис. ... канд. пед. наук / Омский гос. пед. ун-т. Омск, 2006. 226 с.
113. Власова В.Б. Об исторических типах традиционной ориентации // Советская этнография. 1981. № 2. С.112-114.
114. Власова В.Б. Традиция как социально-философская категория // Философские науки. 1980. № 4. С. 30-39.

115. Водолацкий В.П. Развитие казачества в современном российской обществе (социальный опыт Донского казачества) : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 49 с.
116. Водолацкий В.П., Шматков В.В., Скорик А.П. Концепция Донского казачьего университетского комплекса на базе ФГБОУ ВПО «Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт // Непрерывное профессиональное образование казачества: содержание, перспективы организации: сборник научных и учебно-методических работ / Юж.-Рос. гос. тех. ун-т (НПИ). Новочеркасск: ЮРГТУ, 2012. С. 11-32.
117. Волкова И.В. Традиции религиозной духовности в русской литературе : дис. ... канд. филос. наук / Марийский гос. тех. ун-т. Йошкар-Ола, 2004. 137 с.
118. Военная музыка России. СПб. : Союз художников, 2006. 226 с.
119. Военный сборник. 1874. № 4.
120. Военный сборник. 1909. № 2.
121. Волшебный туесок / под ред. Н.Д. Михайлова и др. М. : Прогресс, 1995. 86 с.
122. Восстание декабристов: (Материалы по истории восстания декабристов) : в 8 т. Л., 1927. Т.7.
123. Всеподданнейший отчет военного министра за 1912 год. Пг., 1916.
124. Второй международный // Правда. 1962, 5 мая; 1962, 13 апреля; 1962, 16 апреля.
125. Второй Оренбургский кадетский корпус (1887-1894) в ряду других военно-учебных заведений. СПб., 1894.
126. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М. : Педагогика, 1982. С. 96-131.
127. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб. : С.-Петербург. ун-т, 1996. 148 с.
128. Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе : монография. Волгоград : НП ИПД «Авторское перо», 2006. 172 с.
129. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. 302 с.
130. Вязьмин Ю.Н. Особенности развития музыкального образования в Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник ОГУ. 2005. № 12. С. 176-184.
131. Вязьмин Ю.Н. Развитие музыкального образования в Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ...канд. пед. наук. / Оренбург. гос. ун-т. Оренбург, 2006. 187 с.
132. ГАОО. Д. 5110/1. Л. 15.
133. ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3363. Л. 8
134. ГАОО. Ф. 37, оп. 1, д. 38а, л. 37.
135. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1 Д. 133. Л. 102.
136. ГАОО. Ф.96. Оп. 1. Д. 133. Л. 103.
137. ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 179. Л. 22.
138. ГАОО. Ф.169. Оп.1. Д.9. Л.23.
139. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1256. Л. 4.
140. ГАЧО. Д. 10. Л. 28.
141. ГАЧО. Оп. 1. Д. 20. Л. 68.

142. ГАЧО. Оп. 2. Д. 12. Л. 1.
143. Галигузов И.Ф., Баканов В.П. Станица Магнитная. От казачьей станицы до города металлургов. Магнитогорск, 1994.
144. Галь Г.В. Исполнительские традиции народно-инструментального аккомпанемента в казачьей культуре Оренбургского края (XVIII-XX веков) // Традиционная народная культура: исторический опыт и пути дальнейшего развития: материалы всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Г.И. Биушкин. Оренбург : ООО «Печатный дом «Димур», 2012. С. 81-82.
145. Галущинская Ю.О. Воспитание ценностного отношения к старости у детей дошкольного возраста : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 1998. 24 с.
146. Геворкян А.А. Моделирующая игра как фактор становления ценностного отношения старшеклассников к правовым нормам : автореф. дис. ...канд. пед. наук. СПб, 1996. 20 с.
147. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI (в поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М. : Совершенство, 1998. 605 с.
148. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Берлин: Слово, 1923. 419 с.
149. Гибш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию / пер. с нем. Т.А. Рябушкиной. М. : Прогресс, 1972. 296 с.
150. Гинецинский В.И. Основы теоретической педагогики : учебное пособие. СПб. : Издательство СПбГУ, 1992 . 151 с.
151. Гинзбург Л.С. С.М. Козолупов – артист, педагог // Вопросы музыкального искусства. Отдел редких рукописей б-ки Санкт-Петербургской консерватории. Вып. 3. 1962. С. 44-63.
152. Гласс Д., Стенли Д. Статистические методы в педагогике и психологии. М. : Прогресс, 1976. 493 с.
153. Глинкин А.В., Лазарев А.И. Песни оренбургских казаков: старые и новые записи. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1996. 266 с.
154. Голобуцкий В.А. Запорожское казачества. Киев : Госполитиздат УССР, 1957. 461 с.
155. Голубых М.Д. Казачья деревня. М. ; Л. : Государственное издательство, 1930. 323 с.
156. Гомзякова Н.Н. Традиции кубанского казачества в военно-патриотическом воспитании защитников отечества: середина XIX-начало XX века : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Анапа, 2006. 23 с.
157. Горбунова И.А. Художественно-игровые традиции педагогики казачества как средство формирования личности будущего режиссера : дис. канд. пед. наук / Ставропольский гос. ун-т. Карачаевск, 2002. 163 с.
158. Гордеев А.А. История казаков. Золотая Орда и зарождение казачества. М. : МГП «Страстной бульвар», 1991. 176 с.
159. Гордеев А.А. История казаков. Со времен царствования Иоанна Грозного до царствования Петра I. М. : МГП «Страстной бульвар», 1991.
160. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml.

161. Готсдинер А.Л. Музыкальная психология : учеб. пособие / Международная академия педагогических наук; Московский гуманитарный актурский лицей. М., 1993. 190 с.
162. Гохман В.М. География культурных традиций и ее место в их комплексном использовании // Советская этнография. 1981. № 2. С.110-112.
163. Григорьев А.Ф. Этническая картина мира гребенских казаков: опыт культурологического анализа : автореф. дис. ... д-ра культурологии. – Краснодар, 2012. 48 с.
164. Григорьева А.В. Традиционное воспитание и школа у казаков Северного Кавказа: исторический аспект, современные проблемы : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 1999. 19 с.
165. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М. : Терра-Кн. клуб, 1991. 798 с.
166. Гумилев Л.Н. От Руси к России: Очерк этнической истории. М. : Экспресс, 1992. 334 с.
167. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1992. 520 с.
168. Гуревич П. Культурология : учебник. 3-е изд., перераб. М. : Гардарики, 2001. 280 с.
169. Гурская Н.В. Особенности традиционной культуры Уральского казачьего войска в XIX столетии : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Тольятти, 2012. 22 с.
170. Гусев В.Е. Фольклор как элемент культуры // Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М.С. Каган. Л. : Издательство «Наука», 1987. С. 36-41.
171. Гусев В.Е. Эстетика фольклора. Л. : Издательство «Наука», 1967. 318 с.
172. Гусинский Э.Н., Турчанинов Ю.И. Лекции о педагогике и педагогике. Смоленск : СОИУУ, 1997. 64 с.
173. Гучко И.В. Культура и традиции казачества // Казачество Сибири: от Ермака до наших дней (история, язык, культура) : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И.С. Карабулатовой. Тюмень : Типография «Печатник», 2009. С. 24-32.
174. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 573 с.
175. Данилюк А.Я. Содержание культурной парадигмы и условия ее развития как основы современного образования // Новые ценности образования: культурная парадигма. М., 2007. № 4(34). С. 9-10.
176. Данилюк А.Я. Принцип культурогенеза в образовании // Новые ценности образования: культурная парадигма / гл. ред. Н. Крылова. М., 2007. С. 4-10.
177. Даньшов С.Н. Духовно-нравственное воспитание учащихся на основе приобщения к традициям казачества Южного Урала : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2006. 25 с.
178. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 271 с.
179. Доклад Международной комиссии по образованию для XXI века «Образование: скрытое сокровище» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ifap.ru/library/book201.pdf>.
180. Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербова-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. СПб., 1902.
181. Дробижев Л.М. Штрихи к национальному самосознанию русского народа // Русские : Этносоциологические очерки. М. : Наука, 1992.

182. Дубовиков А.М. Уральское казачество в системе российской государственности (XVIII- начало XX в.) : монография. Тольятти : Изд-во ТГУС, 2007. 308 с.
183. Дубовиков А.М. Уральское казачье войско как старинное казачество дореволюционной России. Ч. 1. Тольятти : ОАО «Современник ; ТГИС, 2003. 300 с.
184. Дугин А. Эволюция парадигмальных оснований науки. М. : АРКТОГЕЯ-центр, 2002. 412 с.
185. Духовный фольклор на Южном Урале / отв. ред., автор вступ. ст. и коммент. С.Г. Шулежкова ; сост. С.Г. Шулежкова, А.Г. Серов ; муз. ред. Л.А. Мишурова. Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2005. 224 с.
186. Ерещенко И.Ю. Музыка в социокультурном пространстве региона: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2001. 17 с.
187. Ерохин И.Ю. Казачья семья: уникальный культурный феномен в системе государства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.online-science.ru/userfiles/file/jxajqo5dgosdha7weufgnkb2mbwnn8k3.pdf>.
188. Железнов И.И. Грамотность и народные библиотеки на Урале // Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Полное собрание сочинений : в 3 т. / И.И. Железнов; под ред. Н.А. Бородина. Изд. 3-е. СПб : Типография т-ва «Общественная польза», 1910. Т. 2. С. 433-441.
189. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Полное собрание сочинений : в 3 т. / под ред. Н.А. Бородина. Изд. 3-е. СПб : Типография т-ва «Общественная польза», 1910. Т. 1. 1910. 397 с.
190. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Полное собрание сочинений : в 3 т. / под ред. Н.А. Бородина. Изд. 3-е. СПб : Типография т-ва «Общественная польза», 1910. Т. 2. 1910. 452 с.
191. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Полное собрание сочинений : в 3 т. / под ред. Н.А. Бородина. Изд. 3-е. СПб : Типография т-ва «Общественная польза», 1910. Т. 3. 1910. 439 с.
192. Железновы А. и В. Песни уральских казаков. СПб, 1899. 124 с.
193. Жуковский В.И. Философия искусства / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1998. 256 с.
194. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 333 с.
195. Загвязинский В.И. Методология и методика дидактического исследования. М. : Просвещение, 1982. 160 с.
196. Загвязинский В.И. Основные контуры стратегии развития российского образования в начале XXI века и региональные образовательные проекты // Образование и наука. Известия Уральского научно-образовательного центра РАО. 2000. № 4. С. 12.
197. Загвязинский В.И. Современная ситуация в российском образовании и перспективы его развития как открытой социальной системы // Современное образование как открытая система: коллективная монография / под ред. Н.Г. Ничкало, Г.Н. Филонова, О.В. Суходольской-Кулешовой. М. : Институт научной и педагогической информации РАО, издательство «ЮНИТИ-ДАНА», издательство «ЮРКОМПАНИ», 2012. С. 15-39.

198. Загвязинский В.И. Теория обучения: современная интерпретация : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. М. : Издат. Центр «Академия», 2001. 192 с.
199. Закс Л. Музыка в контекстах духовной культуры // Критика и музыкознание: сб. статей. Вып. 3. Л. : Музыка, 1987. С. 46-68.
200. Закс Л.А. О культурологическом подходе к музыке // Музыка – культура – человек: сб. науч. тр. / отв. ред. М.Л. Мугинштейн. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. С. 9-44.
201. Запесоцкий А.С. Образование: Философия, культурология, политика. 2-е изд. М. : Наука, 2003. 456 с.
202. Заседателева Л.Б. Восточные славяне на Северном Кавказе в середине XX века (динамика этнокультурных процессов) : автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М., 1996. 72 с.
203. Зауторова Э.В. Нравственно-эстетическое воспитание осужденных : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2011. 47 с.
204. Зауторова Э.В. Формирование нравственных ценностных ориентаций подростков средствами русской хоровой культуры : дис. ... канд. пед. наук / Академия управления МВД РФ. Вологда, 2002. 171 с.
205. Захарченко, М.В. Культурно-историческая традиция [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/37922.php>.
206. М.В. Захарченко Ценности отечественной культурно-педагогической традиции в контексте инновационных процессов в современном образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prosvetcentr.ru/Ask_to/article/articl.php?id_article=53&id_page=29&id_site=1
207. Зеленин Д.К. У оренбургских казаков // Этнографическое обозрение. 1905. № 4. С. 54-78.
208. Земцов С. Как их воспитывали // Ставропольская правда. 1991. 26 октября.
209. Земцовский И. Апология слуха // Музыкальная академия. 2002. № 1. С. 1-12.
210. Земцовский, И.И. Артикуляция фольклора как знак этнической культуры // Этнознаковые функции культуры. М. : Наука, 1991. С. 152-189.
211. Земцовский И.И. Этномузыковедческие заметки об этнической традиции // Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб. : РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). С. 293-313.
212. Зорилова Л.С. Поиск духовных идеалов личности в науке, культуре и музыкальном искусстве / Федеральное агентство по культуре и кинематографии. М. : Академический Проект : Альма-Матер, 2008. 253 с.
213. Зотов С.В. Традиции как константы национальных культур // Вестник МГУКИ. 2006. № 3. С. 11-15.
214. Зуев П.В. Оценка качества подготовки бакалавра музыкального образования на основе использования квалиметрического метода // Музыкальное и художественное образование и эстетическое воспитание детей и молодежи: монография / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; отв. ред. К.П. Матвеева. Екатеринбург, 2011.
215. Иванов В.В. Искусство как средство выражения этнической идентичности : дис. ... канд. филос. наук / Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2006. 170 с.

216. Иванов В.А., Кортуннов А.И., Косянов В.И., Чугунов С.М. Оренбургское и Уральское казачьи войска. История и культура : учеб. пособие. Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. 180 с.
217. Изюмов А.И. Атаман, реформатор и просветитель // Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 93-96.
218. Изюмов А.И., Абросимов В.Г. История уральского казачьего войска. Илек : ГУП «РИД «Урал», 2007. 296 с.
219. Изюмов А.И. Начальное образование в Уральском казачьем войске // Начальная школа. 2000. № 3. С. 123-126.
220. Ильин И. Мы были правы // О грядущей России / под ред. Н.П. Полторацкого. М. : Военное издательство, 1993. С. 332-338
221. Ильин И.А. Одинокий художник / сост. предисл. и примеч. В.И. Белова. М. : Искусство, 1993. С. 85-103.
222. Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи / под ред. Н.П. Полторацкого. М. : Воениздат, 1993. 368 с.
223. Ильин И. Путь духовного обновления [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://legitimist.ru/lib/philosophy/i_ilin_put_duhovnogo_obnovleniya.pdf
224. Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб., 1886.
225. История казачества Азиатской России. Т. 1. XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург : УРО РАН, 1995. 317 с.
226. Кабалевский Д.Б. Прекрасное пробуждает доброе. М. : Просвещение, 1973. 324 с.
227. Каган М.С. Мир общения: проблема межсубъективных отношений. М. : Политиздат, 1988. 319 с.
228. Каган М.С. Искусство как феномен культуры // Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М.С. Каган. Л. : Издательство «Наука», 1987. С. 6-22.
229. Каган М.С. Философия культуры. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского госуниверситета, 1996. 415 с.
230. Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205с.
231. Каган М.С. Человеческая деятельность. Опыт системного анализа. М. : Издательство политической литературы, 1974. 328 с.
232. Каган М.С., Холостова Т.В. Культура – философия – искусство (Диалог). М. : Знание, 1988. 64 с.
233. Казак. 1911. 1 октября.
234. Казачество: образы культурной идентичности: сборник фольклорно-этнографических материалов / сост. И.А. Филиппова, Т.И. Рожкова, С.А. Моисеева. Магнитогорск, 2010. 202 с.
235. Казачья вольница . 2001. № 41. Казачьи заповеди и поговорки.
236. Казин А.Л. Искусство и духовная культура // Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М.С. Каган. Л. : Издательство «Наука», 1987. С.58-71.
237. Каиров В.М. Традиции и исторический процесс / Рос. акад. управления. М. : Луч, 1994. 188 с.
238. Калинин А.С. Формирование у старшеклассников ценностного отношения к гуманитарному познанию : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2000. 22 с.

239. Калужникова Т.И. Роль кантовости в казачьем песенном фольклоре // Фольклор Урала. Вып. 6 «Фольклор городов и поселков»: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1982. С. 94-112.
240. Камалова И.Ф. Развитие нравственных ценностных ориентаций студентов вуза средствами музыкального искусства : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2009. 25 с.
241. Каменская Е.Н. Гендерный подход в педагогике : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 62 с.
242. Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения / под ред. А.М. Арсеньева; сост. П.А. Лебедев; Акад. пед. наук СССР. М. : Педагогика, 1982. 704 с.
243. Капустина З.Я. Гражданственность как ценность российской культуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2008. 37 с.
244. Караковский В.А. Стать человеком. Общечеловеческие ценности – основа целостного учебно-воспитательного процесса. М. : НМО «Творческая педагогика, МП «Новая школа», 1993. 80 с.
245. Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости // Антология педагогической мысли России: первая половина XIX века: до реформы 60-х годов / сост. П.А. Лебедев. М. : Педагогика, 1987. С. 59-61.
246. Карандашов В.Д. Социальная коммуникация как фактор формирования ценностных ориентаций военнослужащих : Филос.-социол. анализ / Министерство обороны РФ. СПб., 1993.
247. Карсканов В. Ты моя синеглазая Русь: в 3-х томах [Электронный ресурс]. Екатеринбург, 2013. Режим доступа: <http://www.ursmu.ru/assets/files/kazachiy-krug/book1.pdf>.
248. Карпов А.Б. Уральцы. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725) : в 2 кн. / Уральск, 2009. Кн. 1. Репринтное издание книги 1911. 1044 с.
249. Карпова Е.Г. Развитие творческого воображения младших школьников при освоении русского фольклора : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2010. 22 с.
250. Карпушина Л.П. Этнокультурный подход как фактор социализации учащихся общеобразовательных учреждений (на примере музыкального образования) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Саранск, 2012. 43 с.
251. Карпушина Л.П. Этнокультурный подход к подготовке студентов педагогических вузов // Фундаментальные исследования. 2011. № 12. С. 302-303.
252. Карпушина Л.П. Этнокультурный подход к музыкальному образованию учащихся общеобразовательных учреждений : монография / Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2011. 128 с.
253. Картавцева М.Т. Творческое развитие детей средствами музыкального фольклора : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009. 61 с.
254. Кафтан В.В. Духовно-ценностное противоборство в современной России // Традиционные духовные ценности и современная образовательная практика : мат-лы II всерос. науч.-метод. очно-заочной конф. / отв. ред. С.В. Бойко. Череповец : Филиал СПбГЭУ в г. Череповце, 2013. С. 16-22.
255. Кашекова И.Э. Единое интеграционное пространство школы и пути его создания // Искусство в школе. 2001. № 4. С. 7-10.

256. Кашекова И.Э. Эстетическая среда как фактор интеграции школьной жизни // Организация экспериментальной деятельности в образовательных учреждениях г. Москвы. Вып. 6. Серия «Инструктивно-методическое обеспечение содержания образования в Москве. М. : Центр «Школьная книга», 2002.
257. Кердан А.Б. Искусство в системе средств формирования офицерской чести как субкультуры российского общества : монография. Екатеринбург : Уральское литературное агентство, 2005. 176 с.
258. Кирнарская Д.К. Музыкальные способности. М. : Таланты-XXI век, 2004. 496 с.
259. Кирьякова А.В. Теория ориентации личности в мире ценностей : монография. Оренбург, 1996. 187 с.
260. Клейн Л.С. К вопросу о связи искусства и культуры // Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М.С. Каган. Л. : Издательство «Наука», 1987. С. 22-29.
261. Клейн Э.Г. Военные оркестры как феномен провинциальной культуры России (на материалах Костромской губернии до 1917 г.) : автореф. дис. ...канд. пед. наук. Ярославль, 2005. 21 с.
262. Кобозева И.С. Национальная ориентация Российского музыкального образования: историко-педагогический анализ : монография / под ред. чл.-корр. РАО, проф. Е. Г. Оссовского ; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2002. 184 с.
263. Ковалева В.М. Музыкальное образование в России в конце XVII и первой четверти XVIII столетия : историко-педагогический аспект: автореф. дис. ...канд. пед. наук. М., 2003. 23 с.
264. Коваленко А.И. Казачество восточных окраин России в XIX – начале XX вв. : культурно-исторический аспект : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2009. 44 с.
265. Коган Л.Н. Теория культуры : учеб. пособие. Екатеринбург : УрГУ, 1993. 160 с.
266. Коган Л.Н. Художественная культура и художественное воспитание. М. : «Знание», 1979. 64 с.
267. Коджаспирова Г. М. Гендерная педагогика кадетских образовательных учреждений. М. : Экон-информ, 2008. 99 с.
268. Коломиец Г.Г. Зарубежная музыка XX века в курсе музыкальных школ и музыкальных училищ. Оренбург : ОГПУ, 1998.
269. Коломиец Г.Г. Функции музыки в социуме // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. – Т. IV : Культурная политика / отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб. : Алетейя, 2008. 424 с.
270. Комаров М.С. Введение в социологию : учебник для высших учебных заведений. М. : Наука, 1994. 160.
271. Комплект интегрированных полихудожественных программ по изобразительному искусству для дошкольных и общеобразовательных учебных заведений. М. : Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2000.
272. Кондаков В. К вопросу о поднятии интереса и самостоятельности среди учащихся // Вестник Оренбургского учебного округа. 1912. № 3. С. 111-118.
273. Коновалов А.В. Военно-патриотическое воспитание казаков Северного Кавказа: XVIII - начало XX века : дис. ... канд. пед. наук / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2005. 138 с.

274. Кононова С.Н. Формирование основ гражданской позиции подростков станицы на традициях российского казачества : автореф. дис. канд. пед. наук. М., 2009. 20 с.
275. Константинова О.А. Гендерный подход к обучению школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2005. 22 с.
276. Концептуальные основы казачьего кадетского компонента образования в Свердловской области. Проект. [Электронный ресурс] Екатеринбург, 2011. Режим доступа : www.irro.ru/sites/default/files/-итог.doc.
277. Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Проект. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/90>.
278. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=985>.
279. Концепция духовно-нравственного развития, воспитания и социализации обучающихся в казачьих кадетских корпусах [Электронный ресурс]. М., 2011. Режим доступа : <http://donskoi.org/news/1829.html>.
280. Концепция развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008 – 2015 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://touncki.tom.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=79:-2008-2015-&catid=67:2010-03-06-17-40-40&Itemid=93.
281. Концепция развития поликультурного образования в РФ. Проект [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://old.mon.gov.ru/work/vosp/dok/6988/>.
282. Концепция федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70321160/>
283. Концепция художественного образования в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/dg-akty/q0g.htm>.
284. Коняхина И.В. Проблемы теории культуры. Курс лекций. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998. 84 с.
285. Копалов В. Русская народная линия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2009/09/16/russkij_nacional_nyj_harakter/.
286. Копцева Н.П., Лозинская В.П. Музыкальное искусство в системе культуры. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2009. 115 с.
287. Королева Т.П. Методическая подготовка учителя музыки: педагогическое моделирование : монография. Мн. : УП «Технопринт», 2003. 216 с.
288. Коростелева Н.И. Воспитание ценностного отношения младших школьников к произведениям музыкального искусства : монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2005. 121 с.
289. Коротин О.Е. Былинные песни уральских (яицких) казаков : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. СПб., 1995. 19 с.
290. Коротин Е.И. Музыкально-песенный фольклор уральских (яицких) казаков (на материале 106 нотированных песен). СПб. : Реноме, 2012. 248 с.

291. Коротин Е.И., Коротин О.Е. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков. Самара – Уральск : Самар. Дом печати, 1999. – Ч. 1. Песенное творчество. 464 с.
292. Коротин Е.И. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков (Антология). Свадебный обряд. Сказки. Предания. Байки. Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. Детский фольклор. Самара : Самар. Дом печати, 1999. 224 с.
293. Коротин Е. Фольклор яицких казаков: песни, народная проза, детский фольклор. Алма-Ата : Жазушы, 1982. 256 с.
294. Коряжкина Е.А. Теоретико-методическое обоснование комплексного использования фольклора в эстетическом воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста : дис. ...канд. пед. наук / Российский институт культурологии. 2000. 182 с.
295. Костина Э.П. Музыкальная среда как средство развития креативности ребенка // Дошкольное воспитание. 2006. № 11.
296. Костина А.В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия [Электронный ресурс]. 2009. № 4. Режим доступа : <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/>
297. Костылева В.Ю. Идея соборности в русской философской традиции // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Серия 7. Философия. 2008. № 2(8). С. 172-175.
298. Костюкова Т.А. Профессиональное самоопределение будущего педагога в традиционных российских духовных ценностях : дис. ...д-ра пед. наук / Томский гос. пед. ун-т. Томск, 2002. 363 с.
299. Костюченкова, Е.М. Экспликация ценностной картины мира субэтноса казаков в донском ономастиконе : дис. ...канд. филол. наук / Ростовский гос. экономический ун-т. Нальчик, 2009. 158 с.
300. Косянов, В.И. Образование в Оренбургском казачьем войске // Оренбургу – 250 лет. Оренбург, 1993.
301. Кочеров С.Н. Русская идея как социокультурный феномен: концептуальный, историософский и аксиологический анализ : автореф. дис....д-ра филос. наук. Нижний Новгород, 2007. 36 с.
302. Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII века. 2-е изд. М. : Просвещение, 1987. 319 с.
303. Краткий отчет о состоянии Уральского войскового реального училища за 1901-1902 учебный год. Казань : Типо-литография Императорского университета. 1903. 64 с.
304. Крашенинников И. Хороводные и плясовые песни казачьего поселка Сосновка Челябинского уезда Оренбургской губернии. М. : Т-во Скоропечатни А.А. Левинсон. 17 с.
305. Кривошеков А. Обряды и обычаи Оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа : Электрическая типо-литография г. Соловьева, 1915. № 1. С. 9-15.
306. Кривошеков, А. Обряды и обычаи Оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа : Электрическая типо-литография г. Соловьева, 1915. № 2. С. 57-87.

307. Кривошеков А.И. Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа : Типо-литография тов-ва Соловьев и К°. 1915. № 7.
308. Критская Е.Д., Сергеева Г.П., Шмагина Т.С.. Музыка. 1-4 классы. Программы общеобразовательных учреждений: Музыка. Начальные классы. М. : Просвещение, 2002. С. 117-134.
309. Кричевский Р.Л. Идентификация со сверстниками как одна из характеристик межличностного влияния в юношеских коллективах // Педагогические аспекты социальной психологии: тезисы респ. научно-практ. конференции. Минск : Высшая школа, 1978.
310. Крупник Е. Некоторые методологические проблемы воспитательного воздействия искусства на личность // Художественное воспитание подрастающего поколения: проблемы и перспективы: сб. статей. / НИИ культуры М-ва культуры РСФСР и АН СССР и др.; Сост. М. М. Берлянич.-Новосибирск : НГК. С.29-45.
311. Крупник Е.П. Психологическое воздействие искусства. М. : Издательство «Институт психологии РАН», 1999. 240 с.
312. Крылова Н.Б. Культурная парадигма как основа развития современной школы // Новые ценности образования: культурная парадигма. М., 2007. № 4(34). С. 104-109.
313. Крылова Н.Б. Культурология образования. М. : Народное образование, 2000. 272 с.
314. Кубанский календарь на 1899 год. Екатеринодар, 1899.
315. Кудрявцев В.Т., Слободчиков В.И., Школяр Л.В. Культуросообразное образование: концептуальные основания // Известия РАО. 2001. № 4. С. 4-45.
316. Кузина Т.Ф., Батурина Г.И. . Народная педагогика в воспитании дошкольников. М. : А. П. О. , 1995. 72 с.
317. Кузнецов В.А. Военно-патриотическое воспитание в Оренбургском казачьем войске : дис. ... канд. истор. наук / Челябинский гос. ун-т. Челябинск, 2000. 202 с.
318. Кузнецов В.А. Образ жизни, как фактор формирования патриотического сознания военно-служилого сословия // Вестник Челябинского университета. Серия 1. 2002. № 2. С. 36-55.
319. Кузнецов В.А. Патриотизм в песнях оренбургского казачества // Культура оренбургского казачества : сб. науч. ст. / Челяб. гос. ун-т; отв. ред. С.Е. Матушкин. Челябинск, 2007. С. 179–213.
320. Кузнецов К. О грамотности в Оренбургском казачьем войске // Казак. 1911. 13 ноября.
321. Кузнецова Э.В. Беседы о русском искусстве XVIII – о начала XIX века : пособие для учителей. М. : Просвещение, 1972. 182 с.
322. Кузьмина О.М. Профессиональная подготовка учителя к преподаванию музыкального фольклора : автореф. дис. ...канд. пед. наук. М., 2006. 25 с.
323. Кузьмичев Л.А. Формирование ценностных ориентаций школьников в процессе музыкально-художественного воспитания : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2004. 18 с.

324. Культура и культурология : Словарь / сост. и ред. А.И. Кравченко. М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. 928 с.
325. Культурология. XX век. Словарь. СПб. : Университетская книга, 1997. 640 с.
326. Культурология : учебник / под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. М. : Высшее образование, 2007. 566 с.
327. Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Том 1 / гл. ред. и автор проекта С.Я. Левит. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. 1392 с.
328. Куприянова, Л.Л. Активизация творческой деятельности младших школьников при освоении музыкального фольклора : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1990. 16 с.
329. Кустов Л.М. Проблема системогенеза исследовательской деятельности инженера-педагога : монография. Челябинск : ЧИРПО, 1998. 276.
330. Лазарев А.И. Ментальность военно-исторических песен оренбургского казачества // Оренбургское казачье войско. Культура, быт, обычаи: сб. науч. тр. / под ред. А.П. Абрамовского. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1996. С. 129-143.
331. Лазарев А.И. Традиционно-певческий быт варненских казаков // Оренбургское казачье войско : Поиски. Находки. Открытия : сб. науч. ст. / под ред. А.П. Абрамовского. Челябинск, 1999. С. 102-113.
332. Лалаев М. Военные прогимназии в первые годы их преобразования (1869-1872) // Педагогический сборник. 1872. С. 1-2.
333. Леви-Стросс К. Мысли о культуре. Алма-Ата, Жулдуз, 1992.
334. Левкович В.П., Панкова Н.Г. Социально-психологические аспекты проблемы этнического сознания // Социальная психология и общественная практика. М. : Издательство «Наука», 1985. С. 138-153.
335. Левченко Т.В. Традиции российского казачества – духовный ресурс патриотического воспитания детей и молодежи : научно-методическое издание. Волгоград : изд-во ВолГМУ, 2013. 117 с.
336. Ледовская О.В. Роль традиций в современной культуре : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2006. 20 с.
337. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Московского университета. Сер. 14., Психология. 1996. № 4. С. 35-44.
338. Лескова И.В. Социализация и инкультурация как механизмы формирования идентичности личности // Научные ведомости. 2008. № 12(52). С. 19-24.
339. Ливанов Д.В. Главное дело нашей жизни // Высшее образование сегодня. 2013. № 2. С. 10.
340. Листопадов, А.П. Песни Донских казаков / под общей ред. Г. Сердюченко. М. : Музгиз, 1949. Т.1. Ч.1. 246 с.
341. Лихачев Б.Т. Введение в теорию и историю воспитательных ценностей (теоретико-исторический анализ воспитательных ценностей в России в XIX и XX веках). Самара: Издательство СИУ, 1997. 85 с.
342. Лихачев Б.Т. Законы формирования и действия воспитательных ценностей в общественном и индивидуальном сознании // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 3. С. 157-168.

343. Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3-6.
344. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М. : Политиздат, 1991. 367 с.
345. Лосский Н.О. Характер русского народа. М. : Ключ, 1990. Кн. 1. 62 с.
346. Лотман Ю.М. Декабристы в повседневной жизни // Литературное наследие декабристов. Л. : Наука , 1975.
347. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М. : Наука, 1973. С. 16-22.
348. Лукаш С.Н. Педагогика казачества: прошлое и настоящее Юга России : монография. М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2008. 301 с.
349. Лукаш С.Н. Воспитание подрастающих поколений в традициях и инновациях культуры казачества юга России : автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 48 с.
350. Лукичев П., Скорик А. Социально-психологический феномен казачества // Свободная мысль. 1995. № 8. С. 44.
351. Малявкин Г. Станица Червленая // Этнографическое обозрение. 1891. № 2.
352. Малюков А.Н. Формирование художественной культуры подростка в процессе воспитания ценностного отношения к искусству : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1996. 39 с.
353. Мандрик Ю.Б. Нравственно-эстетическое воспитание младших школьников средствами народной песни : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киев, 1989. 21 с.
354. Мансер. Народное образование в Оренбургском казачьем войске // Военный сборник. 1881. № 5.
355. Манузин Е.В. Образование и воспитание Кубанского казачества в XIX - начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. историч. наук. Краснодар, 2004. 26 с.
356. Манузин Е.В. Образование и воспитание Кубанского казачества в XIX - начале XX вв. : монография. Славянск-на-Кубани : Издательский центр СГПИ, 2007. 135 с.
357. Марахтанова Г.Н. Народно-певческая традиция терского казачества : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2007. 26 с.
358. Мариупольская Т.Г. Проблема национальных традиций в преподавании музыки : теоретический и методический аспекты : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2002. 53 с.
359. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1969. 227 с.
360. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). М. : «Мысль», 1983. 284 с.
361. Маркарян, Э.С. Узловые проблемы теории культурных традиций // СЭ. 1981. № 2. С. 78-96.
362. Маслов А.Л. Методика пения в начальной школе, основанная на новейших данных экспериментальной педагогике. М., 1913.
363. Масынов Л.Л. Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк : Всеславянское изд-во, 1963. 166 с.
364. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 3. Оренбург, 1903.

365. Майдибор О.Н. Развитие патриотического сознания у кадетов средствами изобразительного искусства в казачьих гимназиях : региональный компонент : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. 20 с.
366. Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. : Исторические очерки. Оренбург, 1962. 184 с.
367. Маякин Т.К. Военно-музыкальная культура России (историко-культурологический анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2010. 29 с.
368. XXI Международные Рождественские образовательные чтения «Традиционные ценности и современный мир» // Наука и религия. 2013. № 2. С. 32.
369. Мединцев В.А. Диалогический подход в психологии музыки // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 117-120.
370. Медушевский В.В. Духовно-нравственное воспитание средствами искусства // Искусство в школе. 2009. № 1. С. 50-52.
371. Медушевский В.В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. М. : Музыка, 1976. 254 с.
372. Медушевский В.В. Сущностные силы человека и музыка // Музыка – культура – человек: сб. науч. тр. / отв. ред. М.Л. Мугинштейн. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. С.45-64.
373. Межуев В.М. Культура как проблема философии // Культура, человек и картина мира / отв. ред. А.И. Арнольдов, В.А. Кругликов. М. : Наука, 1987. С. 300-331.
374. Мелик-Пашаев А.А. О состоянии и возможностях художественного образования. Аналитическая записка // Искусство в школе. 2008. № 1.
375. Методические рекомендации по организации кадетских казачьих классов в общеобразовательных учреждениях Челябинской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: minobr74.ru.
376. Методические рекомендации по разработке основной образовательной программы общеобразовательного учреждения с учетом казачьего кадетского компонента образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: irro.ru/sites/default/files/ООП_НОО_с_казачьим_комп.doc.
377. Мешков А.Е. Гражданско-патриотическое воспитание учащихся на традиционных ценностях отечественной культуры: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 31 с.
378. Миропольский С. Народная песни в воспитании // Беседа. 1872. № 10. С. 273-279.
379. Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. : в 2-х частях. Екатеринбург : УралНАУКА, 2000. Ч. 1. 104 с.
380. Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. : в 2-х частях. Екатеринбург : УралНАУКА, 2000. Ч. 2. 92 с.
381. Митурич П.В. Очерк истории Оренбургского Неплюевского военного училища и Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса от основания их и до последних преобразований // Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. С. 193-216.
382. Михайлова, Л.И. Социология культуры: учеб. пособие. М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999. 232 с.

383. Музыка. 1-4 классы / Ю.Б. Алиев, В.К. Белобородова, Е.В. Николаева [и др.] ; под общ. ред. Ю.Б. Алиева // Программы общеобразовательных учреждений: Музыка: Начальные классы. М.: Просвещение, 2002. С. 99-116.
384. Музыкальное образование в школе: учеб. пособие для студ. муз. фак. и отд. высш. и сред. пед. учеб. заведений / Л.В. Школяр, В.А.Школяр, Е.Д. Критская и др. ; под ред. Л.В. Школяр. М. : Издательский центр «Академия», 2001. 232 с.
385. Музыкальный фольклор. 1—4 классы: программы для средних общеобразовательных учебных заведений / сост. Л.Л.Куприянова, Л.В. Шамина. М., 1992.
386. Мурзина И.Я., Махрова Т.К., Мурзин А.А. Оренбургское казачье войско: культура и быт. Екатеринбург : ООО «Меридиан», 2013. 208 с.
387. Мурзина И.Я. Региональное образовательное пространство и его составляющие // Образование и наука. 2008. № 5 (53). С. 52-59.
388. Мурзина И.Я. Структурно-функциональная модель регионального культурно-образовательного пространства // Человек в мире культуры. 2013. № 1. С. 12-19.
389. Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание : автореф. дис. ... д-ра культурологии. Екатеринбург, 2003. 47 с.
390. Мухамедьянов С.А. Педагогические условия нравственного воспитания младших школьников с использованием прогрессивных идей башкирской народной педагогики : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Уфа, 1995. 20 с.
391. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1999. 640 с.
392. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). Екатеринбург : ИнтелФлай, 2007. 1072 с.
393. Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков: в 4 т. Т. 1. Оренбург, 1904; Т. 2. 1905; Т. 3. 1906; Т. 4. 1910.
394. Мякушин Н.Г. Сборник уральских казачьих песен: 162 песни и 18 стихотворений Уральского и других казачьих войск. СПб : Типография М.М. Стасюлевича, 1890. 289 с.
395. Надеждинская Т.И. Народная музыка как средство воспитания (исторический аспект проблемы) // Русская музыкальная педагогика конца XX века и современные проблемы музыкального образования: межвуз. сб. науч. тр. Пермь : ПГПИ. С. 37-41.
396. Назайкинский Е.В. Логика музыкальной композиции. М. : Музыка, 1982. 319 с.
397. Назайкинский Е.В. О психологии музыкального восприятия. М. : Музыка, 1972. 383 с.
398. Народное музыкальное творчество : учебник / отв. ред. О.А. Пашина. СПб. : Композитор, 2005. 568 с.
399. Национальная доктрина образования в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dvfu.ru/umu/zakrf/doktrin1.htm>.
400. Национальная программа развития и воспитания детей в Российской Федерации (проект). М. : ГНИИ семьи и воспитания, 2000. 32 с.

401. Национальные ценностные приоритеты сферы образования и воспитания (вторая половина XIX – 90-е гг. XX вв.) / Под ред. члена-корреспондента РАО, д.п.н., проф. З.И. Равкина. М. : ИТПиО РАО, 1997. 411 с.
402. Немирский А.М. Профессиональное военно-музыкальное образование: историко-педагогический аспект [Электронный ресурс] // Педагогика искусства: электронный научный журнал: art-education.ru/AF-magazin, 2010. – № 1. Режим доступа : http://www.art-education.ru/AE-magazine/archive/nomer-1-2010/nemirskii_07_03_2010.pdf
403. Непрерывное профессиональное образование казачества: содержание, перспективы организации: сборник науч. и учеб.-метод. работ / Юж.-Рос. гос. тех. Ун-т (НПИ). Новочеркасск : ЮРГТУ, 2012. С.11-32.
404. Никандров Н.Д. Духовно-нравственное воспитание как задача современной системы образования // Современное образование как открытая система: коллективная монография / под ред. Н.Г. Ничкало, Г.Н. Филонова, О.В. Суходольской-Кулешовой. М.: Институт научной и педагогической информации РАО, издательство «ЮНИТИ-ДАНА», изд-во «ЮРКОМПАНИ», 2012. С. 3-14.
405. Никандров Н.Д. Россия: ценности общества на рубеже XXI века. М. : МИРОС, 1997. 144 с.
406. Николаев Р.М. Традиционные ценности как концептуальная основа культурной идентичности: на артефактах Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. : дис. ...канд. культурологии / Уральский гос. ун-т. Екатеринбург, 2011. 147 с.
407. Николаенко И.Н. Культурные традиции казачества в поликультурном пространстве : дис. ...канд. филос. наук / Пятигорский гос. лингвистический ун-т. М., 2007. 168 с.
408. Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. М. : Мысль, 1990. 831 с.
409. Новиков А.М. Докторская диссертация? Пособие для докторантов и соискателей ученой степени доктора наук. М. : Эгвес, 1999. 120 с.
410. Общая программа, распределение времени и наставление для ведения внеклассных занятий в кадетских корпусах. СПб., 1890.
411. Одиноква Т.И. Мордовская музыка в начальной школе / ред. В.С. Брыжинский; введ. авт. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1994. 272 с.
412. Оконешникова З.Н. Формирование духовно-ценностных отношений младших школьников к национальной музыкальной культуре (на примере музыкальных школ Республики Саха (Якутия): монография. Якутск, 2011.
413. Омаров О.Н. Патриотическое воспитание старшеклассников средствами государственной музыкальной символики Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Махачкала, 2004. 21 с.
414. Оренбургская газета. 1899. 3 ноября.
415. Оренбургские губернские ведомости. 1871. 24 августа.
416. Оренбургские губернские ведомости. 1897. 14 января.
417. Оренбургские губернские ведомости. 1897. 22 мая.
418. Оренбургские епархиальные ведомости. 1887. № 6.
419. Оренбургские епархиальные ведомости. 1902. № 11.
420. Оренбургские епархиальные ведомости. 1903. № 5.

421. Оренбургский казачий вестник. 1917. 2 декабря.
422. Оренбургский листок. 1904. 1 августа.
423. Осипов О.В. Церковно-приходские школы Оренбургской епархии (1864-1917 гг.) : дис. ... канд. историч. наук / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2002. 250 с.
424. Пазухина С.В. Формирование ценностно-смыслового отношения к психологическому знанию у будущих педагогов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тула, 2001. 23 с.
425. Пантелеева И.А. Репрезентативность произведений изобразительного искусства в художественной культуре : автореф. дис. ...канд. филос. наук. Красноярск, 2004. 21 с.
426. Панькин А.Б. Формирование этнокультурной личности : Учеб. пособие. М. : Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2006. 280 с.
427. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М. : Издательство «Мысль», 1971. 348 с.
428. Песни донских казаков / под общ. ред. Г. Сердюченко. М. : Музгиз, 1949. Т. 1. Ч. 1. 244 с.
429. Песни уральских казаков / Зап., нот, сост., вступ. ст. и коммент. Т.И. Калужниковой. Екатеринбург : Сфера, 1998. 235 с.
430. Петрий П.В. Ценностные ориентации российского образования // Традиционные духовные ценности и современная образовательная практика: материалы II всерос. науч.-методич. очно-заочной конф. / отв. ред. С.В. Бойко. Череповец: Филиал СПбГЭУ в г. Череповце. 2013. С. 8-11.
431. Петров С. Что может сделать народный учитель в деле изучения местного края? // Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 1. С. 2-9.
432. Петров С. Что может сделать народный учитель в деле изучения местного края? // Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 2. С. 50-57.
433. Петровский А.В. Психология развивающейся личности. М. : Педагогика, 1997. 268 с.
434. Печко Л.П. Эстетическая выразительность как категория экологической эстетики // Вестник Московского университета. 1994. № 2. С. 12-20.
435. Пивницкая О.В. Освоение школьниками национального песенного фольклора : на материале среднерусского региона: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 22 с.
436. Плетнева С.Н. Русь и степные кочевники в домонгольское время // Родина. 1996. № 12. С. 28-41.
437. Плохова М.Г. Научно-педагогическая деятельность В.Н. Шацкой // Из истории музыкального воспитания: Хрестоматия / Сост. О.А. Апраксина. М. : Просвещение, 1990. С. 65-70.
438. Подопригора С.Я. Индивидуальная стратегия самосозидания как способ культурной идентификации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 48 с.
439. Подосинникова Н.В. Использование педагогического потенциала теории и практики образовательных учреждений Кубани XIX - начала XX веков в современной школе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 1998. 18 с.

440. Подуровский В.М., Сулова Н.В. Психологическая коррекция музыкально-педагогической деятельности : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Гуманит. из. центр ВЛАДОС, 2001. 320 с.
441. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830
442. Положение о кадетских корпусах. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1886. 92 с.
443. Полякова Т.А. Менталитет личности как социально-культурологический феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Тамбов, 2005. 21 с.
444. Пономарев А.В. Субкультура донского казачества (19-20 вв.) как феномен региональной культуры : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2009. 28 с.
445. Пономарев Я.А. Фольклор донских казаков в контексте культурных традиций в России : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2011. 26 с.
446. Попко И. Терские казаки с стародавних времен. Вып.1. СПб. : тип. Деп. уделов, 1880. 26 с.
447. Попов В. Русские народные песни в детском хоре. М. : Музыка, 1979. 80 с.
448. Попова Л.В., Дьяконов Г.В. Идентификация как механизм общения и развития личности: метод. рекомендации. М. : МГПИ им. В.И. Ленина, 1988. 31 с.
449. Попова Н.Н. Этнокультурная самоидентификация старшеклассников в образовательном процессе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2006. 20 с.
450. Представление // Психологический словарь / под ред. В.В. Давыдова [и др.]. М., 1983. С. 262-266.
451. Приказы по Оренбургскому казачьему войску за 1880 год. Оренбург, 1880. 12 января. Приказ № 8.
452. Приказы по Оренбургскому казачьему войску за 1881 год. Оренбург, 1881. 26 июня. Приказ № 159.
453. Программа развития непрерывного образования казачества России на 2011-2015 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mgutm.ru/files/dpuimr/programma_nepreerivnogo_obrazovaniya_v1.pdf
454. Программы для средних общеобразовательных учебных заведений. Музыка. 1-8 классы / под общ. ред. Ю.Б. Алиева. М.: Просвещение, 1993. 78 с.
455. Программы дополнительного образования детей по фольклору и декоративно-прикладному искусству Кубанского казачества / Кубанское казачье войско, Департамент по делам казачества администрации Краснодарского края, Краснодарский краевой ин-т дополнительного проф. пед. образования. – Краснодар : Традиция, 2007. 112 с.
456. Программы общеобразовательных учреждений : Музыка. 1-8 кл. / под руководством Д.Б. Кабалевского ; под ред. Г.П. Сергеевой, Е.Д. Критской. 20е изд. М. : Просвещение, 2005. 223 с.
457. Программы общеобразовательных учреждений. Музыка. 5-9 классы / Г.П. Сергеева, Е.Д. Критская. М. : Просвещение, 2005. 45 с.
458. Программы общеобразовательных учреждений. Музыка. Начальные классы / сост. Е.О. Яременко. М. : Просвещение, 2002. – С. 135-152.
459. Психология. Словарь : под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 405 с.

460. Психологический словарь / под ред. В.В. Давыдова [и др.]. М. : Педагогика, 1983. С. 262-266.
461. Психология музыкальной деятельности: Теория и практика : учеб. пособие / Д.К. Кирнарская, Н.И. Киященко, К.В. Тарасова и др.; под ред. Г.М. Цыпина. М. : Издательский центр «Академия», 2003. 368 с.
462. Путилов Б.Н. Песни гребенских казаков / публикация текстов, вступит. статья и комментарии Б.Н. Путилова. Грозный : Грозненское областное изд-во, 1946. 313 с.
463. Путилов, Б.Н. Фольклор и народная культура / Б.Н. Путилов. СПб. : РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). 464 с.
464. Путин В.В. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2011-2015 годы»: Постановление Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795 // Вестник образования. 2010. № 21. С. 10-52.
465. Путин В.В. О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания: Указ Президента РФ // Вестник образования. 2012. № 21. С. 30-31.
466. Равкин З.И. Ценностные ориентации как одна из основ стратегии развития образования и предмет историко-педагогических исследований // Сластенин В.А., Чижакова Г.И. Введение в педагогическую аксиологию: учеб. пособие. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. С.173-178.
467. Ражников, В.Г. Динамика художественного сознания в музыкальном обучении : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1993. 70 с.
468. Рассадина Т.А. Трансформация традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян : дис. ... д-ра социол. наук / Московский пед. гос. ун-т. 2005. 386 с.
469. РГИВА. Ф. 725. Оп. 5. Д. 202. Л.36.
470. РГИВА. Ф. 725. Оп. 5. Д. 202. Л. 52.
471. РГИВА. Ф.725. Оп. 13. Д. 36. Л. 105.
472. РГВИА. Ф.725. Оп. 13. Д. 43. Л. 13.
473. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 27, 34.
474. Региональный (казачий) компонент государственного стандарта общего образования (проект для экспериментальной апробации) / Министерство образования Правительства Хабаровского края // Воспитание и образование молодежи на традициях и культуре российского казачества: сборник материалов международной научно-практической конференции / авт-сост. – Ю.Ю. Ильяшенко-Магась. М. : Издательство «Миттель-Пресс», 2012. С. 229-281.
475. Региональный этнокультурный казачий компонент государственного стандарта общего образования: проект для экспериментальной апробации / под ред. Н.А. Григорьевой. Волгоград : Изд-во ВГИПК РО, 2008. 68 с.
476. Резникова М.И. Педагогические условия воспитания гражданской культуры школьников средствами казачьего фольклора : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 26 с.
477. Ржепянская И.В. Формирование ценностных ориентаций подростков в процессе освоения народного певческого искусства : дис. ... канд. пед. наук / Московский гос. ун-т культуры и искусств. М., 2005. 270 с.

478. Рзаева Ф.И. Развитие восприятия национальной музыки у учащихся начальных классов как фактор эстетического воспитания : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Баку, 1989. 21 с.
479. Ригельман А.И. История о донских казаках. М. : Университетская типография, 1846. 189 с.
480. Рогова А.В. Идеи воспитания человека культуры в философско-педагогической мысли России и русского зарубежья (вторая половина XIX – первая половина XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2005. 41 с.
481. Розов Н.С. Методологические принципы ценностного прогнозирования образования // Социально-философские проблемы образования. М. : ИЦПУКПС, 1992. 199 с.
482. Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии : дис. ... д-ра искусствознания / Т.С. Рудиченко ; Гос. ин-т искусствознания. Ростов-на-Дону, 2005. 354 с.
483. Рудиченко Т.С. Певческая традиция донских казаков: к проблеме самобытности : автореф. дис. ... канд. искусствознания. Ростов н/Д., 1995. 24 с.
484. Рудиченко Т.С. Пение и песня в казачьем этикете // Музыкаведение. 2005. № 1. С. 20-25.
485. Рудиченко Т.С. Хоровое исполнительство казаков: история и современность // Живая старина. 2013. № 1. С. 7-10.
486. Русский инвалид. 1868. 8 июня.
487. Русский фольклор (факультативная программа) // Программы общеобразовательных учреждений : Музыка. Начальные классы; сост. Е.О. Яременко. М. : Просвещение, 2002. С. 153—160.
488. Рыцарева М.Г. Русская музыка XVIII века. М. : Знание, 1987. 128 с.
489. Савельева Н.М. За Уралом, братцы, за рекой. Народные песни и наигрыши оренбургских казаков. Оренбург : ООО «Печатный дом «Димур», 2009. 264 с.
490. Савельева Н.М. Народные песни и наигрыши Оренбургских казаков // Оренбургский край: история, традиции, культура : сб. ст. Оренбург, 2009.
491. Савицкий Г.В. Начальное народное образование на Южном Урале и Северо-Западном Казахстане в 1851-1917 годах : дис. ...канд. ист. наук / Оренбург. гос. пед. ун-т. Оренбург, 2004. 273 с.
492. Савка А.В. Традиционные базовые ценности как фактор цивилизационной самоидентификации // Ученые записки. 2009. № 2. С. 72-79.
493. Сагатовский В.Н. Категориальный контекст деятельностного подхода // Деятельность: теории, методология, проблемы. М. : Политиздат, 1990. 366 с.
494. Сагнаева С. Исторические аспекты формирования самосознания уральского казачества и современные проблемы самоидентификации казаков [Электронный ресурс]// Возрождение казачества: надежды и опасения. Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/36246.htm>.
495. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Т. Этнология. М. : Изд. Центр «Академия», «Высшая школа», 2000. 304 с.
496. Салимова Л.Х. Педагогические условия нравственного воспитания младших подростков на взаимосвязи прогрессивных традиций русской и башкирской

- народной педагогики : дис. ... канд. пед. наук / Башкирский гос. пед. ун-т. Уфа, 1996. 198 с.
497. Самохвалова Е.В. Формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи средствами музыкального краеведения : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2006. 26 с.
498. Самсонова Т.П. Становление музыкального образования в светских учебных заведениях Петербурга : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1990. 20 с.
499. Самсонова Т.П. Феномен человека в отечественной музыкальной культуре : автореф. ... д-ра филос. наук. СПб., 2008. 45 с.
500. Сарингулян К.С. Орегулятивных аспектах культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 99-101.
501. Сарсенбаев Н.С. Обычай, традиции и общественная жизнь. Алма-Ата : Казахстан, 1974. 227 с.
502. Сборник военных и гражданских узаконений и положений, касающихся казаков Оренбургского казачьего войска. Приложение к приказу по войску 1872 г. № 2.
503. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1864. Т. 2. 62 с.
504. Сборник узаконений и распоряжений о церковных школах ведомства православного исповедания / сост. Федотов Ф. Изд. официальное. СПб. : Синодальная типография. 1907. С. 160-173.
505. Седухин Б.В. Народная музыкальная культура: состояние и тенденции развития : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2004. 25 с.
506. Селезнев А.Н. С.М. Козолупов и его школа в контексте развития русского виолончельного искусства : дис. ... канд. пед. наук / Оренбург. гос. ун-т. М., 2007. 226 с.
507. Селиверстов А.В. Национальный характер русских и его влияние на становление современной российской государственности : дис. ... канд. философ. наук. М., 1997. 174 с.
508. Симагин В. Учреждение казачьих школ в Оренбургском казачьем войске. (1818-1887) // Военный сборник. 1888. № 9. С. 391-399.
509. «Синий лампас» (Оренбургский казачий вальс) // Гостиный двор. 2000. № 8. С. 209-210.
510. Скорик А.П. Возникновение донского казачества как этноса. Изначальные культурные традиции : учеб. пособие для студентов по базовому учеб. курсу «История России». Новочеркасск : Новочерк. политехн. ин-т, 1992. 66 с.
511. Скородумова О.Б. Национально-культурная идентичность в России в условиях становления информационного общества [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Skorodumova/>
512. Скрипниченко Н.В. Казачество в южноуральском песенном фольклоре // Вестник магнитогорской консерватории. 2009. № 1. С. 66-75.
513. Скрынников, Р.Г. Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л. : «Знание» РСФСР, 1982. 32 с.
514. Скрыбина Д.Ю. Сравнительный анализ развития представлений о системе духовных ценностей в отечественной педагогике и педагогике эмиграции 20-20-30

- гг. XX столетия : дис. ...канд. пед. наук / Глазовский гос. пед. ин-т им. В.Г. Короленко. Глазов, 2011. 164 с.
515. Слостенин В.А., Чижакова Г.И. Введение в педагогическую аксиологию: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 192 с.
516. Слепов А.А., Еременко С.И. Музыка и музыканты Екатеринодара : статьи и очерки. Краснодар : Эолывы струны, 2005. 176 с.
517. Смирнов И. Субкультурная революция // Знамя. 2000. № 7. С. 182-185.
518. Смолин О.Н. Российская национальная доктрина образования: размышления над концепцией // Педагогика. 1999. № 7. С. 3-14.
519. Собкин В.С. К формированию представлений о механизмах процесса идентификации в общении // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар : Пед. ин-т, 1975. С. 55-57.
520. Собрание народных песен для детского школьного хора. М., 1919.
521. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1989. 1632 с., ил.
522. Современная этнопсихология / под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск : Харвест, 2003. 368 с.
523. Соколов Э.В. Культура // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та. 1968. С. 368-378.
524. Соколов Э.В. Культура и личность. Л. : Наука, 1972. 226 с.
525. Соколов Э.В. Культурология. Очерки теорий культуры. М. : Фирма «Интерпракс», 1994. 269 с.
526. Соколов Э.В. Понятие, сущность и основные функции культуры: учеб. пособие. Л. : ЛГИК им. Н.К. Крупской, 1989. 83 с.
527. Соколова А.Н. Казачьи танцы как культурный феномен // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 4.
528. Соколова Г.Б. Педагогические возможности фольклора в музыкальном воспитании младших школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М. : [б. и.], 2005. 21 с.
529. Соловьев В.С. Оправдание добра : в 2 т. М., 1988.
530. Соловьев В.С. Русская идея // Русская идея. М. : Республика, 1992.
531. Солодухина Т.К. Этнокультурное образование: категории, принципы, система // Вестник МГУКИ. 2005. № 2. С. 89-96.
532. Солодухина Т.К. Этнокультурное образование русских школьников в полиэтническом регионе : На материале Республики Бурятия : дис. ... д-ра пед. наук / Московский гос. ун-т культуры и искусств. М., 2005. 414 с.
533. Сопов А.В. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2008. № 4. С. 66-85.
534. Сорока-Росинский В.Н. Путь русской национальной школы. Педагогические сочинения / сост. А.Т. Губко. М. : Педагогика, 1991. 240 с.
535. Сохор А.Н. Вопросы социологии и эстетики музыки : ст. и исслед. Л. : Советский композитор, 1980. Вып. 1. 269 с.
536. Сохор А.Н. Вопросы социологии и эстетики музыки. Статьи и исследования. Л. : Советский композитор. Т. 3. 1983. 303 с.

537. Сохор А.Н. Социология и музыкальная культура. М. : Сов. композитор, 1975. 202 с.
538. Сохор А.Н. Социальная обусловленность музыкального мышления и восприятия // Проблемы музыкального мышления / под ред. М.Г. Арановского. М. : Музыка, 1974. 336 с.
539. Социальный менеджмент : учебник / под ред. Д.В. Валового. М. : ЗАО «Бизнес школа «Интел-Синтез», Академия труда и социальных отношений, 1999. 384.
540. Социология: энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, Д.В. Терещенко. Мн. : Книжный Дом, 2003. 1312 с.
541. Спиркин А.Г. Человек, культура, традиция // Традиция в истории культуры. М. : Наука, 1978. С. 5-14.
542. Староверов А.В. Образовательная модель и примерная система начальной военно-казачьей подготовки кадетов в московском областном отдельском казачьем обществе // Воспитание и образование молодежи на традициях и культуре российского казачества: сборник материалов международной научно-практической конференции / авт.-сост. Ю.Ю. Ильяшенко-Магась. М. : Издательство «Миттель-Пресс», 2012. С. 174-180.
543. Старчеус М.С. Слух музыканта: психолого-педагогические проблемы становления и совершенствования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М. , 2005. 59 с.
544. Степун Ф.А. Чаемая Россия. СПб.: Журнал «Нева», 1999.
545. Столович Л.Н. Жизнь – творчество – Человек. М. : Политиздат, 1985. 415 с.
546. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. М.: Республика, 1994. 463 с.
547. Столпянский П. Город Оренбург : материалы к истории и топографии города. Оренбург : изд. Оренб. губ. тип., 1908. 399 с.
548. Стратегия развития российского казачества до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pmr-kazaki.ucoz.ru/news/strategija_razvitiya_rossijskogo_kazachestva_do_2020_goda_obshhie_polozhenija/2012-05-23-1816.
549. Суханов И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М. : Политиздат, 1976. 216 с.
550. Сухарев А.В., Кравченко О.Ф. , Овчинников Е.В. , Тимохин В.В. , Шапорева А.А., Щербак С.Ю. Этнофункциональный подход в воспитании и психопрофилактике // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 68-80.
551. Сухова Л.Г. Национальные и интернациональные аспекты российской музыкально-педагогической школы : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М. , 2005. 53 с.
552. Тагильцева Н.Г. Искусство в развитии самосознания детей: теоретические подходы и диагностика : монография / Урал. гос. пед ун-т, Екатеринбург, 2001. 158 с.
553. Таллибулина М. Т. Музыкальная одаренность: структура, гендерные и возрастные особенности проявлений : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2003. 22 с.
554. Тарасов Г.С. К вопросу об интонационной природе музыкального слуха // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 5. С. 132-134.
555. Тарасов Г.С. О двух подходах к развитию восприятия музыки // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 6. С. 130-132.

556. Тарасова Л.А. Теория и практика музыкального краеведения в системе современного музыкального образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1997. 52 с.
557. Тейлор Э.Б. Первобытная культура : [Пер. с англ.] / предисл. и примеч. А.И. Першица, М. : Политиздат, 1989. 572 с.
558. Тайчинов М.Г. Традиционные ценности народов России и их интеграция в современной системе образования. Нижнекамск : Изд-во НМИ, 2006. 44 с.
559. Театрал. 1896. № 84.
560. Тельчарова Р.А. Музыка и культура (Личностный подход). М. : Знание, 1986. 64 с.
561. Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М. ; Калуга : ГУП Облиздат ; Алир, 2002. 616 с.
562. Тихомиров И. О песнях Оренбургских казаков // Вестник Оренбургского Учебного Округа. 1912. № 7-8. Отдельный оттиск. 14 с.
563. Тишков В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999-2011 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2011. 232 с.
564. Токарев С.А. Аксиологический подход к культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 104.
565. Толлибаев Н. Узбекский песенный фольклор в формировании эмоционально-осознанного отношения к музыке у младших школьников (на материале уроков музыки школ с узбекским языком обучения): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ташкент, 1990.
566. Торопова А.В. Музыкальная психология и психология музыкального образования : учеб. пособие. М. : «Учебно-методический центр «ГРАФ-ПРЕСС», 2010. 240 с.
567. Торопова А.В. Феномен музыкального сознания: методология исследования и развитие : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009. 61 с.
568. Традиционное и нетрадиционное в культуре России / отв. ред. И.В. Кондаков ; науч. совет Ран «История мировой культуры». М. : Наука, 2008. 605 с.
569. Трубецкой С.Н. Сочинения. М.: Издательство «Мысль», 1994. 815 с.
570. Трубников Н.А. Военно-духовая музыка на службе Советской армии и военно-морского флота // Вопросы исполнительского искусства: сб. трудов. М., 1981. С. 155-186.
571. Труды комитета для определения довольствия армейских войск // Военный сборник. 1862. № 9.
572. Тугаринов В.П. Марксистская философия и проблема ценности // Проблема ценности в философии / Под ред. А.Г.Харчева. М.; Л.: Наука, 1966. С. 14-24.
573. Уколова Л.И. Педагогически организованная музыкальная среда как средство становления духовной культуры растущего человека : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2008. 54 с.
574. Уральские Войсковые Ведомости. 1867. № 3.
575. Уральские Войсковые Ведомости. 1867. № 25.
576. Уральские Войсковые Ведомости. 1867. № 26.
577. Уральские Войсковые Ведомости. 1868. № 3.
578. Уральские Войсковые Ведомости. 1868. № 5.

579. Уральские Войсковые Ведомости. 1868. № 6.
580. Уральские Войсковые Ведомости. 1870. № 12.
581. Уральские Войсковые Ведомости. 1870. № 38
582. Уральские Войсковые Ведомости. 1871. № 8.
583. Уральские Войсковые Ведомости. 1874. № 35.
584. Уральские Войсковые Ведомости. 1901. № 6.
585. Уральские Войсковые Ведомости. 1916. № 100.
586. Урусова-Черняева, В.В. Сущность и формы проявления народной культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2006. 18 с.
587. Усачева В.О., Школяр Л.В., Школяр В.А. Музыкальное искусство : программа // Программы общеобразовательных учреждений. Музыка. Начальные классы; сост. Е.О. Яременко. М. : Просвещение, 2002. С. 135-152.
588. Успенская О.А. Влияние музыкального воздействия на становление идентичности личности : дис. ...канд. психолог. наук / Новосибирский гос. пед. ун-т. Новосибирск, 2005. 248 с.
589. Фазылзянова Г.И. Педагогические условия ориентации студентов на духовно-нравственные ценности средствами народного искусства : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2004. 19 с.
590. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60-90-е годы XIX в. / отв. ред. Х.Ф. Усманов. М. : «Наука», 1994. 144 с.
591. Федеральная целевая программа «Культура России» (2012–2018 годы) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archives.ru/programs/fcp.shtml>.
592. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?catalogid=2588>.
593. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>.
594. Федотов, Г. Святые Древней Руси. М. : Московский рабочий, 1990.
595. Федотов Г.П. Стихи духовные / предисл. Н.И. Толстого; послесл. С.Е. Никитиной. М. : Прогресс : Гнозис, 1991. 185 с.
596. Федотова В.Г. Традиционные духовные ценности и развитие России // Вестник российского философского общества. 2000. № 1(13). С. 45-47.
597. Филатова О.П. Формирование ценностно-смыслового отношения старшеклассников к предметам естественно-математического цикла : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2000. 19 с.
598. Филиппова, И.А. Репрезентация русской ментальности в фольклоре оренбургских казаков : автореф. дис. ...канд. филологич. наук. Челябинск, 2007. 22 с.
599. Фольклор казаков Сибири / сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский ; под общ. ред. Л.Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1967. 364 с.
600. Франк С.Л. Духовные основы общества : сборник / сост. и авт. вступ. ст. П.В. Алексеев. М. : Республика, 1992. 510 с.
601. Фридман Л.М., Пушкина Т.А., Каплунович И.Я. Изучение личности учащегося и ученических коллективов : кн. для учителя. М. : Просвещение, 1988. 207 с.
602. Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург : ДИМУР, 1997. 198 с.

603. Хабибулина О.П. Формирование у старшеклассников ценностного отношения к общению с произведениями искусства: в процессе изучения дисциплин гуманитарно-эстетического цикла : автореф. дис. ...канд. пед. наук. – Челябинск, 2004. 31 с.
604. Хавторин Б. История музыкальной культуры Оренбургского края (XVIII-XX вв.). Оренбург : ФГУП «ИПК «Южный Урал», 2004. 632 с.
605. Халитова Н.Х. Использование народного опыта музыкально-эстетического воспитания в подготовке учителей начальных классов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 1995. 22 с.
606. Хайрушин Ж.К. Традиция в социокультурной динамике : автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 1993. 23 с.
607. Хмелева О.Г. Становление ценностного отношения к учебной деятельности учащихся начальной школы (в системе развивающего обучения Д.Б.Эльконина – В.В.Давыдова) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2002. 18 с.
608. Холопова В.Н. Музыка как вид искусства : учеб. пособие. СПб. : Издательство «Лань», 2000. 320 с.
609. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. 8-е изд. М. : Медиум, 1984. Т. 8. 614 с.
610. Хорошихин М.П. Казачьи войска: опыт военно-статистического описания. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1881. 311 с.
611. Художественное воспитание в школе I ступени : Материалы к составлению программ. 2-е изд. М., 1927.
612. Хункай Чжан Традиционные ценности духовной жизни современной молодежи России и Китая : дис. ...канд. филос. наук / Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина. СПб., 2007. 161 с.
613. Целовальникова. А.С. Характеристика основных реформ по патриотическому воспитанию в советский период (1917-1992 гг.) // Ученые записки ЗабГГПУ. 2012. № 5. С. 106-110.
614. Цыпляев П.И. К 25-летию 2-го Оренбургского кадетского корпуса // Педагогический сборник. 1912. Кн. 9. С. 303-317.
615. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1896. № 3.
616. Циркуляры по военно-учебным заведениям // Педагогический сборник. 1893. № 3.
617. ЦГЛА. Фонд Московской государственной консерватории, протоколы совета профессоров, 1877.
618. Чебоненко О.В. Культурно-символический потенциал региона как фактор формирования культурной идентичности молодежи : автореф. ...канд. культурологии. СПб., 2007. 21 с.
619. Черемшанский, В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа : Изд. иждивением учен. ком. м-ва гос. имуществ, 1859. 472 с.
620. Чернышев А. Оренбургское казачество вчера, сегодня, завтра // Родина. 2008. № 8. С. 11-13.
621. Чеснов Я.В. Этнический образ // Этнознаковые функции культуры. М.: Наука, 1991. С. 58-85.
622. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л. : Наука, 1986. 303 с.

623. Чистов, К.В. Традиция, «традиционное общество» и проблема варьирования // Советская этнография. 1981. № 2. С.105-107.
624. Шамина Л.В. Об организации обучения музыкальному фольклору в современной системе народного образования // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: сб. науч. тр. / М-во культуры РФ, РАО, Гос. респ. центр рус. Фольклора. Вып. 1. М., 1990. С. 135-154.
625. Шамина Л.В. Этнографическая парадигма школьного музыкального образования: от «этнографии слуха» к музыке мира // Э.Б. Абдуллин, Е.В. Николаева. Теория музыкального образования: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. С. 312-320.
626. Шарыпов Н. Этнические особенности кубанского танцевального искусства. Кубанские казачьи плясы и пляски. Организация занятий по хореографии в институте и школе : в 2 ч. Славянск-на-Кубани : Издательский центр СГПИ, 2003. 234 с.
627. Шафеев Р.Н. Музыкальная культура как система : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Казань, 2007. 19 с.
628. Шахторин А.А. Подготовка казаков Кубанского казачьего войска во второй половине XIX-начале XX веков: историческое исследование : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 25 с.
629. Шацкая В.Н. Музыка в школе. Кн. 2. М., 1963.
630. Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с польск.; общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1990. 456 с.
631. Шевцова Н.П. Проблема ценности в творчестве Н.А. Бердяева и И.А. Ильина: общее и особенное : автореферат дис. ...канд. философ. наук. М., 2005. 23 с.
632. Шиповская Л.П. Музыка как информационная составляющая современного общества // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. IV: Культурология, политика / отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб. : Алетейя, 2008. 424 с.
633. Ширшов В.Д. Генезис эстетики воинского ритуала // Музыкальное и художественное образование и эстетическое воспитание детей и молодежи : монография / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» ; отв. ред. К.П. Матвеева. – Екатеринбург, 2011. С. 73-84.
634. Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819-1895 гг. (краткий исторический очерк) / сост. подьесаул С.Н. Севастьянов. Оренбург : типо-лит. Губ. правл., 1896. 39 с.
635. Школьное пение : учебно-музыкальные заметки к 1-му выпуску Учебно-музыкальной хрестоматии А. И. Богородицкого / сост. Н. Малинин. М., 1875.
636. Шпикалова Т.Я. Основы народного и декоративно-прикладного искусства : программа. М. : Музыка, 1991. 160 с.
637. Шульга Р.П. Искусство в мире обыденного сознания. Киев : Наукова думка, 1993. 159 с.
638. Щедрина Г.К. Искусство как этнокультурное явления // Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М.С. Каган. Л. : Издательство «Наука», 1987. С. 41-47.
639. Шеманов А.Ю. Самоидентификация человека и культура: монография. М. : Академический проект, 2007. 479 с.

640. Щербакова А.И. Аксиологическая подготовка учителя музыки на современном этапе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. 60 с.
641. Щербанов Н.М. Из истории собирания и изучения песенного музыкального фольклора уральских казаков (сборник А.В и В.Ф. Железновых, 1899 год) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. X. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 95-109.
642. Щербанов Н.М. Песенный фольклор уральских казаков в записях И. И. Железнова // Фольклор Урала : межвуз. сб. / Уральский гос. ун-т. Свердловск, 1977. Вып. 3 «Народно-песенное творчество». С. 62-80.
643. Щербанов Н.М. Фольклорно-этнографическая тематика в «Уральских войсковых ведомостях» (Публикации Н.Ф. Савичева за 1867-1885 гг.) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. IX. М. : Издательство «Наука», 1982. С. 48-62.
644. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска : в 2 т. Екатеринодар : тип. Кубан. Обл. правл., 1910-1913.
645. Щуркова Н.Е. Воспитание: новый взгляд с позиций культуры. М. : Образовательный центр «Педагогический поиск», 1997. 78 с.
646. Эстетика: Словарь / под общ. ред. А.А. Беляева и др. М. : Политиздат, 1989. 447 с.
647. Эткинд А.М. Искусство как самосознание культуры // Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М.С. Каган. Л. : Издательство «Наука», 1987. С. 85-92.
648. Этнологический словарь. Этнос. Нация. Общество / ред. В.И. Козлов, В.Г. Рябков и др. Вып. 1. М. : Витан, 1996. 208 с.
649. Юдин А.П. Национальная идея в русской музыкальной педагогике XIX века : дис. ... д-ра пед. наук / Московский пед. гос. ун-т. М., 2004. 68 с.
650. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М. : Наука, 1975. С. 272-273.
651. Юсов Б.П. Взаимодействие искусств: методология, теория, гуманитарное образование // Взаимодействие искусств: методология, теория, гуманитарное образование : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Л.П. Казанцева ; сост. П.С. Волкова. Астрахань, 1997.
652. Якиманская И.С. Технология личностно-ориентированного образования // Библиотека журнала «Директор школы». Вып. 7. М.: Сентябрь, 2000. 175 с.
653. Яковлев Е.В., Яковлева Н.О. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения. М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2006. 239 с.
654. Яковлев Е.В., Яковлева Н.О. Педагогическое исследование: содержание и представление результатов. Челябинск : Изд-во РБИУ, 2010. 316 с.
655. Яковлева Н.Н. Методологические проблемы педагогики эстетической среды детского коллектива // Педагогика эстетической среды: теория и опыт : сб. науч. тр. / Нац. ин-т образования, Ин-т худож. образования Рос. акад. образования; под ред. Л.П. Печко, Н.Н. Яковлевой. Минск, 2002. С. 32-49.
656. Яковлева Р.Ф. Нравственное воспитание младших школьников на традиционных семейных ценностях чувашской диаспоры Республики Башкортостан : автореферат дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2011. 21 с.
657. Яковлюк С.М. Формирование основ духовности младших школьников средствами эстетических ценностей фольклора : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2004. 20 с.

658. Ялфимов А. На запольной реке: рассказы и фольклорные миниатюры из жизни уральских казаков. Уральск: «Полиграфсервис», 2001. 159 с.
659. Яшмолкина О.Н. Теория и методика освоения младшими школьниками национальных музыкальных традиций: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 22 с.
660. Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge, 1992.
661. Kresanek J. Socialna funcia hudby. Bratislava, 1961.
662. Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture: A Critical Review of Concepts and Difinitions. N.Y., 1952.
663. Marcia J. Identity in adolescence // Handbook of adolescent psychology. N.Y., 1980. P. 159-187.
664. Martin V. Leçon d'une ancienne crise de la tradition // Tradition et innovation, p. 39.

Научное издание

Кашина Наталья Ивановна

**ОСВОЕНИЕ ДЕТЬМИ И МОЛОДЕЖЬЮ
ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

Монография

Подписано в печать12.14. Формат 60x84 1/16.
Бумага «Гознак». Гарнитура «Таймс». Печать на ризографе.
Усл. печ. л. – 14,1. Уч. – изд. л. – ... Тираж 500 экз. Заказ № ...

Отпечатано в типографии ООО «УМЦ УПИ»
620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35 а, оф. 2